

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1–2(22–23)

МОСКВА
2019

ISSN 2079-9160

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалин (Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалин (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), К.М. Миннуллин (Казань), А.М. Молдован (Москва), К.М. Мусаев (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), В.Н. Тугужекова (Абакан), М.З. Улаков (Нальчик), Ф.С. Хакимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Отв. секретарь: О.Н. Пустогачева (Москва)
Отв. секретарь и научный редактор: З.Н. Экба (Москва)

Члены редколлегии: Т.А. Аникеева (Москва), Л.Л. Габышева (Якутск), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Д.А. Функ (Москва), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходившего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2019
© Российский комитет тюркологов, 2019

№ 1–2(22–23)

ISSN 2079-9160

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian TURCOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turcologists, Russian Academy of Sciences,
Department of Historical and Philological Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Sh. Akalın (Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), M. Erdal (Israel), N.Kh. Gadziakhmedov (Makhachkala), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isayev (Cheboksary), J. Janhunen (Finland), M.S. Kachalin (Turkey), F.S. Khakimzyanov (Kazan), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), I.V. Kul'ganek (Saint-Petersburg), K.M. Minnullin (Kazan), A.M. Moldovan (Moscow), K.M. Musayev (Moscow), A. Róna-Tas (Hungary), N.N. Shirobokova (Novosibirsk), Zh.S. Syzdykova (Moscow), V.N. Tuguzhekova (Abakan), M.Z. Ulakov (Nal'chik), I. Vásáry (Hungary), N.I. Yegorov (Cheboksary), P. Zieme (Germany), M.Z. Zakiyev (Kazan)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg)
Executive Secretary: O.N. Pustogacheva (Moscow)

Executive Secretary and Scientific Editor: Z.N. Ekba (Moscow)

Members of the Editorial Board: T.A. Anikeeva (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), M.D. Chertykova (Abakan), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), D.A. Funk (Moscow), L.L. Gabysheva (Yakutsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), I.A. Nevskaya (Frankfurt), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), M. Ölmez (Istanbul), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (Moscow), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

The scientific journal "Russian Turcology" is a continuation of the journal "Soviet Turcology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turcology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2019

© The Committee of Russian Turcologists, 2019

№ 1–2(22–23)

ПЕРСОНАЛИИ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Этот номер журнала «Российская тюркология» посвящается 80-летию Игоря Валентиновича Кормушина, его нынешнего главного редактора.

В январе 2019 г. доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, председатель Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, главный редактор журнала Игорь Валентинович Кормушин отметил свой восьмидесятилетний юбилей.

И.В. Кормушин родился 25 января 1939 г. в Ленинграде (ныне – Санкт-Петербург) в семье студентов: отец, Валентин Иванович Кормушин, учился в Кораблестроительном институте, мать, Галина Владимировна, сначала училась на филфаке ЛГУ (французское отделение), а затем перевелась на искусствоведческое отделение Института живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств. Во время Великой Отечественной войны Игорь Валентинович жил в эвакуации на Дальнем Востоке – в Спасске и Владивостоке – с матерью и присоединившимся в конце 1941 г. к семье отцом, который участвовал в сражениях с первого дня и был демобилизован из армии по случаю тяжелого ранения и длительного лечения в госпиталях Москвы. После войны И.В. Кормушин вернулся в

Ленинград, где в 1956 г. окончил среднюю школу. Год работал на заводе учеником слесаря, слесарем-сборщиком, такелажником, одновременно занимаясь на подготовительных курсах в ЛГУ.

В 1957 г. он поступил на Отделение тюркской филологии Восточного факультета. На востфаке слушал лекции и занимался у тюркологов А.Н. Кононова, С.Н. Иванова, А.П. Векилова, В.С. Гарбузовой, Н.И. Шамиловой, А.Д. Новичева, иранистов и арабистов И.П. Петрушевского, А.Т. Тагирджанова, Л.З. Писаревского. Во время учебы в течение года стажировался в Софийском университете им. Климента Охридского, посещая занятия по турецкому языку у преподавателя Хюсейна Махмудова и по османской дипломатике у профессора Бориса Недкова в Национальной библиотеке им. Василя Коларова.

Игорь Валентинович закончил университет в 1962 г. с квалификацией «востоковед-филолог» и в том же году поступил в аспирантуру Сектора алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук, по окончании которой был оставлен в штате того же Института, где и работает по настоящее время, т.е. непрерывно в течение 57 лет: до 1976 г. в Ленинградском отделении (ныне Институт лингвистических исследований РАН), а с 1976 г. в московской части Института. За время работы в Москве он прошел все ступени научной карьеры от младшего научного сотрудника до старшего (1985), ведущего (1992) и главного (1998) научного сотрудника.

Проходя аспирантуру в Алтайском секторе ЛО ИЯз АН СССР, Игорь Валентинович дополнительно изучал под руководством О.П. Суника, В.И. Цинциус и В.М. Наделева языки алтаистического цикла – маньчжурский, эвенкийский и древнемонгольский. Еще в аспирантские годы, в 1964 г., он вместе с О.П. Суником впервые отправился в лингвистическую экспедицию осваивать исчезающий в наше время тунгусо-маньчжурский язык – удэгейский. Перед И.В. Кормушиным была поставлена конкретная задача: собрать дополнительный материал по еще функционирующим удэгейским говорам для «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (ССТМЯ). Этот словарь, создававшийся в 60-е годы в Алтайском секторе ЛО ИЯз под руководством В.И. Цинциус, содержал очень добротные довоенные материалы Е.Р. Шнейдера и в то же время весьма нуждался в свежих данных, в том числе по говорам, не охваченным в свое время Е.Р. Шнейдером. Задача была выполнена, и за две экспедиции – в 1964 и 1968 гг. – удэгейские лексические материалы ССТМЯ были пополнены записями от носителей приморских диалектов на рр. Самарга и Коппи, где Е.Р. Шнейдер по причине трагической гибели в 1937 г. не сумел побывать. В Предисловии к ССТМЯ, вышедшему в двух томах в 1975–1977 гг., кратко сказано: «По диалектам удэгейцев включены, кроме изданных Е.Р. Шнейдером, также его неопубликованные экспедиционные материалы и новые экспедиционные материалы И.В. Кормушина» [ССТМЯ, т. II: IV].

Наряду с указанной работой по удэгейскому языку Игорь Валентинович с первого же курса аспирантуры включился в большой коллективный проект, выполнявшийся членами Алтайского сектора – тюркологами, по созданию «Древнетюркского словаря» (ДТС). Здесь образовалась группа «неосновных» составителей из молодых Т.А. Боровковой, И.В. Кормушина, Н.И. Летягиной и ветерана Отечественной войны, редактора издательства ЛО «Наука» А.А. Зырина, воз-

главляемая поначалу самим В.М. Надеяевым, общим руководителем работ по ДТС, а чуть позже, с приходом в коллектив Д.М. Насилова, перешедшая под его шефство. Вся эта деятельность задержала представление к обсуждению текста кандидатской диссертации Игоря Валентиновича до осени 1968 г. Однако это было не напрасно, так как, во-первых, большая часть материалов и вошла в ССТМЯ (см. выше), и, с другой стороны, составила изданную позднее книгу по удэгейскому языку (см. ниже); во-вторых, 7 января 1969 г. вышел из печати «Древнетюркский словарь». Таким образом, защищая в ЛО ИЯз 28 января 1969 г., в дни своего тридцатилетия, кандидатскую диссертацию, И.В. Кормушин добавил к маленькому списку своих публикаций, необходимых для защиты, участие в большом коллективном труде. Диссертация «Категория каузатива в алтайских языках» была защищена по специальности «Языки народов СССР», оппоненты: А.Н. Кононов, Д.А. Алексеев. В этой работе были тщательно рассмотрены все каузативные показатели тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских языков с подразделением их на продуктивные и непродуктивные, привлечением к сопоставлению с каузативными формантами аффиксов, передающих пермиссивные, пассивные и медиопассивные значения (на что дает право комплексная каузативно-пассивная семантика, вероятно, архаичных форм в тунгусо-маньчжурских языках), и обоснованы возможные алтайские сопоставления. По крайней мере в области тунгусо-маньчжуроведения и монголистики эта работа до сих пор остается последним словом. А в 1991 г. в Москве И.В. Кормушин защитил докторскую диссертацию по двум специальностям – «Общее языкознание» и «Тюркские языки»: «Проблемы реконструкции пратюркского глагола: темпоральная система, ее истоки и преобразования», оппоненты: Ю.С. Степанов, Э.А. Грунина, Т.М. Гарипов. Диссертация была защищена в форме научного доклада по трем небольшим монографическим публикациям и 11 статьям. Это также очень важная работа, в которой впервые предпринята попытка системной парадигматической реконструкции для тюркских временных форм; кроме того, к тюркскому материалу были впервые применены понятия ближней и дальней реконструкции, а также высказана гипотеза о том, что господствующей ныне структуре корня тюркских языков типа СГС на этапе дальней реконструкции с наибольшей вероятностью предшествовала двусложная структура типа СГСГ.

В 2002 г. ВАК в соответствии со своими правилами присвоил И.В. Кормушину ученое звание профессора, поскольку количество его учеников, защитивших кандидатскую диссертацию, достигло 6.

В орбиту исследований Игоря Валентиновича входят современные и древние языки тюркской, тунгусо-маньчжурской и монгольской семей. В 60-е – 70-е гг. он изучал и записывал в полевых условиях языки малочисленных народов Дальнего Востока – удэгейцев и орочей. Материалы этих записей, как уже сказано, вошли в фундаментальный «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (Т. I–II. Л., 1975–1977), а также вышли отдельной книгой «Удыхейский (удэгейский) язык: Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь» (М.: Наука, 1998. 320 с.).

Основные интересы Игоря Валентиновича в тюркологии – во-первых, младописьменные и малоизученные языки Сибири: тувинский, хакасский, шорский, алтайский; во-вторых, древнетюркские памятники. Изучению древнетюркских

рунических орхоно-енисейских памятников И.В. Кормушин отдает много сил, начав – о чем уже сказано выше – с деятельности в качестве члена коллектива авторов-составителей знаменитого «Древнетюркского словаря» (Л., 1969; второе издание – Астана, 2016). Именно он обрабатывал для этого словаря материалы рунических памятников, поскольку ему после отъезда В.М. Наделяева было поручено доработать Предисловие и Введение, содержащие классификацию памятников и таблицы древнетюркских график; помимо этого, значительным дополнениям подвергся список источников в части рунических памятников.

Игорь Валентинович исследует древнетюркскую письменность с середины 60-х гг. XX столетия. Им фактически создано научное направление рунической палеографии. Первая его публикация об основных понятиях тюркской рунической палеографии, посвященная этой совершенно не разработанной в тюркологии области, появилась в 1975 г. в журнале «Советская тюркология» и послужила поворотным пунктом в изучении и дешифровке памятников тюркского рунического письма. Впервые И.В. Кормушиным была разработана руническая графика, проведен структурный анализ формообразующих элементов рунических букв, на основании которого строится система рунической палеографии. На основании опорных (надежно датированных и локализованных) памятников составлены таблицы поэлементных изменений знаков алфавита, которые применяются для приблизительного датирования недатированных текстов. Благодаря этому выстроилась историческая последовательность вариаций рунического письма: 1) доорхонские (710–720 гг.); 2) орхонские (730-е гг.); 3) уйгурские (760–840 гг.); 4) енисейские (после середины IX в.) и 5) таласские (позднее X в.). Открытые позднее памятники в основном вписываются в эту последовательность, что указывает на высокую надежность гипотезы. Кроме того, исчисление

вариативности элементов рунических знаков в ряде случаев облегчило уточнение прочтений надписей. Таким образом, И.В. Кормушиным поставлены и решены вопросы принципов хронологизации недатированных памятников, а также разработаны приемы текстологического анализа наиболее трудных для истолкования надписей бассейна Енисея IX–XI вв.

С 1964 по 2017 г. И.В. Кормушин провел свыше тридцати лингвистических и эпиграфических экспедиций в районы Дальнего Востока, Хакасии, Тувы и Монголии.

Научные изыскания в области орхоно-енисейской письменности характеризуют И.В. Кормушина как исследователя поразительной трудоспособности, стремящегося всегда «докопаться до истины», точно фиксируя исследуемый материал. Изучая тексты древнетюркских рунических надписей, он сделал серьезные поправки и уточнения в составе знаков, а при чтении более 50 наиболее значительных и хорошо сохранившихся надписей дал новые переводы и толкования. В 2000 г. им впервые были прочитаны надписи в районе Кара-Холя в Республике Тыва – это надписи Е – 153 и Е – 154.

Очень продуктивным оказался также метод классификации надписей по сопровождающим их тамгам. Впервые данные по тамгам использовал Л.Р. Кызласов; И.В. Кормушин продолжил и расширил эту работу. Надписи с тамгами объединяются в ареалы с возможностью выделения определенной языковой специфики. В частности, Игорь Валентинович зафиксировал однотипные тамги в надписях из долины р. Алаш (Западная Тува) и из местности Суджи (Северная Монголия) и в одной из своих статей выдвинул предположение об этнической принадлежности автора надписи из Суджи.

Результаты экспедиций обсуждались на международных конференциях по проблемам древнетюркской письменности в разных городах России, ФРГ, Венгрии, США, Турции, Кипра, Финляндии, Монголии, Казахстана и Киргизии. Почти тридцатилетний труд в музейных хранилищах Сибири и в полевых условиях увенчался двумя книгами под общим заголовком «Тюркские енисейские эпитафии»: «Тексты и исследования» (М.: Наука, 1997. 304 с.) и «Грамматика, текстология» (М.: Наука, 2008. 342 с.). Эти работы основаны на тщательном визуальном (при подсветке и с простым двукратным увеличением) анализе каждого письменного знака – рун и тамг – каждого памятника и критическом сравнении своих заключений с ранее предложенными идентификациями других рунологов. Новое прочтение и интерпретация И.В. Кормушиным многих мест в большинстве из перечтенных, а также вновь открытых рунических памятников Сибири и Монголии обозначили самое значительное со времен С.Е. Малова продвижение в дешифровке енисейских надписей. Корректируя тексты енисейских памятников, И.В. Кормушин указывает, кем впервые издан тот или иной памятник, кто и какие поправки внес при последующем чтении и переводе, а затем, после проверки поправок предшественников, вносит собственные исправления в состав знаков или полностью перечитывает ту или иную строку памятника.

В книге «Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования» (1997) рассмотрены 56 памятников, которые сгруппированы по главным ареалам – Хакасия, Тува (13 из Хакасии, 43 из Тувы), а внутри них – по тамговым особенностям.

Вторая монография, «Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология», состоит из четырех частей. В первой части в дополнение к книге «Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования» опубликовано 18 вновь изученных, а частично и новооткрытых надписей: 4 из Хакасии, 12 из Тувы, 2 из Северо-Западной Монголии. В части II приведены следующие сведения обо всех изданных в обеих книгах памятниках: *нынешнее местонахождение; публикации; наличие (отсутствие) тамги; характеристика содержания текста* – новая рубрика в подобных изданиях. Далее идут три вида представления оригинального текста памятников из первой книги: запись текста рунами, транскрипция, перевод. Для 18 текстов, опубликованных в первой части, первые четыре рубрики – *местонахождение, публикации, тамга, характеристика содержания*, – заполнены, а в рубрике *текст* указаны номера страниц части I.

В третьей части монографии 2008 г. «Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология» ученый определил основные черты грамматики енисейских памятников в сравнении с текстами больших орхонских памятников, грамматика которых была описана в свое время А.Н. Кононовым.

Последняя, четвертая, часть посвящена новаторским для тюркологии в целом текстологическим наблюдениям. Автор выделяет в стандартизованных текстах эпитафий коммуникативные единицы – текстемы, объединенные в текстемные блоки¹:

¹ «Отрезки текста..., выполняющие в нем определенную коммуникативную задачу одного и того же функционального плана» [Кормушин 2008: 242].

– депловативные текстемы. Ученый отметил, что данные текстемы выявились далеко не сразу, так как они лишь недавно были прочтены в семантическом ключе как «слова, передающие прямо или косвенно чувства сожаления, досады, горечи, разочарования по поводу смерти меморианта» [Кормушин 2008: 245]. Енисейские эпитафии, в отличие от торжественных официально-государственных орхонских, несут в себе сильное эмоционально-экспрессивное начало (хотя и те и другие являются поминальными) [Кормушин 2001];

– текстемы адресации. В енисейских эпитафиях обращения адресованы к членам семьи, родственникам, правителю, народу, воинам, а также к Солнцу, Луне, родной земле и т.д. И.В. Кормушин проанализировал, как каждый предыдущий исследователь читал и трактовал ту или иную лексему, используемую в качестве обращения, и внес свои поправки или же сумел объяснить неразгаданные до этого слова, аргументируя свои решения лексически, морфологически и графически;

– репрезентативные текстемы. И.В. Кормушин зафиксировал два вида представления меморианта: краткое и пространное. Краткое представление состоит из собственного имени с титулом, например *Кара Барс ынанчу чигши мен* ‘Я Кара Барс ынанчу чигши’. А в пространном представлении имя-титул сопровождается перечислением чина, должности, возраста, например *Атым – Эл Тоган Тутук бен, теңри элимке элчиси эртим алты баг бодунга беги эртим* ‘Имя мое – Эль Тоган-тутук, для небесного государства (моего) (был) послом, для (моего) народа из шести уделов – (был) бегом’. Ученый также уточнил способы и формулы именования и более подробно рассмотрел титулатуру, которая может быть интересна для исследователей военной лексики как в древних, так и в современных тюркских языках;

– повествовательные текстемы. В повествованиях о жизни меморианта наиболее значимыми являются темы ратных свершений героя и его успехи во время охоты – любимого занятия, по поводу потери которого горюет мемориант. На значительном языковом материале анализируются отнесенные к особенностям повествования этнонимы и топонимы, зафиксированные в текстах орхон-енисейской письменности;

– завещательные текстемы. Данные текстемы Игорь Валентинович рассматривает на примере трех надписей – Е – 10, Е – 11 и надписи из Суджи; обращения меморианта к соратникам и потомкам с призывами и увещаниями оказались довольно редкими.

Результаты многолетних экспедиций Игоря Валентиновича, опубликованные в монографиях, получили высокую оценку в научных кругах России и за рубежом.

В последние годы И.В. Кормушин все большее внимание уделяет орхонским памятникам, подготавливая новое русскоязычное академическое издание древнетюркских рунических надписей VIII–IX вв. с территории Центральной и Средне-Западной частей Монголии. Это наиболее известные комплексы, посвященные Тоньюкуку, Алп-Элетмишу (Онгинская надпись) и Кюли-чору. Они хотя и сохранились до сегодняшнего дня, но имеют повреждения, требующие корректировки при чтении текстов. Помимо общеизвестных памятников, И.В. Кормушин исследовал и менее известные надписи этого круга, например из местечка Шар-

булаг в сомоне Дарвь Ховдского аймака [Кормушин 2005] и в Хангидай (Центральная Монголия) [Кормушин 2009].

Как истинного ученого, исследующего памятники орхоно-енисейской письменности, Игоря Валентиновича также волнуют проблемы их сохранения. Как известно, большая часть енисейских надписей собрана в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова, а с середины прошлого столетия их стали собирать и в Национальном музее Тувы им. Алдан-Маадыра. Влажностный и температурный режимы в музеях не всегда идеально отвечали оптимальным условиям хранения памятников. И.В. Кормушин на правительственном уровне поднял вопрос об их сохранности, пригласив членов правительства Тувы на специальную лекцию о значимости енисейских надписей для истории и культуры Тувы, которая проводилась в стеларии старого музея. И эта встреча оказалась результативной – ныне в новом помещении музея им. Алдан-Маадыра построен крытый стеларий для памятников енисейской письменности.

Общеизвестны труды И.В. Кормушина в области сравнительно-исторического языкознания. Им опубликованы монографические исследования по алтаистике – «Каузативные формы глагола в алтайских языках» (Л., 1978), «Системы времен глагола в алтайских языках» (М., 1984). Им также разработана оригинальная теория тюркского праязыка, сформулированы приемы и принципы его анализа на древнейших этапах развития (в книге «Проблемы реконструкции пратюркского глагола: темпоральная система, ее истоки и преобразования» – М., 1991).

В течение тридцати лет Игорь Валентинович участвовал в создании много томного труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков»: «Морфология (М., 1988), «Лексика» (М., 1997), «Региональные реконструкции» (М., 2002), «Пратюркский язык-основа. Картина мира глазами пратюрка» (М., 2006). Сейчас он руководит работой над первым томом фундаментального труда «Основы тюркского языкознания», посвященным древне- и среднетюркским языкам.

Другим многолетним трудом И.В. Кормушина является работа над первым российским изданием словаря тюркских языков Махмуда Кашгарского «Дивану лугат ат-турк», начатая еще акад. А.Н. Кононовым (первый том опубликован в серии «Письменные памятники Востока» в издательстве «Восточная литература» в 2010 г., второй – там же в 2016 г.; ведется работа над третьим томом, содержащим указатели).

И.В. Кормушин активно пропагандирует достижения отечественного языкознания: им опубликовано 15 статей в Лингвистическом энциклопедическом словаре (М., 1990), 13 статей в Энциклопедии Республики Хакасия (Т. 1–2. Абакан, 2007–2008) и уже до десятка статей в продолжающемся издании Большого Российского энциклопедического словаря.

Игорь Валентинович успешно сочетает исследовательскую работу с педагогической. На протяжении двадцати лет он читал лекции по языку орхоно-енисейских памятников студентам филологического факультета Тувинского государственного университета. Во время эпиграфических экспедиций он бескорыстно передает свои навыки работы младшим коллегам, аспирантам, студентам, постигающим основы полевого исследования, щедро делаясь своими профессиональными знаниями и богатым научным опытом. Игорь Валентинович находит время и для

написания учебно-методических работ: составил и опубликовал программу курса «Древние тюркские языки», а в 2004 г. под грифом Министерства образования и науки РФ выпустил учебное пособие «Древние тюркские языки» для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Востоковедение», «Филология» и «Родной язык и литература» (тюркской языковой семьи). Это пока единственный такой учебник в России и в мире. С 1985 г. он разработал и прочел ряд вузовских курсов по истории и сравнительной грамматике тувинского, хакасского, якутского и других языков в университетах Москвы, Хакасии, Тувы, Турции и Северного Кипра. Под его руководством защищены 11 кандидатских диссертаций по узбекскому, монгольскому, хакасскому, тувинскому языкам, 2 магистерские диссертации по турецкому языку. В настоящее время идет работа над 4 кандидатскими и 2 докторскими диссертациями по тувинскому и хакасскому языкам. Многие ученики Игоря Валентиновича руководят сейчас научными тюркологическими подразделениями в различных областях России и странах СНГ.

Все годы работы в учреждениях Академии наук (с 1962 г.) И.В. Кормушин ведет активную научно-организационную деятельность. Свыше 30 лет он был ученым секретарем, заместителем председателя, а с сентября 2007 г. он утвержден председателем Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН.

Неоценим вклад Игоря Валентиновича в дело возрождения и становления современного Российского комитета тюркологов. Здесь он стремится продолжать традиции советской тюркологической школы, и в частности журнала «Российская тюркология» – органа РКТ. Он активно работает в диссертационных советах и в редколлегиях ряда отечественных научных журналов, выступает на российских и международных конференциях.

Вклад И.В. Кормушина в развитие тюркологии получил признание широкой научной общественности: он – вместе с Э.Р. Тенишевым, К.М. Мусаевым и другими тюркологами Института языкознания РАН – лауреат Премии Абдель Азиза Сауд Аль-Бабтина (Кувейт, 1997). В 2000 г. вклад И.В. Кормушина в тюркологию был отмечен в Турции избранием его 20 октября почетным членом (академиком) Турецкого лингвистического общества. 15 декабря 2003 г. И.В. Кормушину за заслуги в области образования присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», «Почетный профессор ТувГУ» (2006), 17 сентября 2009 г. он удостоен звания «Заслуженный деятель науки Республики Тыва». 26.02.1997 Указом Президента Российской Федерации П №0038092 награжден медалью «В память 850-летия Москвы». 10.07.2006 Указом №15170 Президента Монголии награжден «Медалью в честь 800-летия образования Монгольского государства».

В текущем, 2019 году кандидатура И.В. Кормушина выдвинута для участия в выборах действительных членов РАН по специальности «Языкознание».

Глубокая эрудиция в разных областях востоковедения, широта научных интересов, владение смежными отраслями алтаистики, умение работать как в области сравнительно-исторических исследований, так и с современными живыми языками разных языковых групп, опыт лексиколога, интерес к этнолингвистике – все это характеризует Игоря Валентиновича как достойного продолжателя деятельности его ленинградских учителей, заветы которых находят отражение в его разноплановых научных трудах и организаторской деятельности. В списке трудов И.В. Кормушина 7 индивидуальных, 12 коллективных монографий и более 130 статей.

Друзья, коллеги и ученики поздравляют юбиляра и от всей души желают ему дальнейших успехов в осуществлении творческих замыслов, доброго здоровья, счастья и радости. К поздравлениям присоединяются сотрудники Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, члены Российского комитета тюркологов и сотрудники редакции журнала «Российская тюркология».

Зав. Отделом урало-алтайских языков
Института языкознания РАН (г. Москва)
чл.-корр. РАН, д.ф.н., проф. **А.В. Дыбо**

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ Кормушина Игоря Валентиновича

Монографии (в том числе коллективные):

1. Yenisey eski Türk mezar yazıtları [Енисейские древнетюркские эпитафии] / Metinler ve incelemeler [Тексты и исследования]. Çeviren Rysbek Alimov [Перевод Рысбека Алимова]. Ankara, 2017, 368 с. (ISBN 978-975-16-3344-6).
2. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). Перевод с арабского А.Р. Рустамова. Под редакцией И.В. Кормушина. Предисловие И.В. Кормушина. Примечания И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского и А.Р. Рустамова. В 3-х томах. Т.2. М., 2016, 511 с. (32 п.л.) (ISBN 978-5-02-039754-5).
3. Древнетюркский словарь. Издание второе, пересмотренное. Под ред. Д.М. Насилова, И.В. Кормушина, А.В. Дыбо, У.К. Исабековой. Астана, изд-во Гылым, 2016, 760 с.; 1-е изд.: Л., Наука, 676 с. Составители: Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин, И.В. Кормушин, Н.И. Летягина, Д.М. Насилов, В.М. Надеяев, Э.Р. Тенишев, Л.Ю. Тугушева, А.М. Щербак. Редакторы 1-го изд.: В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак.
4. Yenisey – Altay – Kırgızistan Yazıtları ve kağıda yazılı Runik Belgeler [Надписи Енисея, Алтая, Киргизии, а также документы на бумаге руническим письмом]. Hazırlıyan: İgor Kormushin – Emine Muzioğlu – Rısbek Alimov – Fikret Yıldırım [Авторы: Игорь Кормушин, Эмине Музиоглу, Рысбек Алимов, Фикрет Йылдырым]. Yaını hazırlayan: Mehmet Ölmez [Под редакцией Мехмета Ольмеза]. BilgeSu yayıncılık. [Изд-во Бильгесу]. Ankara, 2016, 560 s. (ISBN 978-9944-795-75-3)
5. Диванз лугат ат-турк (Свод тюркских слов). Перевод с арабского А.Р. Рустамова. Под редакцией И.В. Кормушина. Предисловие, введение И.В. Кормушина. Примечания И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского и А.Р. Рустамова. В 3-х томах. Т.1. М., 2010, 461 с. (31 п.л.) (ISBN 978-5-02-036424-0)
6. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М., «Наука», 2008, 342 с. (26, 8 п.л.) (ISBN 978-5-02-036260-4).
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира глазами пратюрка. М., «Наука», 2006, 908 с. (авторы: Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев, Д.М. Насилов, Ю.В. Норманская, Р.А. Тадинова, З.Н. Экба) (ISBN 5 02-032710).
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., «Наука», 2002, 767 с. (авторы: Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, Д.М. Насилов, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев, А.А. Чеченов). / Тобаская группа. С.600 – 660. (ISBN 5-02-022648-6).

9. Удыгейский (удэгейский) язык. Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М., «Наука», 1998, 320 с. (22,3 п.л.) (ISBN 5-02-011292-5).
10. Тюркские енисейские эпитафии: тексты и исследования. М., «Наука», 1997, 304 с. (21,2 п.л.) (ISBN 5-02-011669-6).
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., «Наука», 1997, 800 с. (авторы: Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев) (ISBN 5-02-010-861-8).
12. *то же*, Второе издание, дополненное. М., «Наука», 2001 (822 с., 58 п.л.).
13. Проблемы реконструкции пратюркского глагола: темпоральная система, ее истоки и преобразования. Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., Институт языкознания РАН, 1991, 84 с. (4,5 п.л.).
= Офиц. отзыв: Гарипов Т.М. Официальный отзыв о научном докладе по опубликованным трудам И.В. Кормушина «Проблемы реконструкции ...» // Тюркология / Дайджест научных сообщений, отзывов и рецензий. Уфа, 2010, с.146-149.
14. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., «Наука», 1988, с.90-105 (Праязык: ближняя и дальняя реконструкция; 1,2 п.л. из 18,2 п.л.; авторы остальных разделов: Н.З. Гаджиева, В.К. Журавлев и др.).
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., «Наука», 1988, 560 с. (авторы: Э.Р. Тенишев, В.Д. Аракин, Г.Ф. Благова, А.А. Чеченов, Л.А. Покровская, Ф.Д. Ашнин, Л.С. Левитская, А.А. Юлдашев, Н.А. Баскаков, И.В. Кормушин, Н.З. Гаджиева, К.М. Мусаев).
16. Системы времен глагола в алтайских языках. М., «Наука», 1984, 85 с. (7,1 п.л.).
17. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М., «Наука», 1982, с.153-167 (Тунгусо-маньчжурские языки; 1 п.л. из 20,3 п.л.; авторы остальных разделов: Н.З. Гаджиева, Т.Я. Елизаренкова и др.).
18. Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., ЛО «Наука», 1978, с.10-87 (6 п.л. из 19,3; авторы остальных разделов: О.П. Суник, Д.М. Насилов и др.).
19. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Тт.1-2. Л., 1975-1977 (материалы по говорам удэгейского языка в объеме 4 п.л. из 235 п.л., авторы – В.И. Цинциус, В.А. Горцевская и др.).
20. Древнетюркский словарь. Л., 1969 (7,2 п.л. из 93,1 п.л.; авторы: Т.А. Боровакова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин, И.В. Кормушин, Н.И. Леягина, В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, Л.Ю. Тугушева, А.М. Щербак. Редакторы: В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак).
21. Категория каузатива в алтайских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Научный руководитель – доктор филологических наук О.П. Суник. Л., 1968. Машинопись, 195 с. (8 а.л.).
22. Категория каузатива в алтайских языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Научный руководи-

тель – доктор филологических наук О.П. Суник. Л., «Институт языкознания АН СССР», 1968, 21с. (1 п.л.).

Учебники, учебные пособия и программы

23. Учебно-методический комплекс «История родного языка», по специальности 031200 «Педагогика и методика начального образования» с дополнительной специальностью «Родной язык и литература». Кызыл, 2008, 64 с. (2 п.л. в соавторстве с Л.С. Кара-оол).
24. Древние тюркские языки. Учебное пособие. Абакан, 2004, 336 с.
25. Программа курса «Древние тюркские языки». Специальность «021700 – филология» // Тывинский государственный университет; Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. Кызыл – Абакан, 1999, 18 с. (1 п.л.).

Статьи

26. Yenisei Runic Inscriptions and Turkic Languages in the Yenisei Basin in the 8th–10th Centuries // *Turkic Languages*, Volume 23, 2019, Number 2. 153-162.
27. Какому тюркоязычному народу могли принадлежать енисейские рунические надписи с территории Хакасии? (Енисейские страдания-2). Из цикла заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания) // *Российская тюркология*, № 3-4 (20-21). М., 2018. С.5–10.
28. О некоторых особенностях сложения тюркоязычных этносов Северной и Центральной Азии по данным древнетюркских надписей: к ранней истории тывинского народа // *Российская тюркология*, № 1-2 (18-19). М., 2018. С.5–15.
29. Российско-монгольские совместные полевые исследования древнетюркских рунических памятников на территории Монголии как этапы накопления данных для нового академического издания этих памятников // *Материалы совместного семинара Министерства образования, науки, культуры и спорта Монголии и Российского фонда фундаментальных исследований, посвященного 10-летию российско-монгольского сотрудничества в области науки*. Улаан-Баатар, 24 августа 2017 г. (в печати)
30. К прочтению Улаан-Чулуутских наскальных рунических надписей из Центральной Монголии (в соавторстве с Ц.Баттулгой и Б.Азжая - оба МонГУ) // *Материалы международной научной конференции «Тюрко-монгольский мир: история и культура»*, посвященная памяти С.Г.Кляшторного. Санкт-Петербург, 15-16 февраля 2018 г.
31. К семантике слова *кунчуй* на основе сопоставления данных орхонских памятников и «Дивана» Махмуда Кашгари // *Российская тюркология*, № 1-2 (16-17), 2017: 74-76.
32. Tonyokuk Yazıtı ve Yenisey Yazıtlarındaki «papyon kravat» Biçimindeki ☉ Runik İşaretinin Doğru Okunuşa Dair [О правильном чтении рунического знака ☉ «галстук-бабочкой» в Надписи Тоньюкука и Енисейских надписях] // *Türk Dilleri Araştırmaları*, 27.1 (2017): 67-70 / *Uluslararası Talat Tekin Sempozyumu Bildirileri* [Доклады на международном симпозиуме памяти Талата Текина].

33. Среднеазиатский поход тюрков 711-712 гг. (Палеографические поправки к чтению двух фрагментов в строках 45 и 46 надписи Тоньюкука и связанные с этим существенные переосмысления этой части текста) // Тюркологический сборник. 2013-2014. М.: Наука – Восточная литература, 2016: 104-116.
34. Енисейские страдания: о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем / Научная конференция памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928-2014). 16-17 февраля 2015 г. Санкт-Петербург. Программа. Тезисы. СПб., 2015, с.27.
35. Черты эпического в древнетюркских эпитафиях // Российская тюркология, № 1 (12), 2015, с.22-26.
36. О некоторых типах губных согласных в ряде древних и современных тюркских языков // Урало-алтайские исследования, №4 (19), 2015, с.32-39.
37. Из комментариев к тексту надписи в честь Тоньюкука // Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова. М., 2015, с.188-194.
38. «Otuz Türk», Çin ve Türk orta çağdaki yazıtlarında [Объединение «30 племен тюрков» в китайских и тюркских средневековых надписях] // VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi. 30 Eylül - 04 Ekim 2013 – İstanbul. [VIII международный конгресс тюркологов, 30 сентября - 4 октября 2013 г., г. Стамбул] Bildiri kitabı. II. İstanbul, 2014. S.153-161. [Книга докладов. II]. Стамбул, 2014, с.153-161.
39. К проблеме выявления диалектных черт в языках древне- и среднетюркских письменных памятников // Российская тюркология, № 2 (11), 2014, с.3-5.
40. О грамматических приемах в стихах «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни в сравнении со стихами в «Диване» Кашгари (статья первая)* (РГНФ 13-04-00442) // Российская тюркология, № 1 (10), 2014, с.3-6.
41. Türk Runik Yazısının Yenisey Değişkesinin Orhun ve Doğu Türkistan'daki Benzerleriyle Münasebetleri [О соотношении сходств и различий между знаками енисейского, орхонского и восточно-туркестанского вариантов тюркского рунического письма] // Türk Dili Araştırmaları Belleten Yıllığı, 2013, 61 – 1, s.7-12.
42. Bir kez daha Y-152 (Şançı III) kodlu Yenisey yazıtı üzerine [Еще раз о енисейской надписи E-152 (Шаньчи-III)] // Yalım Kaya Bitigi. Osman Fikri Sertkaya armağanı [Сборник в честь О.Ф.Серткая]. Анкара, 2013, с.421-426.
43. К соотношению вариантов тюркского рунического письма: палеографические обоснования хронологических оценок // Российская тюркология, № 2 (9), 2013, с.3-9.
44. Тюркская руническая палеография и тюркская руническая эпиграфика // Вопросы эпиграфики, М., 2013, с.336-343.
45. Енисейское письмо в составе изводов древнетюркского рунического алфавита: хронологические аспекты // Тюркская руника: язык, история культура (к 120-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности). Материалы Международной научной конференции (10-11 июля 2013 г., г. Кызыл). Ч. I. Абакан, 2013, с.15-20.
46. Архананская надпись // Тюркологический сборник. 2011-2012. М., 2013. С.204-219 (в соавторстве с Ц.Баттулгой).
47. Нинель Зейналовна Гаджиева (декабрь 1926 – октябрь 1991) // Урало-алтайские исследования, №2 (7), 2012, с.131-134 (в соавторстве с Г.Ф. Благовой, А.В. Дыбо).

48. Arhanan inscription as a new type of runic texts [Архананская надпись как новый тип рунических текстов] // Международный симпозиум «Маргинальные формы древнетюркского письма: Не-классические древнетюркские рунические надписи в центре Евразии и их дешифровка. Берлин, 22-24 ноября 2012 г.
49. О соотношении текстологических и исторических подходов к датированию надписи в честь Тоньюкука // Российская тюркология, №1 (6), 2012, с.52-63.
50. К хронологическим обоснованиям памятников древнетюркского письма // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации / Материалы международной тюркологической конференции. Чебоксары, 16-18 сентября 2010 г. Чебоксары, 2011, с.6-10. [УДК 811.512.111; ББК 81.2Чув; Ч – 82; ISBN 978-5-87677-161-2]
51. Заметки о соотносительных терминах «народ türk» и «язык türk» в древнетюркских текстах // Российская тюркология, №2 (5), 2011, с.8-11.
52. Türk Karakterlerinin Şekil Değiştirmesinin Yazıtların Tarihlendirmesinde Kullanımı // Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 yılı (720 – 2010) sempozyumu / Bildiriler. İstanbul, 2011, s. 11-14.
53. Об историческом положении конверсии в тюркских языках // Российская тюркология, №1 (4), 2011, с.7-11.
54. Новое в чтении и толковании Чойренской рунической надписи конца VII в. из Монголии // Тюркологический сборник. 2009-2010. М., 2011. С.202-213.
55. Об академическом издании древнетюркских рунических памятников // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. (Сб. в честь 70-летия В.А. Виноградова). М., 2010, с.779-789.
56. Об одной поправке в тексте рунической надписи с Алтын-Кёля, Хакасия (Е-29) // Российская тюркология, №2, 2010, с.3-8.
57. К проблеме изучения памятников енисейской письменности Южной Сибири // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы / Материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, 3-5 сентября 2009 г. II том. Абакан, 2010, с.99-100. [УДК 94 (47) ББК (63.3(2); Н 28; ISBN 978-5-7091-0412-9; кол-во стр.: т. I -185, т. II - 140]
58. Енисейские рунические памятники и вопрос о тюркских языках в бассейне Енисея в VIII-X вв. // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона / Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности (г. Кызыл, 1-4 июля 2010 г.). Часть I. Кызыл, 2010, с. 21-25. [УДК 80/81; 93/94; ББК 81.2(2Пос. Тув.); 63; Т 81; ISBN 978-5-7091-0441-9]
59. About the Choir runic inscription at the end of VII century A.D. // Unknown treasures of the Altaic world in the libraries, archives and museums. Abstracts / 53rd Annual Meeting Permanent International Altaistic Conference. July 25-30, 2010, Saint-Petersburg, Russia, 2010, p. 34-35.
60. Кононов Андрей Николаевич // Большая российская энциклопедия. Т. 16. М., 2010.
61. О текущей деятельности и задачах Российского комитета тюркологов // Российская тюркология, №3, 2010, с.3-8.

62. К итогам изучения енисейских рунических памятников // Труды Отделения историко-филологических наук. 2007. М., «Наука», 2009, с.200-215.
63. Kaşgari Mahmut'un eserindeki yer adları [О названиях мест в произведении Махмуда Кашгарского] // II. Uluslararası Türk Dili ve Türk Halk Edebiyatı sempozyumu. Bildiriler. [II Международный симпозиум по языку и литературе тюрков. Доклады]. 4–8 Kasım 2009. K.K.T.C. – Lefkoşa. S.70–71.
64. Тувинский музей – крупнейшее собрание памятников енисейской письменности // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование / Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию основания Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва г. Кызыл, 9–10 сентября 2009 г. Ч.I, Кызыл, 2009, с.27–28.
65. К проблемам изучения памятников енисейской письменности Южной Сибири // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы / Материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 3-5 сентября 2009 г. Абакан, 2010. II том. С.99-100. [УДК 39 (57); ББК 63.529; Н31; кол-во стр.: ч.I – 197; ч.II - 222]
66. Древние эпитафии героям и героический эпос // Актуальные проблемы современной фольклористики / Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 29 июня 2009 года. Казань, 2009, с.10-12. [ББК 82; УДК 398; А 43; ISBN 978-5-93091-118-3; кол-во стр. 335]
67. О поминальной надписи на скале в Хангидае (Центральная Монголия) // Тюркологический сборник 2007-2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009, с.5-14 (в соавторстве с Ц. Баттулгой).
68. Тамговые аналогии наскальных надписей из долины р. Алаш (Западная Тува) и стелы из Суджи (Северная Монголия), или Еще раз к вопросу о кыргызском характере Суджинской надписи // Тюркологический сборник. 2007-2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С.177-188.
69. Тексты адресации в енисейских эпитафиях // Вопросы тюркской филологии. Вып. VIII. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2009, с.135–147.
70. Статьи для «Энциклопедии Республики Хакасия», т.II, Абакан, 2008 (ЭРХ II)
71. Орхоно-енисейское руническое письмо // ЭРХ II, с.23;
72. Сарыг-югурский язык // ЭРХ II, с.118;
73. Сравнительное языкознание // ЭРХ II, с.155;
74. Тюркология // ЭРХ II, с.204;
75. Тюркские языки // ЭРХ II, с.204-205;
76. Хакасский язык // ЭРХ II, с.246-247;
77. Чулымский язык // ЭРХ II, с.279;
78. Шорский язык // ЭРХ II, с.290.
79. Поправки и уточнения к чтению древней рунической надписи из Койбальской степи (Е-26, Очуры) // Материалы Международной научно-практической конференции «Открытие и изучение орхоно-енисейской письменности» / К 115-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности. 23-24 октября 2008 г. Абакан, 2008, с.15-29.

80. Köli Çor Yazıtının Bazı Düzeltme ve Yorumlamaları // III. Uluslararası Büyük Türk Dili Kurultayı 25-28 Eylül 2008.
81. На каких зверей охотился Кюли-чор в детстве (Тюркские материалы к этимологии русских слов *джейран* и *игреневый*.) // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р.Тенишева. Вып. III. М., 2008, с.83–91.
82. Türk Dillerinin Tarihi için Kaşgarlı Mahmud' daki verilerin Türk dilleri için önemi [Значение данных Махмуда Кашгарского для истории тюркских языков] // I. Uluslararası Kaşgarlı Dil ve Edebiyat sempozyumu. Bildiriler. [I Международный симпозиум по языку и литературе, посвященный Махмуду Кашгарскому. Доклады]. 9–12 Nisan 2008. K.K.T.C. – Lefkoşa. S.67–68.
83. К проблеме историко-лингвистического контекста труда Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» // Вопросы тюркской филологии. Вып.VII. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2007, с.123-133.
84. *то же*, Российская тюркология, №1, 2010, с.8-14.
85. Возможна ли тюркская руническая палеография? // Аспекты алтайского языкознания (Материалы Тенишевских чтений - 2007). М., 2007, с.109-117.
86. «Semiz buka turuk buka teyin bilmez ermiş» sözünde Tonyukuk kimi ve neyi kastetmiştir? // 46. Uluslararası Sürekli Altayistik Konferansı Bildirileri. 22-27 Haziran 2003. Ankara, 2007, s.263-269.
87. 50-53. Статьи для «Энциклопедии Республики Хакасия», т.I, Абакан, 2007 (ЭРХ I)
88. Аврорин Валентин Александрович // ЭРХ I, с.25.
89. Алтайский язык // ЭРХ I, с.37.
90. Дмитриев Николай Константинович // ЭРХ I, с.181.
91. Древние письменные памятники Хакасии // ЭРХ I, с.187.
92. Some Relationship Terms in the Yenisey Inscriptions // Kinship in Altaic World / Proceedings of the 48th PIAC. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2006, S. 204-206.
93. Кого и что имел в виду Тоньюкук в притче о тощих и жирных быках? // Востоковедение. 27. Филологические исследования. СПб., 2006, с.74-93.
94. К дешифровке древней надписи из Дарв-сумона Ховдского аймака Монголии // Доклады Российской делегации на IX Международном конгрессе монголоведов. М., 2006.
95. «Сожаление о смерти» в енисейских эпитафиях // Вопросы тюркской филологии. Вып.VI. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2006, с.64-70.
96. К прочтению надписи из местечка Шар-булаг в сомоне Дарв Ховдского аймака (Северо-Западная Монголия) // Тюркологический сборник 2003-2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005, с.118-125.
97. Типовое содержание эпитафий // Каменные письмена. Древнетюркская поэзия VI-XII веков. М., «Новый ключ», 2005, с.248-253; там же, с.76-90: [примечания к разделу] Енисейские эпитафии VI-XII вв. В прочтении И.В. Кормушина.
98. К вопросу о происхождении фарингализации и фарингализованных гласных в тоба-диалектах // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э.Р. Тенишева. М., 2005, с.211-218.
99. К созданию диалектологического словаря хакасского языка (ДСХЯ) // 60 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и ис-

- тории / Уч. зап. Хакасского НИИ ЯЛИ. Вып. XXII. Абакан, 2005, с.159-164 (в соавторстве с В.А. Боргояковым).
100. Алтайский язык // Большая российская энциклопедия. Т.1. М., 2005, с.532.
 101. К типологии морфонологических процессов в тюркских языках // Уч. зап. Тувинского института гуманитарных исследований. Вып. XX. Кызыл, 2004, с.301-307.
 102. Тунгусо-маньчжурские языки // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в трех томах. III. С-Я. М., «Наука», 2004, с. 127-137.
 103. Удэгейский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в трех томах. III. С-Я. М., «Наука», 2004, с.198-212.
 104. Ульчский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в трех томах. III. С-Я. М., «Наука», 2004, с.246-254.
 105. Тувинский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в трех томах. III. С-Я. М., «Наука», 2004, с.118-127 (в соавторстве с Ш.Ч. Сатом, М.В. Бавуу-Сюрюн, Л.С. Кара-оол).
 106. Об одной поправке в тексте рунической надписи с Алтын-Кёля, Хакасия (Е-29) // Вопросы тюркской филологии. Вып. V. М., 2003, с.52-59.
 107. *то же*, Российская тюркология, №1 (2), 2010, с.3-8.
 108. Проблемы текстологии рунических памятников Южной Сибири // Известия Академии наук. Сер. литературы и языка, 2003, том 62, №2, с.36-41 (0,7 п.л.).
 109. О значении енисейских рунических надписей // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности. Абакан, 2002, с.33-39.
 110. Некоторые особенности древнетюркских рунических памятников из Уюкско-Туранской долины в Северной Туве // II Международный коллоквиум по древнетюркским руническим памятникам и письму. Стамбул, 23-30 апреля 2000 г. Ankara, 2001 (на тур. яз.).
 111. Следы и элементы литературы в енисейских надписях // Хакасский гос. университет им. Н.Ф. Катанова. Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. V. Абакан, 2001, с.102-106 (0,5 п.л.).
 112. О наскальных рунических надписях из Западной Тувы (Е-153, Е-154) // Становление и развитие науки в Туве. I часть. (Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности 12-14 сентября 2000г.). Кызыл, 2000, с.5-6 (0,25 п.л.).
 113. Проблемы тюркской енисейской текстологии // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. IV. Абакан, 2000, с.8-13 (0,6 п.л.).
 114. О тюрко-монгольских связях древнего периода // Владимирцовские чтения – IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 г.). М., 2000 (0,25 п.л.).
 115. Орхоно-енисейских надписей язык // Языки мира. Тюркские языки. М., «Индрик», 1997, с.89-106 (1,5 п.л. из 43,8 п.л.; авторы остальных разделов: Э.Р. Тенишев, Н.А. Баскаков и др.).
 116. Орхоно-енисейских надписей язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек, «Кыргызстан», 1997, с.89-106 (1,5 п.л. из 43,8 п.л.; авторы остальных разделов: Э.Р. Тенишев, Н.А. Баскаков и др.).

117. К вопросу о прилагательном в тюркских языках // 90 лет Н.А. Баскакову. Н.А. Баскакову от коллег и учеников. М., 1996 (1997), с.89-99 (0,75 п.л.).
118. Предисловие // *в кн.*: Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., «Индрик», 1997, с.6-9 (в соавторстве с Г.Ц. Пюрбеевым; 0,3 п.л. из 43,8 п.л.).
119. Тюркская руническая надпись Е-134 из с. Усть-Сос, Хакасия // Хакасский гос. университет им. Н.Ф. Катанова. Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. I. Абакан, 1997, с.119-122 (0,3 п.л.).
120. О тувинско-монгольских языковых контактах // Владимирцовские чтения – III / Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 25-26 октября 1993 г.). М., 1995, с.162-166 (0,25 п.л.).
121. Ульчский язык // Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М., «Academia», 1994, с.58-60 (0,2 п.л.).
122. *то же*. // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., «Academia», 2002, с.207-211 (0,25 п.л.).
- 124-138. Статьи для Лингвистического энциклопедического словаря (ЛЭС). М., 1990, 684 с. (всего 15 статей, общим объемом 1 п.л.).
123. Алтайские языки // ЛЭС, с.28.
124. Древнетюркское руническое письмо // ЛЭС, с.144-145.
125. Маньчжурский язык // ЛЭС, с.284.
126. Маньчжурское письмо // ЛЭС, с.284-285.
127. Нанайский язык // ЛЭС, с.322.
128. Негидальский язык // ЛЭС, с.327.
129. Орокский язык // ЛЭС, с.350.
130. Орочский язык // ЛЭС, с.350.
131. Орхоно-енисейских надписей язык // ЛЭС, с.352.
132. Солонский язык // ЛЭС, с.480.
133. Турецкий язык // ЛЭС, с.524.
134. Удэгейский язык // ЛЭС, с.532.
135. Ульчский язык // ЛЭС, с.534.
136. Чжурчжэньский язык // ЛЭС, с.581.
137. Чжурчжэньское письмо // ЛЭС, с.581-582.
138. К соотношению глагольных форм на *-мыш* и *-ган* в тюркских языках // Вопросы советской тюркологии. Материалы IV Всесоюзной тюркологической конференции. Ч.I. Ашхабад, 1988 (0,4 п.л.).
139. Тунгусо-маньчжурские языки (*переведено на латышский язык*) // Энциклопедия Советской Латвии, т.10. Рига, 1987 (0,05 п.л.).
140. Актуальные проблемы алтаистики // Советская тюркология, 1987, №6 (0,6 п.л.).
141. К интерпретации и реконструкции категории времени в тюркских языках // Сущность, развитие и функции языка. М. 1987 (0,5 п.л.).
142. Текстологические разыскания в области енисейской руники. (К вопросу о женских поминальных надписях) // *Turcologica*. К 80-летию акад. А.Н. Кононова. М., 1986 (0,6 п.л.).
143. Основы графемологического анализа русского алфавита и проблемы расширения его графемного состава // Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. М. 1982 (0,5 п.л.).

144. Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам. I // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981 (0,7 п.л.).
145. О пассивном значении каузативных глаголов // *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976 (0,35 п.л.).
146. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // «Советская тюркология», 1975, №2 (2 п.л.).
147. Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков // Материалы XII конгресса PIAS. Berlin, 1974 (0,3 п.л.).
148. Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971 (1,3 п.л.).
149. К методике сравнительного изучения алтайских языков // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971 (0,7 п.л.).
150. Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков // *там же* (0,3 п.л.).
151. О критериях частей речи // Вопросы теории частей речи. Л., 1968 (0,25 п.л.).
152. О грамматическом и лексическом в глагольных каузативах // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966 (0,7 п.л.).
Тезисы докладов, рецензии, рефераты, обзоры, хроники, персоналии
153. Форма-призрак на *-aǵan/-ǵān в чигильско-тюркском языке «Дивана» Махмуда Кашгари // Языки и литература тюркских народов / Международная научно-практическая конференция, посвященная 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Тезисы выступлений. С.-Петербург, 26-28 октября 2015 г.
154. Енисейские страдания: о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем / Научная конференция памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928-2014). 16-17 февраля 2015 г. Санкт-Петербург. Программа. Тезисы. СПб., 2015, с.27.
155. Некролог: Сергей Григорьевич Кляшторный. 4.2.1928 – 21.9.2014 // Российская тюркология, №2 (11), 2014, с.89-91 (в соавторстве с: И.В. Кульганек, Д.М. Насилов, И.А. Невская).
156. Надпись Тоньюкука: неожиданные открытия старого текста // International Conference on Inscription Studies (Abstract) / 11-13 August, 2014 [Ulaanbaator, 2014], s.47-48.
157. Как молоды мы были // Языки – его стихия / Профессор В.И. Рассадин. Элиста, 2014, с.43-51. (ISBN 978-591458-138-8); ББК Ш162 (Рос.Калм)л.Рассадин В.И.я43; УДК 811.51:082.2 Я 411
158. Çin ve Türk Orta Çağdaki Yazıtlarında ‘Otuz Türk’ [«Тридцать тюрков» в китайских и тюркских средневековых надписях] // VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi (30 Eylül – 04 Ekim 2013). Bildiri özetleri. [VIII-й Международный конгресс тюркологов (30 сентября – 4 октября 2013). Тезисы докладов]. İstanbul, 2013, s.76-77.
159. Отчет о деятельности Российского комитета тюркологов в 2011 г. // Российская тюркология, 1 (6), 2012, с.3-7.

160. К этимологии монгольского названия числительного «десять» // The 10th International Congress of Mongolists being convened under the Patronage of Ts.Elbegdorj, President of Mongolia (9-13 August 2011, Ulaan-Baatar), 2011, с.106-107.
161. Orhon, Karahanid ve Memlükler Dönemlerine Ait olan Türk Yazıtlarında «Türk Halkı» ve «Türk Dili» // I.Uluslararası Uzak Asya'dan Ön Asya'ya Eski Türkçe Bilgi Şöleni Bildirileri / 18-20 Kasım 2009. Afyonkarahisar, Türkiye. Afyonkarahisar, 2010, s.143-146. [ISBN: 978-605-4444-00-7; кол-во стр. - 332]
162. О текущей деятельности и задачах Российского комитета тюркологов // Российская тюркология, 2 (3), 2010, с.3-8.
163. К изучению этноязыковых процессов в период тюркизации Южной Сибири // VIII конгресс этнографов и антропологов России / Тезисы докладов. Оренбург, 1 – 5 июля 2009 г. С.459. [УДК 39 + 572 (063); ББК 63.5:28.71; В 76; ISBN 978-5-88838-517-3; кол-во стр. 600]
164. Divanü Lugat-it-Türk'teki verilerin Türk dilleri tarihi için önemi // I.Uluslararası Kaşgarlı Mahmut dil ve edebiyat sempozyumu/ Bildiri özetleri. 9-12 Nisan 2008. KKTC - Lefkoşa.
165. Еще раз о тюркской рунической палеографии // Казань и алтайская цивилизация / 50-я ежегодная международная алтаистическая конференция г. Казань, 1-6 июля 2007 г. Казань, 2007, с. 125-126. [ББК 80(2Рос.Алт)(Рос.Тат); УДК 801(=943)/=943)(470.41; К 14; ISBN 975-5-85247-171-0]
166. К дешифровке древней надписи из Дарв-сумона Ховдского аймака МНР // The 9-th International Congress of Mongolists ... (8-12 August 2006, Ulaanbaatar), с.91.
167. О некоторых родственных терминах в енисейских памятниках / On some kinship terms in Yeniseian inscriptions // Permanent International Altaistics Conference, 48th Meeting, Moscow, July 10-15, 2005. Abstracts. М., 2005, р.43-45.
168. -Dik ekli şekli vasıflandırmanın daha doğrusu nasıldır: sıfat-fiil mi, isim-fiil mi? // V.Uluslararası Türk Dili Kurultayı. 20-26Eylül 2004. Bildiri özetleri. Ankara, 2004, s.117-118.
169. К классификации тунгусо-маньчжурских языков // Материалы 37-го международного конгресса востоковедов. М., 2004
170. К определению области тюркизации тоба-диалектов // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 22-24 января 2003 года, 99-101.
171. Черты эпического в древнетюркских эпитафиях // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. Санкт-Петербург, 2001, с.359.
172. К палеографическим особенностям таласских надписей // «Кыргыз» этнонимине 2200 жыл. Тезистер. Бишкек, 2001, с.94-97.
173. К происхождению языков тобаской группы // Международный симпозиум. Ч.1. Научная конференция «Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература)». Тезисы докладов и сообщений. Элиста, 1999, с.29-30.

174. Памяти Нинели Зейналовны Гаджиевой // Восток, 1994, №3, с.199-200 (в соавторстве).
175. XV пленум Советского комитета тюркологов // «Советская тюркология», 1989, №6 (в соавторстве).
176. XIV пленум Советского комитета тюркологов // «Советская тюркология», 1989, №5 (в соавторстве).
177. Предисловие // в кн.: Э.Н. Наджип. Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. М.; 1989 (в соавторстве).
178. XII пленум Советского комитета тюркологов // «Советская тюркология», 1988, №6 (в соавторстве).
179. Тюркское языкознание в СССР за 70 лет / [раздел] XIII // «Советская тюркология», 1987, № 5 (в соавторстве).
180. Проблемы реконструкции глагола в раннепратюркском // Материалы Всесоюзной конференции «Теория лингвистической реконструкции. М.; 1987.
181. IV Всесоюзная тюркологическая конференция // Наука и современность. М.; 1987.
182. Н.З. Гаджиева. (К 60-летию со дня рождения) // «Советская тюркология», 1986, № 6, с.98–99 (в соавторстве).
183. IV Всесоюзная тюркологическая конференция // «Советская тюркология», 1986, №6.
184. [IV Всесоюзная тюркологическая конференция] // «Вопросы языкознания», 1986, №6, с.138–140 (в соавторстве).
185. Актуальные проблемы алтаистики // Историко-культурные контакты... Тезисы докладов XXIX сессии РАС. М.; 1986.
186. Заседание Бюро Советского комитета тюркологов // «Советская тюркология», 1986, №3, с.102.
187. Акад. Б.А. Серебренников (к 70-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР, сер. лит-ры и языка, т.44; 1985, №2.
188. Глагольные формы на *-мыш* и *-ган* в истории тюркских языков // Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений. Ашхабад; 1985.
189. Э.Н. Наджип (к 85-летию со дня рождения) // «Советская тюркология», 1984, № 5, с.89–91 (соавтор).
190. Проблемы реконструкции общемонгольской системы времен: соотношение и роль претерита и перфекта // Всесоюзная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения акад. Б.Я. Владимирцова. М. 1984.
191. К соотношению ближней и дальней реконструкции // III Всесоюзная конференция по теории языкознания. Тезисы. М.; 1984.
192. Реферат на книгу: Цинциус В.И. Негидальский язык. Л., 1982 // Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6, 1983 №5.
193. Реферат на книгу: Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л., 1982 // Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6, 1983 №5.
194. Итоги, задачи и проблемы тюркского языкознания / [раздел] XIV // «Советская тюркология», 1982, № 6 (в соавторстве).
195. III Всесоюзная тюркологическая конференция // «Вопросы языкознания», 1981, №4 (соавтор).

196. *Рецензия на книгу:* Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л.,1980 // «Вопросы языкознания», 1981, №3, с.141–147.
197. *Реферат на книгу:* Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л. 1980 //Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6, 1981, №3.
198. *Реферат на книгу:* Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков. М.,1979 // Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6, 1980, №6.
199. *Реферат на книгу:* Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.,1979 // Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6,1980, №6.
200. О жизни и творчестве С.Е. Малова. // Тюркологический сборник. 1975. М.;1978 (в соавторстве).
201. *Реферат на статью:* Дерфер Г.А. О трех количественных градациях гласных... – «Советская тюркология», 1976, №4 // Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6, 1978, №1.
202. *Реферат на статью:* Благова Г.Ф. О методике изучения морфологии. – Вопросы языкознания, 1977, №4 // Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6, 1978, №1.
203. *Реферат на статью:* Кононов А.Н. Современное тюркское языкознание в СССР. – Вопросы языкознания, 1977, №4 //Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6,1978, №1.
204. Тюркское языкознание в СССР за 60 лет / [раздел] 9 // «Советская тюркология», 1977, №6 (в соавторстве).
205. Всесоюзная тюркологическая конференция // «Вопросы языкознания», 1977, №4 (в соавторстве).
206. *Реферат на книгу:* Вопросы алтайского языкознания //Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6, 1977, №5.
207. *Реферат на книгу:* Якутский филологический сборник. Якутск, 1976 // Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6, 1977, №5.
208. К вопросу о древнедиалектном членении тюркской языковой области // Сопровождение по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. М., 1977.
209. *Реферат на статью:* Грунина Э.А. Роль глаголов... – Советская тюркология, 1976, №3 // Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6, 1977, №4.
210. *Реферат на книгу:* Тюркологические исследования. М., 1976 // Реферативный журнал «Обществ. науки в СССР», сер.6, 1977, №4.
211. Всесоюзная тюркологическая конференция // «Советская тюркология», 1976, №6.
212. Тюркская руническая палеография и тюркская рунология // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Тезисы докладов. Алма-Ата, 1976.
213. [О симпозиуме по исторической фонетике тюркских языков] // «Вопросы языкознания», 1974, №6, с.157–160 (в соавторстве).
214. За научное, глубокое, изучение древнетюркских рунических памятников // «Советская тюркология», 1972, №5, с.139–142 (в соавторстве).

215. *Предварительное редактирование отрезков и толкование слов (части букв а, в, и, к, р, с.; всего 12 п.л.)* // Новые слова и значения, Словарь-справочник. М. 1971.
216. *Рецензия на книгу: Тюркологический сборник. 1970. М.; 1970* // «Советская тюркология», 1970, №6, с.114–116.
217. Проблема общности алтайских языков. (Научная конференция в Ленинграде) // «Вестник Академии наук СССР», 1969, №10, с.112–113.
218. Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности этих языков // Проблема общности алтайских языков. Тезисы докладов. Л. 1969, с.58–60.
219. Памяти члена-корреспондента АН СССР С.Е. Малова // «Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка». Том XXVII. Вып.4. М. 1968, с.381–383.
220. Пассивное значение каузативных глаголов и генезис каузативных и пассивных форм в алтайских языках // Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. 12-15 июня 1967 г. Тезисы сообщений. М. 1967, с.23–25.
221. Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения алтайских языков // Филология и история тюркских народов (тезисы докладов) / Тюркологическая конференция в Ленинграде (7-10 июня 1967 г.). Л. 1967, с.23–36.
222. Категории числа существительных и времени глагола в языке-посреднике // Тезисы совещания по математической лингвистике. Л. 1959, с.72-73 (в соавторстве).

Переводы

223. *С английского*: А. Рона-Таш. Алтайский и индоевропейский // Вопросы языкознания, 1990, №1 (сопереводчик).
224. *С немецкого*: К.Г. Менгес. Тюркское *idi* ‘господин’, некоторые его рефлексы в тюркских языках и параллели в других языковых семьях // *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976.
225. *С турецкого*: О. Сейфеддин. Чин; Половинный [рассказы] // Омер Сейфеддин. Эфруз-бей. Рассказы. М., 1975.
226. *С турецкого*: 1) С. Дервиш. Похороны. 2) Б.С. Кунт. Фаттах-эфенди, хозяин постоянного двора; Возвращение с базара; Должник [рассказы] // Плата за молчание. М., 1967.
227. *С турецкого*: Б.С. Кунт. В старую деревню новый имам [рассказ] // Стекланный дворец. М., 1964.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ГЛАГОЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИТЕРАТИВНОСТИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ¹

И. Л. Кызласова, К. В. Кичеева

г. Абакан

Резюме: Исследуя различные темпоральные и аспектуальные формы глагола в хакасском языке, мы установили, что итеративность в хакасском языке выражается следующими глагольными показателями: *-ып тур*, *-ып чөр*, *-адыр*, *-чаң*; при этом мы определили, что аналитическая форма *-ып тур* обозначает регулярную итеративность нецелостных действий, аналитическая форма *-ып чөр* обозначает нерегулярную итеративность нецелостных действий, синтетическая форма *-адыр* обозначает итеративность целостных ситуаций в плане настоящего времени, синтетическая форма *-чаң* обозначает итеративность целостных ситуаций в плане прошедшего времени.

Ключевые слова: хакасский язык, формы итеративности глагола, регулярная / нерегулярная итеративность, целостные / нецелостные действия.

В данной статье мы перечислим типы итеративных ситуаций в хакасском языке и опишем семантику глагольных средств репрезентации итеративного значения.

ИТЕРАТИВНОСТЬ (от лат. *iterativus* – часто повторяемый) – *аспектуальное значение, связанное с повторяющимися событиями или действиями.*

Данное значение в хакасском языке имеет две разновидности: итеративность нецелостных действий и итеративность целостных действий (событий, ситуаций).

Первая разновидность – итеративность нецелостных действий – обозначает повторяющиеся действия одного или нескольких субъектов или однотипные действия одного или нескольких субъектов, направленные на несколько объектов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00696.

Кызласова Инга Людовиковна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой хакасской филологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, доцент; e-mail: ikyzlasova@yandex.ru.

Кичеева Кристина Владимировна – аспирант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова по направлению подготовки 45.06.01 Языкознание и литературоведение, профиль 10.02.02 Языки народов Российской Федерации (хакасский язык); e-mail: kristi.tabakova@mail.ru.

Итеративность нецелостных действий представлена двумя типами осуществления действий: регулярно повторяющиеся действия и нерегулярно повторяющиеся действия.

На морфологическом уровне они выражаются грамматикализованными глаголами *тур* ‘стоять’ и *чөр* ‘ходить’. Статичный глагол *тур* ‘стоять’ стал использоваться для обозначения регулярно повторяющихся действий, динамичный глагол *чөр* ‘ходить’ – для обозначения нерегулярной повторяемости. Например: *Ол книгалар нас турча* ‘Он постоянно пишет книги’; *Ол книгалар нас чөрче* ‘Он иногда пишет книги’; *Аннаңар сагын турча* ‘[Он] о ней постоянно думает’; *Аннаңар сагын чөрче* ‘[Он] о ней часто думает’.

Данная разновидность итеративной ситуации может быть а) моносубъектной; б) полисубъектной; в) полиобъектной.

Например:

а) *Абдырачаам хогдырап тур* ‘Шкатулочка моя позвякивает’ – *Абдырачаам хогдырап чөр* ‘Шкатулочка моя гроыхает (время от времени)’;

б) *Олар полыс турарлар* ‘Они будут постоянно помогать’ – *Олар полыс чөрерлер* ‘Они везде будут помогать’;

в) *Палаларын үзрет тур* ‘Постоянно обучает своих детей’ – *Палаларын үзрет чөр* ‘Поучает (время от времени) своих детей’.

Модифицирующий глагол *тур* ‘стоять’

Глагол СТОЯТЬ используется во многих языках (германских, славянских, тюркских и др.) в составе конструкций с имперфективным значением. Демонстрирует два основных значения: прогрессивное (или более общее дуративное), т. е. обозначение развития ситуации в точке отсчета, и хабитуальное, т. е. обозначение регулярно повторяющейся или постоянно имеющей место ситуации [Майсак 2002: 166].

В тюркских языках глагол *тур* ‘стоять’ в сочетании с деепричастием на *-n* образует аналитическую форму *-n тур*. А. А. Юлдашев считает, что форма *-n тур- в* видовом значении в перфективных глаголах дает значение процессуальности как типичного явления, а в имперфективных – значение процессуальности как единичного явления [Юлдашев 1965: 65–72].

В тюркских языках Южной Сибири выделяют ее процессное, дуративное, актуальное, хабитуальное, узуальное употребление.

В тувинском языке форма *-n тур-* используется для передачи различных значений узуальности [Шамина 1998: 156].

По мнению Б. Ч. Ооржак, в тувинском языке глаголы олур, чор, чыт отличаются от глагола тур тем, что в той или иной степени сохраняют свою исходную семантику и сочетаются с глаголами, которые не противоречат их прямому лексическому значению. Глагол тур в большей степени десемантизирован, обладает наиболее отвлеченным значением и допускает сочетания с самым широким кругом полнозначных глаголов [Ооржак 2014: 99].

В алтайском языке форма *-n тур-* указывает на разные способы действия в зависимости от временной формы (периодичное, регулярное, обычное, непрерывно-длительное, ограничительное) [Тазранова 2005: 55].

В шорском языке у показателей *одур, тур, чат, чөр* И. В. Шенцова выделяет общее значение процессности. «Кроме общего значения процессности, – отмечает она, – эти формы имеют более частные характеристики: форма с показателем *одур*- обычно указывает на длительность без импликации темпоральных границ, форма с показателем *тур*- – на темпоральную локализованность, интенсивность и процессность в краткий промежуток времени» [Шенцова 1997: 30].

В хакасском языке указывают на длительный, повторяющийся характер образований с глаголом *тур* [Карпов 2014: 89].

Представляется необходимым уточнить, что повторяющиеся действия имеют регулярный, постоянный характер и являются нецелостными.

Модифицирующий глагол *тур* сочетается с краткими неопределёнными глаголами действия, деятельности, временного состояния.

С акциональными глаголами отмечается повторяемость действий с равномерным интервалом во времени, с глаголами состояния и деятельности – множественность кратных действий, повторяемость временных состояний (при одинаковых обстоятельствах). Ср.: *Пис Михаил Еремеевичтің кабинетінде неделя сай пір хати чылыыс тургабыс* (X, 25.11.14) ‘Мы раз в неделю собирались в кабинете Михаила Еремеевича’; *Аны ідөк тың хынып хыгыргам, писательнің хоос сөстөрине өрін тургам* (АС, ЧУХ, 49) ‘Ее тоже читал с большим удовольствием, (каждый раз) радовался образным выражениям писателя’.

Модифицирующий глагол *чөр* ‘ходить’

Глагол движения ХОДИТЬ достаточно часто подвергается грамматикализации в алтайских языках, а также в языках романских. Как отмечает Т. А. Майсак [Майсак 2002: 123], этот глагол участвует в образовании имперфективных конструкций с аспектуальным значением дуративности и хабитуальности.

В тюркских языках считается, что «элемент *-n йур-* употребляется главным образом в имперфективных глаголах, выражающих определенное занятие, предполагающее длительный и многократный процесс» [Юлдашев 1965: 72].

В тюркских языках Южной Сибири у этой формы усматривают ту же семантику. Так, в тувинском языке выделяют значение узувального действия и хабитуалиса (ситуация X имеет место обычно, регулярно) [Шамина 2010: 76]; в шорском языке отмечают два способа глагольного действия – длительность и многократность [Курпешко 1991: 50–51]; в алтайском языке, помимо длительности и повторяемости действий и состояний, *јур* с глаголами направления и передвижения в формах прошедшего времени на *ды* и *ган* выражает однократное, законченное действие [Газранова 2005: 91–104].

В хакасском языке, как считается, глагол *чөр* в форме несовершенного вида придает основному глаголу в форме деепричастия на *-ыт (-ит, -н)* значение длительности действия [Карпов 2010: 33]. Нам представляется, что глагол *чөр* обозначает не только длительность некоторых состояний, но и нерегулярную повторяемость и динамичность кратных действий, происходящих беспорядочно, беспокойно, хаотично, неритмично, в разных местах, в разное время, в разных направлениях и т. п.

Чөр сочетается только с глаголами с агентивным каузативом – с глаголами движения, действия, состояния, активного процесса, деятельности, занятия, по-

ведения. С глаголами движения конструкция с *чөр* приобретает семантику нестройного, неритмичного, беспорядочного, хаотичного, разнонаправленного, бесцельного действия: *Арминек кір чөр* (ФБ, ТО, 46) ‘Вот входит (вразвалочку) Арминек’; *Азахтарынаң даа чадап ла пас чөрче* (АХ, АП, 38) ‘Ногами еле перебирает’; *Арминек, сым одыр полбин, отах істін ибіре пас чөрче* (ФБ, ТО, 23) ‘Арминек от беспокойства ходит кругами по шалашу’; *...күнзіре контора ла хыринда сылал чөрче* (ФБ, ПТН, 11) ‘...целыми днями возле конторы слоняется’.

С глаголами состояния конструкция с *чөр* обозначает беспокойное, длительно продолжающееся во времени состояние, назойливые, беспорядочные мысли: *Аны тілеп чобал чөрбін, / Аны көрген, аны пілген / Ниме чоғыл чир үстүнде* (Айдолай, 62) ‘В поисках него я в глубокой печали (хожу, нахожусь), / Тех, кто его видел, кто знал, / Нет в мире этом’; *Чазырбастын, иледе үр тус ікінчелеп чөргем* (АС, ЧУХ, 3) ‘Не скрою, я очень долго находился в сомнениях’.

С глаголами деятельности, действия, занятия, поведения глагол *чөр* обозначает активный, динамичный, длительный характер кратных или повторяющихся действий: *Султрековтарга тичелеріне килісеткен Лидия Глок мындох өткін хайын чөрче* (АС, ЧУХ, 52) ‘Лидия Глок, проходящая Султрековым сестрой, здесь же активно хлопочет у стола’; *Позым мин нимее ле чарабас кизічекпін, аң теерлері ле алып тоғын чөрчем* (ФБ, ПТН, 106) ‘Сам я никчемный человек, промышляю лишь шкурками животных’; *Пазох парарга тимненіс чөрзер бе?* (ФБ, ТО, 57) ‘Опять в дорогу собираетесь?’.

Сложные глагольные конструкции, в которых имеется основной смысловый глагол в форме соединительного деепричастия *-ып* плюс аспектуальные модификаторы – вспомогательные глаголы *тур* или *чөр* в соответствующем временном оформлении, – могут представлять всю линейку форм времен и наклонений, кроме настоящего актуального изъявительного наклонения. Однако если основной глагол выступает в нулевой форме, т. е. без деепричастия, то конструкция принимает значение настоящего времени данного момента (актуального): *Ам ограда тастынзартын кемнің-де үні истіл тур* (ФБ, ТО, 57) ‘Теперь из-за ограды раздается чей-то голос’; *Мына тайларым минзер көр турлар* (АХ, АП, 99) ‘Вот мои гнедые смотрят на меня’; *Че пазох сых тур ол саринаң чаачылар* (ХЧН, 10) ‘Но вот опять появляются с той стороны войны’; *Уламох тың ачыгнаң позыт тур өчең Матыр ухчазын, уламох тың орлас турлар тіріг хостолар* (ХЧН, 10) ‘С еще большей горечью пускает стрелы Ожен Матыр, еще сильнее ухают живые наконечники’; *Сыбы істі чобага ла тус тур* (ФБ, ПТН, 42) ‘Село Сыбы постоянно впадает в скорбь’; *Мына Макарах кір чөр* (ФБ, ПТН, 94) ‘Вот Макарик входит (вразвалочку)’; *Көрістер, тізең, чалғыс ла стаканны хооп чөрлер* (АХ, АП, 124) ‘А взгляды следуют только за одним стаканом’.

В разных временных формах и формах наклонений происходит переключение в нарративный (повествовательный) режим, при этом значение итеративности действия выражается в неактуальном режиме:

а) в поле настоящего времени: *Чабал тимір нес хойыг ыстал турча* (КН, КД, 27) ‘Старая железная печь густо дымит’; *Турче итпинең, папирос ла тамыс турча* (ФБ, ТО, 76) ‘Чуть погодя, вновь зажигает папиросу’; *Танацах турчатхан чирінде айлахтан чөрче* (СЧ, АҰХ, 72) ‘Танюшка на месте кружится’;

б) в поле прошедшего времени: *Полган на пай кізідең хорых тургабыс* (ИТ, ХЧ, 9) ‘Мы боялись каждого богатого человека’; *Аразында агаа (ысха) харлых таа тургабыс* (ФБ, ТО, 28) ‘Местами им (дымом) даже давились’; *Тын алын полбин, ұр айлахтан чөрген* (АХ, АП, 107) ‘Чтоб восстановить дыхание, долго ворочался’;

в) в поле будущего времени: *Төрөөн чир-сууңар хачан даа наа күс пир турар* (АС, ЧУХ, 26) ‘Ваша родина всегда будет давать новые силы’; *Хара суучахтың тадылыг суунаң сугар турарбын* (ФБ, ПТН, 32) ‘Каждый раз буду поить сладкой родниковой водой’; *Нога тикке пис чыл үрген чөрем* (НТ, ЧТ, 32) ‘Зачем зря пять лет буду учиться’;

г) в поле условного наклонения: *Ам сагын көрзең, пис пу чатханның көөн ис ле тургабыс, кемге төөй пол парарбыс?* (ИТ, ХЧ, 14) ‘А теперь подумай-ка, если мы постоянно будем слушать мелодии чатхана, на кого мы станем похожи?’; *Харны астап чөрзелер дее, үргенерге пар-чох күснең тартынчаңнар* (ИТ, 46) ‘Хоть и голодали, но к учебе тянулись изо всех сил’;

д) в форме деепричастия: *Ибіре сарибыста чылыг чайгы чилічек, от пастарынча ойлап чөре, аймах чахайахтарны чайхандырча* (НТ, КС, 40) ‘Возле нас теплый летний ветерок, пробегая по травам, раскачивает разные цветки’;

е) в форме инфинитива: *Сын источниктердең не сыххан искіріглерні хыгыр турарга* (Х, 4.11.09) ‘Прочитывать новости лишь из верных источников’; *Кемге хыныг за пасказының күлкізі пол чөрерге* (АС, ЧУХ, 57) ‘Кому же интересно каждый раз быть посмешищем’;

ж) и др.

Вторая разновидность – итеративность целостных действий – обозначает повторяющиеся события.

Значение итеративности целостных действий присуще глаголам в формах настоящего и прошедшего времени.

Специализированной формой итеративности для настоящего времени является *-адыр*, специализированной формой для прошедшего времени – *-чаң*: *Ол книгалар пазадыр* ‘Он пишет книги (обычно, вообще = Он писатель)’; *Ол книгалар пасчаң* ‘Он раньше писал книги = раньше он был писателем’.

Форма настоящего обычного времени *-адыр*

Взгляды ученых на грамматический статус и значение данной формы различны. Так, Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул причисляли ее к прошедшему времени (заглазному) как фонетический вариант формы *-тыр* [Баскаков 1953: 458]. Н. П. Дыренкова и В. Г. Карпов включают ее в сферу настоящего времени со значением многократного, обычного, повторяемого, привычного действия [Дыренкова 1948:105; Карпов 2014: 39–47; Карпов 1995: 61; ГХЯ 1975: 204–205; Карпов 2007: 153].

В свете современной лингвистической теории можно сказать, что темпоральной семантикой формы *-адыр* является выражение настоящего неактуального времени, а аспектуальной – выражение итеративности.

Указанная форма восходит к глаголу *тур* в соединении со слитным деепричастием на *-а/-е*, сочетается с неограниченно-кратными неопредельными глагола-

ми и с контекстуальными показателями итеративности. Например, с обстоятельствами узуальности и интервала (*удаа* ‘часто’, *пирее-пирее* ‘иногда’, ‘время от времени’, ‘временами’, *пирее хати* ‘иногда’, *тилем* ‘редко’, ‘нечасто’, ‘непостоянно’, *хатап-хатап* ‘вновь и вновь’, *јур* ‘долго’, ‘продолжительно’, *хачан даа* ‘всегда’, ‘постоянно’, ‘вечно’, *сыбыра* ‘постоянно’, ‘все время’, ‘часто’, *иледе* ‘много’, ‘достаточно’), ограничительной частицей *ле* со значением ‘все время’, ‘постоянно’, ‘всякий раз’, аффиксами прилагательного *-аачы* и *-чыл* со значением «признака склонности, способности, влечения к чему-либо» [ХРС 2006: 1065, 1077] и т. п.

Примеры: *Пуун мында, таңда саңай пасха чирде. Сыбыра чорыхта поладыр* (АС, X, 6) ‘Сегодня – здесь, завтра – совсем в другом месте. Постоянно – в пути’; *Ол эмис ле саладыр* (НТ, КК, 11) ‘Обычно он всякий раз упускает теленка’; *Асхынах мал сўсклезечи поладыр* (СК, КХХ, 4) ‘Обычно малое стадо бодливо’; *Сирерниң хачан даа мындаг көгліг поладыр ба?* (ГТ, Ч, 59) ‘У вас всегда так весело бывает?’.

Форма *-адыр* обозначает следующие варианты итеративного значения:

а) обобщенно-узуальное значение (*обычно, постоянно, всё время, всегда, вообще, так повелось*), выражает обобщенную обычность, закономерность осуществления действия его субъектом [Шелякин 2008: 80]: *Кичіг суучах тың солбыридыр, улуг суулар амыр агадыр* (X) ‘Малая речушка сильно журчит, большие реки спокойно текут (обычно, вообще)’; *Мал даа поэзының сууна сухсидыр* (ВШ, ЧОХ, 209) ‘И скот (обычно) любит свою воду’; *Саблыг писательлерге сыбыра маң чох поладыр: аймах-пасха тогазылар, пасха хан чирінзер чорыхтар* (АС, М, 57) ‘У известных писателей постоянно не бывает времени: разные встречи, поездки в другие страны’; *Туза иткен кізі хачан даа чахсы көрінедір* (НТ, КК, 74) ‘Добродетельный человек всегда выделяется’; *Подруга ирге парчатса, сарын сарнидырлар, хазанга толдыра ит пызырадырлар* (ВШ, ЧС, 14) ‘Когда подруга выходит замуж, поют песни, отваривают полный казан мяса (по обычаю, так повелось, так принято)’;

б) узуально-кратное значение (*обычно ... часто, обычно ... каждый раз, обычно ... время от времени, обычно ... вновь и вновь*), выражает неограниченно-повторяющиеся целостные действия: *Пістің газетада пос чонның кибірлерінеңер, чуртаста полган чапсых, хыныг нимелердеңер аймах хабарлар сыгадырлар* (ЧХЧ, 24) ‘Обычно в нашей газете периодически выходят разные заметки об обычаях своего народа, об удивительных, интересных событиях’; *Ол тай іезине оолгының пічигін хатап-хатап хыгыр пиредір* (НТ, КК, 8) ‘Обычно он вновь и вновь перечитывает бабушке письмо ее сына’; *Тогыстаң айланып, иди чуунып алза, пабазы хачан даа айран ізібізедір* (НТ, КК, 12) ‘Обычно после работы, помывшись, его отец всегда выпивает айран’.

Форма прошедшего обычного времени *-чаң*

Грамматический статус этой формы определялся по-разному: «форма прошедшего времени многократного» [Дыренкова 1948: 95]; «настоящего-будущего (универсального) времени» [Баскаков 1953: 453]; «прошедшее обычное время (универсальная форма)» [ГХЯ 1975; Карпов 2007, 2014].

Причина разногласий ученых видится в полифункциональности формы *-чаң*. Она выступает как 1) лично-предикативная форма прошедшего времени изъявительного наклонения (*Ол сас хырыхчаң* ‘Он обычно стриг волосы’); 2) форма причастия (*Сас хырыхчаң кізі* ‘Человек, стригущий волосы’); 3) форма имени действия (*Сас хырыхчаң полча* ‘Он парикмахер’).

Ведущей функцией формы *-чаң* в роли сказуемого в хакасском языке стало обозначение регулярного, повторяющегося действия в прошлом – прошедшее обычное, или общее.

Прошедшее обычное время всегда является дистантным по отношению к моменту речи: *Я, мының алнында пістің хайчылар тикке хайлачаңнар, алыптыг нымахтарны ікілер-үзер хараа салчаңнар, тикке сарначаңнар, тахпахтачаңнар. Амды пасха чуртас* (НБ, СТ, 20) ‘Да, в прежние времена наши хайджи бесплатно пели хаем, две-три ночи подряд сказывали героические легенды, бесплатно исполняли песни и тахпахи. Теперь другая жизнь’; *Че ол тустарда даа аалдаң аалга даа кізі чөрісчөткені арам полчаң* (КН, КХ, 46) ‘Но в те времена даже было редкостью, что люди ходили из села в село’; *Хачанох, Ягор кічицек-кічицек полганда, ічезі, аны часхарып, піди амыр, истіг сарнап узутчаң* (КН, КХ, 112) ‘Ещё давно, когда Ягор был маленьким-маленьким, мать, успокаивая его, так усыпляла обычно его спокойным, ласковым пением’; *Пістің туста хыс кізі сын хыс полчаң, сүрместіг, ызыргалыг, ам ... ады ла хыс полбас па* (МТ, ЧЧ, 13) ‘В наше время девушка была истинной девушкой, с косичками, с сережками, теперь ... только что имя от нее осталось’.

Иногда автор указывает конкретные предельные границы начала или конца длительного действия, например: *Апсах хара кічигдең сыгара пабазынаң хада тайгаларча аңнап чөрчең* (СК, КХХ, 15) ‘Старик с самого детства с отцом ходил на охоту в тайгу’; *Ол аңның теерізі мин улуг өскенче төзек алнында чатчаң* (ИК, МН, 114) ‘Шкура этого зверя лежала под кроватью, пока я не вырос’; *Хачаннаң сыгара ол хамнарның ордызы тіп саналчаң* (АС, М, 27) ‘С давних пор он назывался местом шаманов’.

Форма *-чаң*, кроме хакасского языка, встречается только в шорском (*-чань/-чень*) и киргизском (*-чу*) с основным значением обычности действия в прошедшем времени.

В плане будущего времени итеративность целостных действий выражается лексически, а нецелостных действий – формой *-ып турар* или *-ып чөрер*. Ср.: *Ол удаа книгалар пазар* ‘Он в будущем часто будет писать книги (вообще)’; *Ол книгалар пасып турар* ‘Он будет частенько писать книги’; *Ол книгалар пасып чөрер* ‘Он будет пописывать книги’.

Таким образом, можно заключить, что итеративность связана с обозначением повторяемости как действий, так и событий. Логически семантика повторяемости соотносится с понятием времени, поэтому указанные формы в хакасском языкознании рассматриваются как временные показатели. Но в связи с тем, что синтетические формы *-адыр* и *-чаң* обозначают повторяемость событий в целом, они закреплены за конкретным временем. При этом аналитические формы *-ып тур* и *-ып чөр* активно употребляются в разных временных и невременных структурах, так как обозначают повторяемость действий в разных ситуациях и в разное время.

Источники

- Айдолай – Айдолай. Алыптыг нымах. Абакан: Абакан: Бригантина, 2016. – 196 с.
- АС, М – Султреков А. Е. Мыкайла. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2009.
- АС, Х – Султреков А. Е. Хаңалчостар (...И эти веселые истории): сборник юмористических рассказов, анекдотов. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006.
- АС, ЧУХ – Читіре узубаан хараалар. На хакасском языке. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007.
- АХ, АП – Халларов А. Белые облака. Сборник рассказов (на хакасском языке). Абакан: Хакасское книжное издательство, 1999.
- ВШ, ЧОХ – Шулбаева В. Жизнь – это любовь. Пьесы, рассказы и песни на русском и хакасском языках. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006.
- ВШ, ЧС – Шулбаева В. Г. Чуртас салгагында (Превратности судьбы): пьесы и рассказы. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1997.
- ГТ, Ч – Топанов Г. Чоохтар (Рассказы). Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1965.
- ИК, МН – Костяков И. М. Минің нанчыларым (Мои друзья): рассказы. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1971.
- ИТ – Иртенгі тан. Повести и рассказы. (Татарова В., Топоев И., Чапрай А.). Абакан: [б.и.] 1989.
- ИТ, ХЧ – Топоев И. Хоналтах өдік. Хормачы чоохтар. Ағбан: Хакас книга издательствозы, 1997.
- КН, КД – Нербышев К. Вижу доктор!!! На хакасском языке. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2005.
- КН, КХ – Нербышев К. Көгім Хорымнарда. Роман. Ағбан: Краснояр. кн. изд-во: Хакас. отд-ние, 1983.
- МТ, ЧЧ – Туран М. Чуртас чолларынча (Дороги жизни): сборник рассказов. Изд-е 1-е. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1984.
- НБ, СТ – Боргояков Н. Солоко Тиниковтары: рассказы. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2000.
- НТ, КК – Тиников Н. Кавристің көглері. Повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1977.
- НТ, КС – Тиников Н. Тіріг кізі өлбечең. Повести. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1982.
- НТ, ЧТ – Тюкпиеков Н. Чуртас тохтабинча (Жизнь не останавливается): сб. рассказов. Абакан: Хакасское кн. издательство, 1993.
- СК, КХХ – Карачаков С. Е. Кири хара хус (Старый орел): сборник рассказов. Абакан: Хакасское кн. издательство, 1994.
- СЧ, АҰХ – Чарков С. Ах Ұйс хазында. Чоохтар. Ағбан: [б.и.] 1994.
- ФБ, ПТН – Бурнаков Ф. Пора тай нанчым. Повесть. На хакасском языке. Абакан: Хакиздат, 1987.
- ФБ, ТО – Бурнаков Ф. Тигір оды. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1977.
- Х – Хабар: газета.
- ХЧН – Хакас чонының нымахтары. Хакасские народные сказки. На хакасском языке / Сост. Доможаков В. И. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1986.
- ЧХЧ – Тайны горы Чалбарт. Чалбарт хайаның чазыттары. На хакасском языке. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008.

Литература

- Баскаков 1953 – *Баскаков Н.А.* Хакасско-русский словарь (с приложением очерка «Хакасский язык») / сост. Н.А. Баскаков, А.И. Инкижекова-Грекул; под ред. Н.А. Баскакова. М., 1953. {N. A. Baskakov. The Khakass-Russian dictionary (with application of sketch “The Khakass language”) / compiled by: N.A. Baskakov, A.I. Inkizheкова-Grekul; ed. N.A. Baskakov. Moscow, 1953.}
- ГХЯ 1975 – Грамматика хакасского языка / под ред. Н.А. Баскакова. М., 1975. {Grammar of the Khakass language / Ed. N.A. Baskakov. Moscow, 1975.}
- Дыренкова 1948 – *Дыренкова Н.П.* Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948. {N.P. Dyrenkova. Grammar of the Khakass language. Phonetics and morphology. Abakan, 1948.}
- Карпов 1995 – *Карпов В.Г.* Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функционально-семантический аспекты): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1995. {V.G. Karpov. The

- system of a verb in modern Khakass (structural and functional and semantic aspects).: abstracts of PhD theses; Moscow, 1995.}
- Карпов 2007 – *Карпов В.Г.* Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан, 2007. {V.G. *Karpov*. The Khakass language: problems and prospects of its development]. Abakan, 2007.}
- Карпов 2010 – *Карпов В.Г.* Лексическая и морфологическая эволюция бытийного глагола *чөр* в современном хакасском языке / В.Г. Карпов // Актуальные проблемы саяно-алтайской тюркологии: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М.И. Боргоякова (8 июня 2010 г., Абакан). Абакан, 2010. С. 30–39. {V.G. *Karpov*. Lexical and morphological evolution of the existence verb *чөр* (*čör*) in modern Khakass. / V.G. *Karpov* // Aktual'nye problemy sayano-altajskoj tyurkologii [Current Problems of the Sayano-Altai Turcology]: Data of the Regional Scientific and Practical Conference devoted to the 80th anniversary of M.I. Borgoyakov (June 8th, 2010, Abakan). Abakan, 2010. PP. 30–39.}
- Карпов 2014 – *Карпов В.Г.* Изъявительное наклонение глагола в современном хакасском языке. Абакан, 2014. {V.G. *Karpov*. The Indicative Mood of Verb in Modern Khakass. Abakan, 2014.}
- Курпешко 1991 – *Курпешко Н.Н.* Бивербальные конструкции с глаголами бытия *-п чат*, *-п одур*, *-п тур*, *-п чор* в шорском языке: учеб. пособие / Н.Н. Курпешко, Н.Н. Широкова. Кемерово, 1991. {N.N. *Kurpeshko*. Biverbal constructions including the verbs of existence *-p čat*, *-p odur*, *-p tur*, *-p čor* in the Shor language]: a manual. / N.N. *Kurpeshko*, N.N. *Shirobokova*. Kemerovo, 1991.}
- Майсак 2002 – *Майсак Т.А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. {T.A. *Majsak*. Typology of grammaticalization paths of motion and posture verbs: theses for Candidate's degree in Philology; Moscow, 2002.}
- Ооржак 2014 – *Ооржак Б.Ч.* Временная система тувинского языка. М., 2014. {B.Ch. *Oorzhak*. system of the Tuva language. Moscow, 2014.}
- Тазранова 2005 – *Тазранова А.Р.* Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск, 2005. {A.R. *Tazranova*. Biverbal constructions including the auxiliary verbs of existence in the Altai language. Novosibirsk, 2005.}
- ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь: Хакас-орыс сөстiк / О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков, А.И. Инкижекова-Грекул, Д.Ф. Патачакова, О.В. Субракова, П.Е. Белоглазов [и др.]. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с. {The Khakass-Russian Dictionary: Ĥakas-orys söstik / O.P. *Anzhiganova*, N.A. *Baskakov*, M.I. *Borgoyakov*, A.I. *Inkizheкова-Grekul*, D.F. *Patachakova*, O.V. *Subrakova*, P.Ye. *Beloglazov* [et al.]. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 PP.}
- Шамина 1998 – *Шамина Л.А.* Аналитические конструкции с семантикой множественности деятеля / действия в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Под ред. М.И. Черемисиной, Е.К. Скрибник. Новосибирск, 1998. С. 153–163. {L.A. *Shamina*. Analytical constructions with the semantics of plurality of agent / action in the Tuvan language] // *Yazyki korennyh narodov Sibiri*. [Languages of the Indigenous Peoples of Siberia.] Eds.: M.I. *Cheremisina*, E.K. *Skribnik*. Novosibirsk, 1998. P. 153–163.}
- Шамина 2010 – *Шамина Л. А.* Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск, 2010. {L.A. *Shamina*. Analytical grammar forms and constructions in the function of sentence predicate in the Tuvan language. Novosibirsk, 2010.}
- Шелякин 2008 – *Шелякин М.А.* Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008. {M.A. *Shelyakin*. Russian Verb Aspect Category. Moscow, 2008.}
- Шенцова 1997 – *Шенцова И.В.* Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово, 1997. {I.V. *Shentsova*. Aktional forms of a verb in the Shor language. Kemerovo, 1997.}
- Юлдашев 1965 – *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965. {A.A. *Yuldashев*. Analytical forms of a verb in Turkic languages. Moscow, 1965.}

VERBAL MEANS OF ITERATIVE EXPRESSION IN THE KHAKASS LANGUAGE

I. L. *Kyzlasova*, K. V. *Kicheyeva*

Abakan

Summary: During our investigation of different temporal and aspectual forms in the Khakass language, we revealed that the iterativity in the Khakass language is expressed by the fol-

lowing forms: the analytical form ...-*p tur* designates a regular iterativity of not complete actions, the analytical form ...-*p čör* designates an irregular iterativity of not complete actions, the synthetic form *-adir* designates an iterativity of complete situations in respect of the present, the synthetic form *-čaŋ* designates an iterativity of complete situations in respect of past tense.

Keywords: the Khakass language, iterativeness/iterativity forms, regular iterativity, irregular iterativity, complete situations, incomplete actions.

СИСТЕМА НАИМЕНОВАНИЙ МАСТЕЙ ЛОШАДИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Н.В. Малышева, А.Е. Божедонова

г. Якутск

Резюме: Статья посвящена разработке системы названий мастей лошади в якутском языке по их структурным и лексико-семантическим признакам. В рамках исследования собрано 170 якутских названий мастей лошади, в том числе 16 (9%) «основных» мастей, 117 (69%) «подмастей» и 37 (22%) «отметин». В результате исследования выявлены следующие типы структуры: простые монолексемные имена прилагательные, описывающие основные масти якутской лошади и сложные полилексемные имена прилагательные, описывающие подмасти основных мастей. В свою очередь, основные масти разбиты на следующие группы: «одноцветные», «двухцветные», «смешанные», «дикие», «пятнистые». Подмасти основных мастей сгруппированы по структурным и лексико-семантическим признакам и представлены следующими моделями: «имя прилагательное + имя прилагательное обозначающий цвет», «имя прилагательное обозначающий цвет + имя прилагательное обозначающий цвет», «имя сущ. в им. падеже + имя прилагательное обозначающий цвет». Лексико-семантическая группа «отметины лошади» имеет следующие подгруппы: «отметины на голове», «отметины на ногах», «другие отличительные отметины». Разработанная система наименований мастей лошади дает более полное представление об именах прилагательных, описывающих масти лошади в якутском языке.

Ключевые слова: наименования мастей лошади, якутский язык, система мастей лошади, основные масти, подмасти, отметины, структурно-семантический анализ, цветообозначение.

Якутская лошадь считается самой северной породой, уникальность которой заключается в том, что ее разводят круглый год в экстремальных условиях под открытым небом, где продолжительность зимнего тебеневочного периода составляет 8 месяцев в году. Границы ареала ее распространения на территории Республика Саха (Якутия) заходят далеко за северный полярный круг в лесотундру, где температура в летнее время достигает +40 градусов, а в зимнее время – –70

¹ Данная статья является публикацией по подготавливаемой кандидатской диссертации по теме «Названия мастей лошади в якутском языке: система и этимологическая характеристика» Божедоновой А.Е.

(1) **Малышева Нинель Васильевна** – к. филол. н., Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

(2) **Божедонова Алла Евгеньевна** – Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, e-mail: bozhedonova2015@mail.ru.

[Алексеев, Степанов 2006: 9]. По мнению И.П. Гурьева, якутская лошадь считается одной из древнейших пород мира и ее представители – прямые потомки самых древних из одомашненных лошадей. [Гурьев 2006]. С помощью иммуногенетических маркеров установлено высокое сходство якутской, польской аборигенной и центрально-азиатских (чистокровной верховой, ахалтекинской, арабской, казахской, киргизской) пород [Гурьев 1983: 50].

Табунное коневодство испокон веков занимает особое место в жизни якутов, поэтому лошадь в национальной картине мира народа саха имеет ключевое значение. Она представляется не только как средство передвижения, но и является основным необходимым источником для жизни (еды, тепла, одежды и др.). Кроме этого, лошадь, согласно воззрениям якутов, имеет божественную сущность – это священное животное небесного происхождения, поэтому названия мастей лошади в якутском языке в высшей степени многообразны.

Названия мастей лошади дают представление об основном цвете и некоторых других отличительных признаках лошади, таких как сочетание цветов, месторасположение отметин, тип распределения пигментов, цвет глаз, хвоста, гривы и копыт.

В данной работе впервые предпринимается попытка систематизировать названия мастей лошади в якутском языке по их структурным и лексико-семантическим признакам. Систематизация обусловлена необходимостью более четкого обозначения мастей лошади, т. к. особенности оттенков и отметин в ряде случаев затрудняют их точную характеристику. В последнее время одним из требований, предъявляемых к коневодам, является паспорт лошади, в котором приводится полная характеристика ее внешнего вида. Предлагаемая система может использоваться для указания точной масти лошади в паспорте, а также в других документах, касающихся лошадей. Интерпретируя полученные результаты, мы старались показать, что выявленная языковая микросистема является одной из составляющих сознания, культуры и этноментальности якутского народа.

В якутском языкознании систематизация названий мастей лошади ранее не проводилась, но, тем не менее, якутские названия мастей частично были рассмотрены в работах А.Г. Шайхулова [Шайхулов 1993], Ю.И. Васильева [Васильев 2012], С.Д. Егиновой [Егинова 2013], Г.Г. Левина [Левин 2013], И.З. Борисовой [Борисова 2013], К.А. Федоровой [Федорова 1980], Н.В. Малышевой [Малышева 2015] и др.

Фактический материал исследования извлекался из словаря якутского языка Э.К. Пекарского [Словарь якутского языка I–III 1959] и «Толкового словаря якутского языка» [ТСЯЯ]. Из 170 имен прилагательных, рассмотренных в данной работе, 54 основы зафиксированы в словаре Э.К. Пекарского.

1. Систематизация наименований мастей лошади в якутском языке по структурно-семантическому признаку

Масть – главный опознавательный признак лошади, который определяется цветом покровных волос головы, шеи, корпуса, конечностей, защитных волос челки, гривы, хвоста, щеток, а также кожи и глаз и имеет генетическую подоплеку. Для точного определения масти лошади очень важно правильно дать характеристику цвета масти, т. к. масть и цвет близки по своей физической природе и по

языковой семантике. В коневодстве приняты специальные терминологические наименования мастей лошади [Борисова 2013: 83]; так, не положено лошадь черной окраски называть *черной*, а следует называть *вороной*, лошадь красной окраски называют *гнедой*, а лошадь каштановой окраски – *бурой*. Масть лошади состоит из определенного сочетания цветов и типов распределения пигментов, а не просто из окраски. Масть формируется и меняется в процессе развития и с возрастом жеребенка, вместе с нею меняется и ее наименование.

В целях систематизации наименования мастей лошади разделены на следующие типы: 1) **основные масти** – 16 (9 %); 2) **подмасти основных мастей** – 117 (69 %); 3) **отметины** – 37 (22%). При этом учитывается цвет фона, цвет хвоста и гривы, а также наличие/отсутствие полосы по хребту (ремня). Данный подход позволяет структурировать систему имен прилагательных более четко и довольно точно обозначить масть лошади.

С точки зрения структуры наименования мастей лошади в якутском языке делятся на:

1. Простые моноксемные имена прилагательные, описывающие **основные масти** якутской лошади (например, *хара* ‘вороной’, *кугас* ‘рыжий’ и др.).

2. Сложные полилексемные имена прилагательные, описывающие **подмасти основных мастей**. Данная группа включает в себя:

а) имена прилагательные с двумя или более корневыми основами вида «имя прилагательное + имя прилагательное обозначающий цвет» (*харанга кугас* ‘темно-рыжий’, *сырдык курэн* ‘светло-бурий’);

б) имена прилагательные вида «имя прилагательное обозначающий цвет + имя прилагательное обозначающий цвет» (*хонгор кугас* ‘игренево-рыжий’, *тураҕас чуобур* ‘гнедо-чубарая’). Эти наименования – результат сложения из двух и более основ цветowych прилагательных, значения которых равноправны;

в) имена прилагательные вида «имя сущ. в им. падеже + имя прилагательное обозначающий цвет» (*тимир көбөччөр* ‘сиво-железный’, *хаан тураҕас* ‘гнедой цвета крови’). Данные сложные полилексемные имена прилагательные образуются путем сложения двух компонентов, один из которых уточняющий, а другой – опорный. В якутском языке уточняющий компонент выражен основами имен существительных, обозначающими предметы бытового использования, природные объекты, животных, пищу и др.

3. **Отметины** лошади в якутском языке:

– отметины на голове (*туоһахта* ‘звезда’);

– отметины на ногах (*кыталык элэмэс* ‘с чулками’);

– другие отличительные отметины (*дьабыл* ‘зеброидность’).

Ниже приводятся названия мастей лошади, разделенные на группы. После каждого названия дается краткая характеристика соответствующей масти.

1.1. Основные масти

Наименования основных мастей лошади отнесены к простым моноксемным именам прилагательным и разделены на пять групп:

1 группа – одноцветные масти (6), которые характеризуются одинаковой окраской кожи и волос. Основными одноцветными мастями являются: 1) *хара* –

‘вороной (о масти лошади)’ [БТСЯЯ, т. XIV 2016: 334], характеристика – черная окраска всего туловища, головы, конечностей, гривы и хвоста; 2) *кугас* – ‘рыжий (о масти лошади)’ [ТСЯЯ, т. IV 2007: 426], характеристика – золотисто- или красно-рыжая окраска всего тела, гривы и хвоста; 3) *арабас* – ‘соловая (о масти лошади)’ [ТСЯЯ, т. I 2004: 519], характеристика – основной цвет – песочный с разными оттенками, грива и хвост посветлее; 4) *күрэн* – ‘бурая (о масти лошади)’ [БТСЯЯ, т. V 2008: 101], характеристика – туловище и голова каштанового цвета или цвета жженого кофе, часто с более светлыми участками; грива и хвост темнее, с примесью черных волос, часто темный ремень вдоль хребта.

2 группа – двухцветные масти (4), у которых встречаются волоски двух разных окрасов. Окрас данных мастей варьируется от черного до ровного песочного оттенка, помимо этого могут присутствовать оттенки от золотистого до землистого или насыщенного коньячного цвета. При этом грива и хвост лошади, а также нижняя часть ног (передних – до запястных суставов, задних – до скакательных, реже до предплечий и голеней соответственно) имеют черную окраску. Кожные покровы двухцветных мастей имеют темную пигментацию, чаще серую, цвет глаз – от ярко-янтарного до глубоко-карего. В данную группу входят следующие основные масти: 1) *турабас* ‘гнедая (о масти лошади)’ [ТСЯЯ, т. VII 2016: 402], характеристика – яркая, красно-коричневого цвета по телу; грива, хвост и нижние части ног, до скакательных и запястных суставов включительно, черные; 2) *эһэ хара* ‘караковая (о масти лошади)’ [Пекарский, т. I 1959: 462], характеристика – лошадь с черным окрасом корпуса, гривы и хвоста и с ярко выраженными рыжими или коричневыми подпалинами на морде, вокруг глаз, под мышками и в паху; 3) *саалыр* ‘буланый (о масти лошади)’ [БТСЯЯ, т. IX 2010: 75], характеристика – желтовато-песочная или золотистая с черной гривой и хвостом; ноги до скакательных и запястных суставов включительно черные (рис. 1); 4) *хонгор* ‘игрневый (о масти лошади)’ [БТСЯЯ, т. XIV 2016: 582], характеристика – темная (коричневая или рыжая) окраска туловища, головы и конечностей; грива и хвост белой или светлой окраски.

Рис. 1

3 группа – смешанные масти (2), имеющие меньшее или большее количество белых волос, равномерно распределенных среди основного цвета. Особенно часто светлая шерсть встречается на крупе лошади, но бывает так, что белые волоски появляются на морде. Иногда светлая шерсть проявляется пятнами и полосками. Цвет головы и конечностей дают базовую масть лошади: 1) *көбөччөр* ‘сивый’ [БТСЯЯ, т. V 2008: 2016], характеристика – вороная с проседью (может быть слабо виднеющееся серое или мрачно-серое цветовое обрамление шерсти). Лошадь сивой масти может появиться на свет, к примеру, вороным конем, но впоследствии в ее шерсти начнут показываться белоснежные волоски. По мере того как белоснежных волосков с возрастом будет становиться все больше и больше, название данной масти будет меняться. Например, масть *улаан* ‘чалый со светлыми гривой и хвостом’ меняется на масть *кэрэ* ‘белый со светло-желтым отливом’. К «совершеннолетию» лошадь этой масти будет обладать серой окраской, а позднее и вовсе может побелеть. Примечательно, что сивыми у лошадей становятся область головы и живота. Взрослая сивая лошадь не имеет никаких других цветов, она полностью седая (рис. 2); 2) *буулур (бурул)* ‘чалый’ [ТСЯЯ, т. II 2005: 598], характеристика – сильная примесь белых волос (не седого цвета) на фоне любой (рыжей, гнедой, вороной) масти; голова и нижние части ног при этом обычно имеют меньше всего белых волос и сохраняют основной окрас. Глаза и копыта всегда темные. С возрастом цвет не меняется.

Рис. 2

4 группа – дикая окраска (2). Масти, относящиеся к данной группе, имеют много одинаковых особенностей. Например, шерсть головы и туловища содержит смесь различных оттенков, которые составляют общий основной тон. Грива и хвост темнее фонового цвета. Помимо этого, волоски на теле лошади, в хвосте и гриве могут быть пестро окрашены, что напоминает других диких животных, например хищников и грызунов. Неравномерная окраска тела, просветления вокруг глаз, на конце морды, на горле, на ягодицах характерны для всех диких ок-

расок. При этом шея и голова чаще окрашены насыщеннее туловища. Одной из отличительных черт данных мастей является наличие ремня черного цвета, проходящего вдоль хребта, и темных пятен на лопатках (плечевой рисунок). Ноги от скакательного и запястного суставов вниз целиком темные или черные. Лошади этих мастей могут иметь темные поперечные полосы – зеброидность – в области запястного и скакательного суставов. У светлых мастей дикого окраса конечности частично темные. Лошадь может иметь большое количество светлых прядей в гриве и хвосте: 1) *сур* ‘мышастая’ [БТСЯЯ, т. IX 2010: 320], характеристика – ровный пепельно-золенный окрас корпуса (состоит из смеси серого, черного и буроватого волоса); голова, хвост и грива, ремень, пятна на лопатках и конечности ниже запястных и скакательных суставов темно-серого или черного цвета; 2) *сиэр* ‘саврасая, светло гнедая’ [БТСЯЯ, т. IX 2010: 156], характеристика – окраска туловища блекло-рыжеватая, неравномерная, с просветлением на животе; грива, хвост и нижние части ног черные, но не целиком, и окраска их часто нечистая. Может иметь отметины (рис. 3).

Рис. 3

5 группа – пятнистые (интересные масти) (2). Лошади с равномерными маленькими пятнами или крапинками на белом фоне называются пятнистыми. Эти масти относятся к интересным, необычным и редким, они поражают вариациями и разнообразием, а также оригинальностью, яркостью, непохожестью на другие окрасы, вызывающие восхищение. Пятнистые масти известны еще с древности и встречаются редко. Характерной чертой в данном случае являются пятна по основному окрасу, отличающиеся от него по цвету. Они могут быть разного размера. По признаку цвета и размера пятен выделяют отдельные типы пятнистых мастей. Иногда у данных мастей голубые или разноцветные глаза. Масти пятнистой группы имеют светлую гриву, белые ноги и хвост, а также частичную пигментацию, если на этом участке присутствует основной цвет.

Для данных мастей характерны полосы на копытах, имеющих четкие и резкие очертания: 1) *элэмэс* ‘пегий, пеганый’ [Пекарский, т. I 1959: 820], характеристика – по основному окрасу разбросаны большие белые пятна неправильной формы; 2) *чуобур* ‘чубарая’ [БТСЯЯ, т. X 2013: 251], характеристика – небольшие пятна более-менее правильной формы рыжего, черного, коричневого цвета разбросаны по светлому окрасу (рис. 4). Возможно, это интерпретируется иначе: на темноокрашенном туловище, голове, конечностях, гриве и хвосте имеются белые пятна.

Рис. 4

1.2. Подмасти основных мастей

Каждая основа, описывающая главную масть лошади, имеет несколько подмастей. Все подмасти основных мастей включены в «сложные имена прилагательные», в структуре которых выделяются, как правило, два или три корня, представляющие собой либо названия равноправных цветов или оттенков, либо название цвета с уточнением его интенсивности. Подмастями называют различные тона и оттенки основных мастей, указывающие на интенсивность цвета основной масти (темная, светлая), цветовой нюанс (золотистая, красная), равномерность окраски (мухортая, полосатая). Для определения подмастей учитывается окрас разных частей тела лошади: глаза, грива, ноги, хвост, туловище, шея, а также наличие полосы по хребту (ремня). В основном название подмастей лошади состоит из двух слов: ‘оттенок’ + ‘масть’, где главное имя прилагательное дает название основной масти, а вторая основа – оттенок данной масти. В некоторых случаях для более точного описания окраса могут употребляться три названия подмастка одновременно (темная золотисто-гнедая). Кроме этого, в окрасе могут присутствовать и другие особенности: подпалины, яблоки. Оттенок может быть выражен именем прилагательным, обозначающим цвет или оттенок с уточнением

его интенсивности, или именем существительным, обозначающим оттенок. Имена прилагательные данной группы могут иметь одну из следующих структур.

1) **«имя прилагательное + имя прилагательное, обозначающее цвет»**. Данные сложные полилексемные имена прилагательные состоят из двух компонентов, где основы представляют собой названия цвета с уточнением его тона, интенсивности, качества или оттенков. В данной группе зафиксировано 45 (38 %) якутских названий подмастей лошади, в том числе подмасти сивой – 11 (25%), пегой – 10 (23%), саврасой – 4 (9%), рыжей – 3 (7%), чубарой – 3 (7%), соловой – 3 (7%), бурой – 2 (4%), буланой – 2 (4%), игренивой – 2 (4%), чалой – 2 (4%), мышастой – 2 (4%), гнедой – 1 (2%). Например, як. *сырдык кугас* ‘светло-рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV 2007: 426], характеристика – светлый, окрас туловища от серо-рыжего до красновато-золотистого, голова и конечности, грива и хвост в большинстве случаев светлые; як. *харана хонгор* ‘темно-игренивый’, характеристика – основной окрас от коричневого до темно-шоколадного оттенка, окрас туловища от черного до светло-бурого, голова и конечности такого же оттенка; часто в яблоках; грива и хвост белые или дымчатые; як. *сырдык арабас* ‘светло-соловый’ [ТСЯЯ, т. I 2004: 519], характеристика – тело лошади цвета топленого молока; волосы в гриве и хвост часто бывают белыми; копыта у такой лошади окрашены в светло-коричневый цвет. Структурно-семантический анализ позволяет получить следующую модель определения подмастка:

Таблица 1

Фон + подмасток + цвет хвоста и гривы = масть			
Фон	Подмасток	Цвет хвоста и гривы	Масть
<i>кугас</i> ‘рыжий’	<i>сырдык</i> ‘светлый’	<i>сырдык</i> ‘светлее фона’	<i>сырдык кугас</i> ‘светло-рыжая’
<i>хонгор</i> ‘игренивый’	<i>харана</i> ‘темный’	<i>сырдык</i> ‘светлее фона’	<i>харана хонгор</i> ‘темно-игренивый’
<i>арабас</i> ‘соловый’	<i>сырдык</i> ‘светлый’	<i>сырдык</i> ‘светлее фона’	<i>сырдык арабас</i> ‘светло-соловый’

2) **«имя прилагательное, обозначающее цвет + имя прилагательное, обозначающее цвет»** (сложение двух и более основ цветowych прилагательных, значения которых равноправны). Всего выявлено 36 (31%) якутских названий подмастей лошади, в том числе подмасти бурой масти – 2 (6%), гнедой – 2 (6%), пегой – 2 (6%) соловой – 3 (8%), чалой – 3 (8%), мышастой – 4 (11%), сивой – 6 (17%), рыжей – 7 (19%), саврасой – 7 (19%). Цвет гривы и хвоста в большинстве случаев светлый – 22 (61%). Например, *хонгор кугас* ‘игрениво-рыжий’ [ТСЯЯ т. IV 2007: 427], характеристика – рыжая с соловой гривой и белыми подпалинами; *кыһыллыгы күрэн* ‘красновато-бурый’ [ТСЯЯ т. III 2006: 1327], характеристика – темно-коричневый с красноватым отливом; *кэрэ элэмэс* ‘половопегий’ [ТСЯЯ т. X 2013: 242], характеристика – крупные пятна на фоне серой масти. Структурно-семантический анализ позволяет получить модель определения подмастка, показанную в таблице 2.

Таблица 2

Фон + подмасток + цвет хвоста и гривы = масть			
Фон	Подмасток	Цвет хвоста и гривы	Масть
<i>кугас</i> 'рыжий'	<i>хонгор</i> 'игренивый'	<i>сырдык</i> 'светлее фона'	<i>хонгор кугас</i> 'игрениво-рыжий'
<i>күрэн</i> 'бурый'	<i>кыһыллыгы</i> 'красноватый'	<i>харана</i> 'темнее фона'	<i>кыһыллыгы күрэн</i> 'красновато-бурый'
<i>кэрэ</i> 'бледно-желтый'	<i>элэмэс</i> 'пегий'	<i>сырдык</i> 'светлее фона'	<i>кэрэ элэмэс</i> 'половопегий'

3) «имя сущ. в им. падеже + имя прилагательное, обозначающее цвет».

Данные сложные полилексемные имена прилагательные образуются путем сложения двух компонентов, из которых один – уточняющий, а другой – опорный. В якутском языке уточняющий компонент выражен основами имен существительных, обозначающими самые разные объекты: предметы, животные. К данной группе относятся 36 (31%) якутских названий подмастей лошади, в том числе подмасти гнедой – 1 (3%), бурой – 1 (3%), чубарой – 1 (3%), соловой – 2 (6%), саврасой – 3 (8%), мышастой – 5 (14%), рыжей масти – 8 (23%), сивой – 14 (40%). Например, *чимэчи кугас* 'цвета заболонь' [БТСЯЯ т. V 2008: 140], характеристика – рыжий с желтым оттенком, цвета заболонь; *куба арабас* 'красновато-соловый' [ТСЯЯ т. I 2004: 520], характеристика – с красноватым хвостом, гривой, крупом и спиной, со светло-желтой грудью и «в чулках» такого же цвета; *туой күрэн* 'гнедо-бурый' [БТСЯЯ т. V 2008: 160], характеристика – бурая с ярко-коричневым цветом по телу, грива и хвост черные.

Уточняющие компоненты выражаются именами существительными, которые обозначают: природные объекты – 8 (23%), животных – 13 (36%), предметы бытового использования – 8 (23%), пищу – 3 (9%), другое – 3 (9%). Примеры представлены в таблице 3.

Таблица 3

Природа		
Имя сущ. в им. падеже	Имя прилагательное обозначающий цвет	Масть
<i>туос</i> 'берёста'	<i>кугас</i> 'рыжий'	<i>туос кугас</i> 'светло рыжий'
<i>туой</i> 'глина'	<i>күрэн</i> 'бурый'	<i>туой күрэн</i> 'гнедо-бурый'
<i>кумах</i> 'песок'	<i>сур</i> 'мышастая'	<i>кумах сур</i> 'мышастая с местами коричневым оттенком'
Животный мир		
<i>саһыл</i> 'лиса'	<i>улаан</i> 'серый'	<i>саһыл улаан</i> 'красно-серый'
<i>тиинг</i> 'белка'	<i>сур</i> 'серый'	<i>тиинг сур</i> 'темно-серый'
<i>хахай</i> 'лев'	<i>сиэр</i> 'саврасый'	<i>хахай сиэр</i> 'саврасый'

Таблица 3 (продолжение)

Природа		
Имя сущ. в им. падеже	Имя прилагательное обозначающий цвет	Масть
<i>тимир</i> 'железо'	<i>көбөччөр</i> 'сивый'	<i>тимир көбөччөр</i> 'сиво-железный'
<i>тимир</i> 'железо'	<i>бороң</i> 'серый'	<i>тимир бороң</i> 'сиво-серый, стальной'
Пища		
<i>уоһах</i> 'молозиво'	<i>кугас</i> 'рыжий'	<i>уоһах кугас</i> 'красновато-желтый'
<i>үүт</i> 'молоко'	<i>кэрэ</i> 'серый'	<i>үүт кэрэ</i> 'молочно-серый'
<i>туус</i> 'соль'	<i>маңан</i> 'серый'	<i>туус маңан</i> 'темно-серый'
Другое		
<i>хаан</i> 'кровь'	<i>тураҕас</i> 'гнедой'	<i>хаан тураҕас</i> 'гнедой цвета крови'
<i>өһөх</i> 'сгусток крови'	<i>кугас</i> 'рыжий'	<i>өһөх кугас</i> 'медно-рыжий'
<i>кыртас</i> 'ослепительно чистый'	<i>маңан</i> 'серый'	<i>кыртас маңан</i> 'чисто-серый'

Структурно-семантический анализ позволяет получить следующую модель определения подмастка:

Таблица 4

Фон + подмасток + цвет хвоста и гривы = масть			
Фон	Подмасток	Цвет хвоста и гривы	Масть
<i>кугас</i> 'рыжий'	<i>чимэчи</i> 'свеча'	<i>сырдык</i> 'светлее фона'	<i>чимэчи кугас</i> 'цвета заболонь'
<i>араҕас</i> 'соловьи'	<i>куба</i> 'лебедь'	<i>харана</i> 'темнее фона'	<i>куба араҕас</i> 'с красноватым хвостом, гривой, крупом и спиной, со светло-желтой грудью и «в чулках» такого же цвета'
<i>күрэн</i> 'бурий'	<i>туой</i> 'глина'	<i>харана</i> 'темнее фона'	<i>туой күрэн</i> 'гнедо-бурий'

1.3. Отметины лошади

Отметинами называют врожденные пятна и полосы самой различной формы и величины, располагающиеся на голове, конечностях и корпусе, которые могут появляться в течение всей жизни лошади и могут меняться так же, как и масть. Отметины имеют свой цветовой оттенок: темные, белые или тельные. В данной статье названия отметин лошадей в якутском языке разделены на три группы:

1 группа: отметины на голове – 19 (52 %). Белые отметины на голове лошади делятся на несколько категорий, которые отличаются по размеру, форме и местоположению. Используемые для их обозначения термины могут иметь различные вариации. Например, *маҕаас* 'лысина', характеристика – белая широкая по-

лоса, соединенная с большой звездой на лбу и захватывающая боковые стороны головы, иногда глаза и морду [Рансфорд 2007: 16]; *тыоһахта* ‘звезда’, характеристика – пятно белой шерсти на лбу лошади (может быть седина, сединка) [там же]; *ураанньык* ‘проточина’ [там же], характеристика – белая полоска на переносье, начинающаяся от уровня глаз или ниже, соединенная или захватывающая нижнюю губу; *чокуруос харах* ‘сорочий глаз’, характеристика – глаз с лишенной пигмента радужной оболочкой. Часто встречается у светло-соловых и пегих лошадей, а также у имеющих широкую белую отметину на лбу, которая захватывает глазную орбиту [там же].

2 группа: отметины на ногах – 2 (5 %). Отметины на ногах лошади – это полосы белой шерсти разного размера, которые опеределаются по месту распространения: по венчику, по путовому суставу, в пятке, с захватом запястья или скакательного сустава или выше, учитывая, на какой высоте и стороне (снаружи, изнутри, спереди, сзади или кругом) оканчивается белизна и каковы ее края. Если на каждой ноге отметины имеют различные формы: ровные или неровные, зубчатые, окаймленные смешанным цветным и белым волосом и т. п., то следует описывать каждую ногу отдельно. Например, *кыталык элэмэс* ‘чулком’ [там же], характеристика – белое пятно от копыта до пясти.

3 группа: другие отличительные отметины – 16 (43 %). Кроме отметин на голове и ногах существует еще множество других. Например, *дьабыл* ‘зеброидность’ [там же], характеристика – мелкие пятна на лопатке лошади; *орох* ‘ремень’, характеристика – темная полоса по спине. Она идет по хребту от гривы до хвоста [там же].

Таким образом, в ходе разработки системы выявлена модель определения подмасти: цвет фона + подмасток + цвет хвоста и гривы = масть, в которой также учитывается наличие полосы по хребту (ремня) для более четкого терминологического определения цвета. Под цветом фона подразумевается основная масть лошади. Полагаем, что с помощью данного метода даже не имеющие отношения к коневодству люди смогут свободно определить ту или иную масть.

Следует отметить, что из основных мастей подмастями наиболее богата *көбөччөр* ‘сивая масть’, которая формируется и меняется в процессе развития жеребенка и с изменением ее возраста.

Разработка системы наименований мастей лошади дает более широкое и полное представление об именах прилагательных, описывающих масти лошади в якутском языке.

Исследование имеет важное практическое значение для коневодов, которым сложно определить и терминологически обозначить масть/тип/подмасток лошади.

Литература

- Алексеев, Степанов 2006 – Алексеев Н.Д., Степанов Н.П. Лошадь якутской породы: внутривидовые типы, хозяйственные и биологические особенности // Достижения науки и техники АПК. – М., 2006. С. 8–10. {N.D. Alekseyev, N.P. Stepanov. The Yakut horse breed: the intra-breed types, economic and biological features // The Achievements of Science and Technics of Agro-Industrial Complex. – Moscow, 2006. PP. 8–10.}
- Борисова 2013 – Борисова И.З. Особенности номинации масти лошадей в якутском языке и их перевода на русский и французский языки // Вестник Бурятского государственного университета.

- Педагогика. Филология. Философия. 2013. № 1. С. 84–88. {*I.Z. Borisova*. The aspects of naming of horse's colour in the Yakut language and its translation into Russian and French // The Bulletin of the Buryat State University. Pedagogics. Philology. Philosophy. 2013. No.1. PP. 84–88.}
- Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IV: Буква К / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с. {The Big Thesaurus of the Yakut Language: in 15 Volumes. Volume 4: Letter K. / Edited by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 672 PP.}
- Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчээрэ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с. {The Big Thesaurus of the Yakut Language: in 15 Volumes. Volume 5: (Letter K: küölehis gyn – keecheere). / Edited by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 616 PP.}
- Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. X: (Буква Т: т – төһүлээ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с. {The Big Thesaurus of the Yakut Language: in 15 Volumes. Volume 10: (Letter T: t – töhüle). / Edited by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2013. – 575 PP.}
- Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIV: (Буквы Ч, Ы) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – 592 с. {The Big Thesaurus of the Yakut Language: in 15 Volumes. Volume 14: (Letters Ч, Ы). / Edited by P.A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2017. – 592 PP.}
- Васильев 2012 – *Васильев Ю.И.* Огузский компонент в якутском языке. – Якутск: издательский дом СВФУ, 2012. – 357 с. {*Yu.I. Vasilyev*. The Oghuz element in the Yakut language. – Yakutsk: Publishing House of the Northeastern State University, 2012. – 357 PP.}
- Гурьев 1983 – *Гурьев И.П.* К вопросу о происхождении якутской лошади // Терминологические исследования в Якутии. – Якутск, 1983. – С. 50–57. {*I.P. Guryev*. On the question of genesis of the Yakut horse breed // The Terminological Research in Yakutia. – Yakutsk, 1983. – PP. 50–57.}
- Егинова 2013 – *Егинова С.Д.* Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). – Новосибирск: Наука, 2013 г. – 232 с. {*S.D. Yeginova*. The figurative adjectives in the Yakut language (in comparison with the Buryat and the Kirghiz languages). – Novosibirsk: Nauka, 2013. – 232 PP.}
- Левин 2013 – *Левин Г.Г.* Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 436 с. {*G.G. Levin*. Historical ties of the Yakut language with the ancient Turkic languages of the 7th–9th centuries. (in a comparative aspect with Eastern Turkic and Mongolian languages): monograph. Yakutsk: the Publishing House of Northeastern State University, 2013. – 436 PP.}
- Малышева 2015 – *Малышева Н.В.* Отношение якутского языка к уйгурскому и древнеуйгурскому языкам (фоноструктурные и структурно-семантические особенности): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. {*N.V. Malysheva*. The relation of the Yakut language to the Uighur and the Ancient Uighur languages (phonostructural and structural-semantic features): theses for Candidate's degree in Philology studies.}
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I. – Л.: изд-во АН СССР, 1959 – 1260 с. *E.K. Pekar'skiy*. The Yakut Language Thesaurus. Vol. I. – Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959 – 1260 PP.}
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. II. – Л.: изд-во АН СССР, 1959. – 2492 с. {*E.K. Pekar'skiy*. The Yakut Language Thesaurus. Vol. II. – Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959 – 2492 PP.}
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. III. – Л.: изд-во АН СССР, 1959. – 3850 с. {*E.K. Pekar'skiy*. The Yakut Language Thesaurus. Vol. III. – Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. – 3850 PP.}
- Федорова 1980 – *Федорова К.И.* Названия масти лошадей в якутском языке. – Якутск: Полярная звезда № 3, 1980. – с. 123. {*K.I. Fedorova (Fyodorova)*. The naming of horse's colour in the Yakut language. – Yakut: The Polestar No. 3, 1980. – P. 123.}
- Шайхулов 1993 – *Шайхулов А.Г.* Аспекты системного изучения лексических сходжений и их реконструкции в тюркских и монгольских языках // Исследования по семантике. – Уфа, 1993. – С. 67–76. {*A.G. Shaykhulov*. The aspects of the systematic studies of lexical parallels and their reconstruction in Turkic and Mongolic languages // The Semantics Studies. – Ufa, 1993. – PP. 67–76.}

THE SYSTEM OF HORSE'S COLOUR NAMING IN THE YAKUT LANGUAGE

N.V. Malysheva, A.Ye. Bozhedonova

Yakutsk

Summary: The article is devoted to the development of the system of names of horse's suits in the Yakut language according to their structural and lexical-semantic features. As part of the study, more than 170 names of the Yakut stripes were collected, including 16 "main" suits, 117 "journeymen" and 25 "marks". To systematize the names of horse suits, the following types are divided into: 1) main suits – 14 (8 %); 2) basic suits – 116 (68 %); 3) horse marks – 40 (24 %). In turn, the main suits are divided into the following groups: "one-colour", "two-colour", "mixed", "wild", and "spotted" suits. The basic suits are typed according to the structural and lexico-semantic characteristics and are represented by the following universal models: "adjective + color adjective", "colour adjective + colour adjective", "noun in nominative case + colour adjective". The lexico-semantic group "horse marks" includes within it such subdivisions as: "marks on the head", "marks on the legs", and "other distinctive marks". The study revealed the following structural features: simple single-lexeme adjectives, describing the main suits of the Yakut horse and complex poly-lexemic names, adjectives, describing the submasters of the main suits. The development of a naming system for horse suits gives a broader and more complete picture of the adjectives that describe horse suits in the Yakut language.

Key words: names of horse colours, Yakut language, horse colour system, main colours, hooks, markings, structural-semantic analysis, colour designation.

**ГРАФИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕДАЧИ ТЮРКСКОГО МАТЕРИАЛА
В ГРАММАТИКЕ И. МЕГИЗЕРА
«INSTITUTIONES LINGVAE TURCICAE LIBRI QUATUOR» (1612)¹**

Ф.Ш. Нуриева, М.М. Петрова, М.М. Сунгатуллина

г. Казань

Аннотация: Статья является продолжением комплексного историко-лингвистического исследования латиноязычной грамматики Иеронима Мегизера «Institutiones linguae Turcicae libri quatuor» (1612). Она посвящена графическим и фонетическим особенностям передачи тюркского материала, включенного в разделы фонетики, морфологии, в хрестоматийный материал и в словари. Авторы приходят к выводу о том, что в разделе «Фонетика» дана полная характеристика особенностям передачи тюркских звуков арабским письмом, которым в то время пользовались тюркские народы. Так как основным языком науки для европейцев являлся латинский язык, Мегизер в своей грамматике в основном делает упор на латинскую графику, адаптируя ее для передачи тюркской речи. Используя все средства разных языков, которыми Иероним Мегизер владел, он сумел выстроить вполне ясное представление о звуковом строе тюркского языка и его графическом отображении.

Ключевые слова: грамматика, Иероним Мегизер, латинский язык, тюркские языки, фонетика, орфография.

Иероним Мегизер (Hieronymus Megiser, 1553–1618) — ученый, гуманист, историк и переводчик [Кононов 1976: 15]. Он известен как автор исторических, географических, философских и поэтических трудов. Его биограф Т. Эльце отзывается о нем, как об ученом, имеющем основательные, многосторонние знания и богатый опыт путешественника [Алексеев 1968: 56].

Мегизер был известным собирателем разноязычного языкового, в том числе тюркского материала. Тюркский материал был включен в ряд его работ: «Thesaurus poliglottus» ('Сокровище всех языков, или Многоязычный словарь') [Алексеев 1968: 55], многоязычный сборник пословиц «Paroemiologia polyglottes» [<https://islamansiklopedisi.org.tr/atasozu>].

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00402.

Нуриева Фануза Шакуровна – профессор, доктор филологических наук, Казанский федеральный университет, e-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Петрова Маргарита Михайловна – доцент кафедры филологии, Казанская православная духовная семинария, e-mail: benelat926@gmail.com

Сунгатуллина Миляуша Масхутовна – учитель английского языка, МАОУ «ООШ №30» г.Казань.

Среди ранних работ, посвященных изучению тюркских языков, важное место занимает первая печатная грамматика Иеронима Мегизера «*Institutiones linguae Turcicae libri quatuor*», изданная в 1612 году в Лейпциге.

Обращение к написанию грамматики Иероним Мегизер мотивирует во вводной части следующим образом: «*Quam enim praeclara fit atque honorifica, magna; cum laude conjuncta, quam ad omnes vitae humanae partes conducibilis, quam deniq; pace et bello, domi et militia, omnino necessaria, cum aliarum linguarum, tum vero, praefertim hoc nostro seculo, etiam sermonis Turcici cognitio et intelligentia*». 'Ведь как прекрасно и почетно, возвышенно и похвально, как для всех сторон человеческой жизни полезно, как, наконец, в мирное время и во время войны, дома и в военном походе — всюду необходимо как знание других иностранных языков, так, в особенности в этот наш век, знание и понимание тюркской речи' [Мегизер 2012: 15–16] (Здесь и далее перевод с латинского языка М.М. Петровой). Тот факт, что Мегизер выбирает латинский язык для изложения основ тюркской грамматики, может означать то, что грамматика предназначалась для широкого круга читателей, для образованных людей, говорящих на разных языках, но знающих латынь. В рамках гранта рабочей группой уже исследован ряд проблем, относящихся к изучению частей речи, особенностей перевода паремического материала, специфике межъязыковых соответствий.

Грамматика Мегизера до настоящего времени остается монографически не исследованной. Ученые, обращавшиеся к ней, в основном давали общую характеристику и привлекали иногда иллюстративный материал в качестве объекта сопоставительных исследований. Первые описания грамматики И. Мегизера «*Institutiones linguae Turcicae libri quatuor*» 'Основные правила тюркского языка' принадлежат турецкому ученому А. Дилячар, татарскому ученому А. Каримуллину – автору исследований, посвященных истории татарской печатной книги, лингвисту-тюркологу А. Кононову, татарскому фольклористу Х. Махмудову, немецкому ученому Х. Штайну и др. В их статьях дана общая характеристика грамматики, основные проблемы, поднимаемые в ней. Поскольку грамматика написана Мегизером на латинском языке, она была недоступна широкому кругу исследователей. Авторы данной статьи занимаются работой над исследованием грамматики в течение нескольких лет. Частично переведены на татарский и русский языки тексты первого, второго и третьего разделов грамматики [Мегизер 2012]. А в настоящее время продолжается работа над полной версией перевода. Параллельно с переводом идет изучение материала грамматики.

Данная статья посвящена анализу фонетической и графической систем. Проблема фонетики и графики представляет наибольшую сложность, поскольку в грамматику включен разнообразный материал как восточных, так и европейских языков. Эти языки относятся к разным языковым семьям, пользуются разными алфавитами. Грамматика относится к раннепечатным изданиям, когда система книгопечатания была еще не унифицирована и шрифты не кодифицированы, что осложняет работу при изучении фонетической системы, особенностей графического отражения правил орфоэпии. Сложность состоит еще в том, что источники текстов, включенных в грамматику, были самыми разнообразными. Кроме материала, который собирал сам Мегизер, он использовал тексты других авторов. Известный тюрколог А. Н. Кононов ссылается на востоковеда В. Хеффенинга,

утверждающего, что одним из источников грамматики И. Мегизера могли послужить турецкие тексты в записи хорватского воина венгерской армии Бартоломея Георгиевича, который во время вторжения войск султана Сулеймана-Кануни в Венгрию, в битве при городе Мохаче (29 августа) попал в плен к туркам [Кононов 1976: 12]. Изучив труд Бартоломея Георгиевича, В. Хеффенинг говорит о степени надежности его текстов как источника сведений об анатолийско-тюркском языке XVI века и о тех диалектных особенностях, которые нашли свое отражение в текстах [Гузев 1972: 87]. В процессе работы с текстом грамматики «*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*» нами обнаружены ссылки самого Мегизера на его труд [Megiser 1612: 32].

Dz ad, vende. Ain, oculus. Je, comedere. Barth. Rathmanus p. 11.

Попытки изучения тюркских языков в Европе предпринимались и раньше. Знаменитый рукописный Кодекс Куманикус, до сих пор вызывающий пристальное внимание исследователей, был написан, по мнению ряда исследователей, не позднее XIV века. Рукописное пособие, составленное флорентийцем Филиппо Ардженти „*Regola del parlare Turcho*“ (правила разговорного турецкого языка) и датированное 1533 годом, первая турецкая грамматика, написанная в 1611 году итальянским монахом Пьетро Феррагудо, тоже являются свидетельством этого [Гузев 1972: 84–86]. Наверняка имелись и другие попытки заниматься вопросом изучения тюркского языка, поскольку в этом была необходимость, но они остались неизвестными. Ведь и Куманский сборник попал в руки лингвистов значительно позже. Перечисленные рукописные пособия, к сожалению, в настоящее время труднодоступны для исследования. Да и сама грамматика Мегизера, рассматриваемая в данной работе, тоже долгое время была закрыта для изучения. Не стоит упускать и то обстоятельство, что для работы с ранними грамматиками необходимо знание европейских языков. Поскольку авторы ранних грамматик преследовали практические цели (торговые и политические интересы, миссионерство), эти грамматики не отличались особо глубоким теоретическим анализом материала, но ценность их бесспорна, поскольку в иллюстративном материале, в речевых образцах внимательный исследователь может обнаружить много ценного для самостоятельных выводов относительно особенностей изучаемого материала.

Грамматика И. Мегизера в определенной степени является энциклопедической филологической работой, так как состоит из нескольких разнохарактерных разделов: собственно, грамматики тюркского языка, хрестоматии, в которой представлены религиозные тексты, пословицы и словарь. Указанные жанры языкового материала, которые использует составитель Мегизер, а именно: быденная речь, народное творчество соответствуют традиционному содержанию латиноязычных грамматик для иноязычных народов, написанных в этот период.

Нужно подчеркнуть, что с именем Иеронима Мегизера в истории востоковедной и тюркологической науки связано начало формирования научного теоретического подхода к изучению грамматического строя тюркских языков. Термин *lingua Turcica* с латинского языка переводится в двух значениях: тюркский язык

и турецкий язык. В работах исследователей XVI–XVII вв., таких как А. Бомбачи, В. Хеффенинг, язык этого периода обозначен термином анатолийско-тюркский язык [Гузев 1972: 86–87]. Мы согласны с тем, что термин анатолийско-тюркский язык является наиболее точным для изучаемого периода состояния языка. Действительно, политическая ситуация в Малой Азии к началу XVII в. после пика могущества Османской империи в XV–XVI вв. не оставляет другой возможности: в этот период население полуострова максимально туркизируется. Поскольку в предыдущих наших исследованиях использовался термин *тюркский язык*, мы будем придерживаться его, имея под ним в виду анатолийско-тюркский язык.

В своей грамматике «*Institutiones linguae Turcicae libri quatuor*» Иероним Мегизер впервые определил основные черты тюркского языка. Автор характеризует свой труд как первый опыт его систематического описания: «*primus ego in hoc publicum orbis theatrum prodeo, qui barbaricam istam Turcorum linguam certis regulis limitam et circumscriptam*» [Мегизер 2012: 14]. «Это действительно первое специальное описание строя, используемого на территории Малой Азии разговорного варианта языка, на основе которого, как можно полагать, начинает формироваться нормированное койне того времени. Автор в своем труде охватил практически все ярусы языка, начиная с фонетики и кончая лексикой, включенной в прилагаемые тексты и словари» [Насилов 2012: 7]. Грамматика И. Мегизера «*Institutiones linguae Turcicae libri quator*» заняла важное место среди ранних грамматик, посвященных изучению тюркских языков.

Как известно, в XV веке в Германии Иоганном Гутенбергом было изобретено книгопечатание, которое к XVI веку распространилось почти по всей Европе. Особенно книгопечатание было развито в Италии и Венеции, где издавались книги на известных тогда в Европе и Передней Азии письменах. Если изначально предпочтение отдавалось религиозным книгам, то в XVI веке начали печататься и литературные, исторические и научные издания. Существовали и издательства, где использовались арабские металлические литеры для набора арабских слов, встречающихся в книгах, напечатанных латинским шрифтом [Каримуллин 1979: 42]. В грамматике И. Мегизера используются арабские шрифты. Труд И. Мегизера предшествовало несколько книг, посвященных изучению арабского языка, а также книг миссионерской направленности, выпущенных в разных городах империи. При издании своей грамматики И. Мегизер воспользовался шрифтами известного арабиста, доктора философии и медицины Петра Кирштейна (Petrus Kirstenius). Для издания своей арабской грамматики Петр Кирштейн основал типографию во Вроцлаве с собственными арабскими шрифтами. В этой типографии и была напечатана первая часть грамматики Мегизера. Сам Кирштейн сообщает об этом в обращении к читателю в вводной части грамматики: 'Любезнейший Читатель! Недавно известнейший человек, г-н Мегизер, прославленный саксонский историк и наш друг, переправил нам доработанное и исправленное сочинение, посвященное основам тюрко-арабской орфографии. Он просит, чтобы мы опубликовали эту работу при помощи наших арабских шрифтов. Мы решили благосклонно удовлетворить его просьбу. Поскольку в работе оказался материал, который обычной тюркской или арабской речи и написанию соответствует, но от ученого языка несколько отличается, предложил г-н Мегизер, чтобы это, если мы хотим, было бы нами исправлено. Это непре-

менно было бы нами сделано, если бы не помешали тому наши многообразные медицинские обязанности. Да и не было в том большой необходимости. Ведь не настолько трудно любому желающему это узнать из сопоставления с первой нашей книгой, грамматикой арабского языка (относительно букв *پ، چ، خ*) и о молитве Господней (*الاجد*), и о словах, которые здесь недостаточно безупречно присоединены и прочее все станет понятно. Вовсе при этом небесполезно будет познакомиться с другими способами изучения орфографии этого языка' [Мегизер 2012: 26].

Грамматика И. Мегизера, состоит из 340 страниц и включает в себя вступительную часть [Megiserus 1612: 12–26] и 4 раздела (автор называет их книгами): 1) «De Orthographia Turc-Arabica» 'Орфография Турецкого-Арабского языка' [Megiserus 1612: 27–77]; 2) «Isagoges Grammaticae Turcicae» 'Основы грамматики тюркского языка' [Megiserus 1612: 79–181], который является собственно грамматикой тюркского языка; 3) «Linguae Turcicae Exercitia et duae Proverbiorum Centuria» 'Упражнения и двести пословиц тюркского языка' Megiserus 1612: 182–226] и 4) «Dictionarium Latino-Turcicum et Turcico-Latinum» 'Латинско-тюркский и Тюркско-латинский словарь' [Megiserus 1612: 228–338].

При описании языка тюрков Мегизер использовал лингвистические понятия и категории латинского языка, для буквенной передачи тюркской речи применял арабскую графику наряду с латинской, приспособив ее к тюркоязычному материалу.

Раздел орфографии «De Orthographia Turc-Arabica» 'Орфография Турецкого-Арабского языка' [Megiserus 1612: 27–77] состоит из нескольких подразделов. Глава первая посвящена рассмотрению арабского алфавита. Автор отмечает, что у тюрков нет собственного алфавита, они используют арабский алфавит: «Тюркский язык во многом схож с персидским и татарским языками, но заметно отличается от арабского языка. В богослужении же тюрки пользуются в подавляющем большинстве арабским, т.к. на нем написан Алькоран» [Мегизер 2012: 27].

Приведенный Мегизером алфавит включает 31 букву. Они представлены в таблице, подразделенной на четыре столбца: название буквы, латинская транскрипция, вид в соединении с обеих сторон, вид без соединения (смотри приложение №1). Иероним Мегизер использовал 28-значный арабский алфавит в том виде, в каком он используется в языке фарси и получившем распространение среди письменных тюркско-мусульманских языков (среди прочих: османский, чагатайский и поволжский тюрки) который был дополнен тремя модифицированными буквами для звуков, имеющихся в тюркском языке, но отсутствующих в литературном арабском (две взяты из фарси, а одна является типично тюркской буквой): *پ* [p] и *چ* [tʃ], *ك* [k], а также включает традиционную лигатуру 'лям-алиф' *لا* [Megiserus 1612: 31].

Гласные звуки в алфавите переданы тремя знаками: «алиф» *ا*, «вав» *و*, «йай» *ي*. Мегизер при транскрипции гласных придерживается особенностей арабской орфографии: «алиф» – *ا* [a], [e], «вав» *و* [u], «йай» *ي* [i]. [Megiserus 1612: 28,30]. Мы видим, что Мегизер в таблице дает общепринятую арабскую транскрипцию без учета особенностей тюркских гласных звуков. Хотя на практике специфика звучания отражена, это вошло в седьмой пункт «наблюдений над буквами» второй главы: '...алиф (ا) в анлауте может передавать звуки [a], [e], [i], [u], в инлауте и ауслауте означает [a], если не имеет дополнительных значков' [Megiserus 1612:

31]. Гласные [i], [o], [ö], [ü] в транскрипции арабской графики оставлены Мегизером без внимания. Как мы видим дальше, эти звуки в текстах, написанных латинской графикой, нашли свое отражение. Для передачи специфических тюркских переднеязычных огубленных гласных звуков И. Мегизер использует следующие приемы: [ü] в большинстве случаев передается при помощи буквы «u»: *Hurmet* ‘уважение’ *iurekli* ‘сердечный’, очень редко через букву «ü»: *Delirlük* ‘жизнь’, *Euflelük* ‘святость’ и [iu]: *ordigiun* ‘праздник’; [ö] передается через [o] или [io]: *dort* ‘четыре’, *gior* ‘слепой’, *giorek* ‘собака’; [i] передается через [i]: *yarin* ‘завтра’, *yaralı* ‘раненый’, *sarı* ‘желтый’ и другие.

Для передачи тюркских согласных Мегизер использовал весь фонд арабского алфавита, дополнив его, как уже отмечалось выше, дополнительными буквами для звуков, имеющих в тюркском языке, но отсутствующих в арабском: پ [p] и چ [ç], گ [ŋ]. [Megiserus 1612: 31]. Обозначения шипящих звуков тюркского языка, отсутствующих в латинском языке, выражены буквенными сочетаниями, например, ش [ʃch], ج [dʃch], چ [tʃch]. Следует принимать во внимание, что в алфавите некоторые арабские согласные передаются одним знаком. Например se ث, sad ض, suoi ظ в алфавите Мегизера передаются через ʃ (вытянутое s), sin س, sel ذ передаются через s.

Во второй главе дается характеристика арабских букв, их классификация по месту артикуляции [Мегизер 2012: 31–35]. Тюркские звуки в Грамматике подразделены на гласные и согласные, в первую очередь, он рассматривает согласные. Большое место уделяется описанию способа образования согласных. Автор подразделяет согласные на три группы: ...гutturальные: خ غ ع ح ه ا. Они произносятся в области гортани, тюрки их относят к гортанным. Лабиальные или губные: ف ب پ م و. Их шесть, они артикулируются губами. Все остальные согласные называются средние, обозначены термином *bağathî* [Megiserus 1612: 33].

При рассмотрении гласных особое внимание уделяется букве алиф (ا). Мегизер отмечает, что эта буква в анлауте может передавать звуки: [a], [e], [i], [u], в инлауте и ауслауте означает [a], если не имеет дополнительных значков.

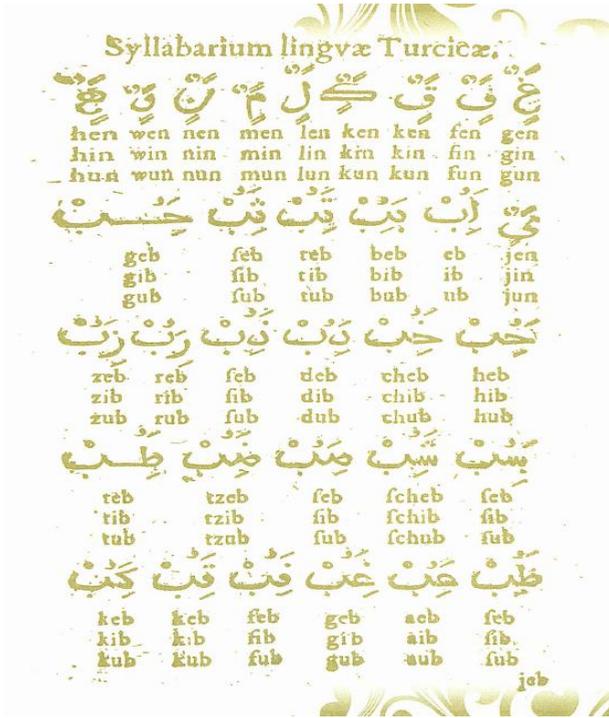
Автор отмечает, что некоторые буквы в тюркском языке имеют семантизированные наименования. Например, (ا) *Elif* – прямой, правильный; (ه) *Ha* – так, да; (د) *Dal* – вилы; (س) *Sin* – могила; (ج) *Dzad* – продай; (ع) *Ain* – глаз; (ی) *Ie* – питаться [Megiserus 1612: 32].

Также стоит отметить, что И. Мегизером правильно подмечены установившиеся произносительные нормы, которые соблюдаются в разговорной речи. Например, использование дополнительного гласного, в начале слов, начинающихся с сочетания согласных, типа *ʃcendere* – *iʃcendere*, *ʃcodra* – *iʃcodara* и другие [Megiserus 1612: 34]. Все это говорит о тонком языковом чутье И. Мегизера и его желании более полно и точно передать читателю звучание тюркской речи.

Особая глава посвящена огласовкам, передающим гласные звуки [Megiserus 1612: 35–36]. Система арабского письма предусматривает передачу лишь согласных и долгих гласных звуков, а краткие гласные на письме не изображаются. В третьей главе Мегизер дает подробную систему огласовок, их названия в тюркских и в арабском языках, их значения и приводит примеры.

Четвертая глава весьма объемистая (22 страницы), в ней дается подробный силлабарий (список слогов, встречающихся в тюркском языке) для тщательного

усвоения тюркской фонетики, непривычной для европейца. И. Мегизер очень основательно рассматривает и изучает систему слогов, приводит многочисленные примеры видов слогов. Автор в алфавитном порядке, начиная с отдельно стоящих букв, продолжая буквенными сочетаниями, букв с огласовками, приводит силлабариум. Всего дано 787 слогов. Приводим некоторые фрагменты из силлабария для наглядности:

[Megiserus 1612: 36–60].

Мегизер отмечает, что уделяется большое внимание отработке правописания и произношения, а при обучении детей используют различные мнемонические приемы и способы. К этому призывает и Мегизер желающих обучиться искусству тюркского письма: 'Ничто не является настолько трудным, что не стало бы легким, если делаешь это с желанием и прилагаешь усердие. Эти слова в духе Теренция как нельзя кстати подойдут для тех, кто штудирует тюркскую и арабскую орфографию. Ведь сколько бы она на первый взгляд не показалась сложной, если старательный и неутомимый новичок не только не откажется, но от труда не откажется, прежде всего читая, собирая слоги и упражняясь, то скоро всякая трудность совершенно исчезнет. Опыт же (по свидетельству Цицерона) превосходит наставления всех учителей. Это и турки знают, которые детей своих сначала с такой заботой и старанием имеют обыкновение обучать своим слогам. Поскольку такое правило обучения весьма удобным и полезным является, хочется ввести в эту главу совокупность слогов, которыми турки имеют привычку пользоваться. Я не сомневаюсь, что это будет на пользу изучающему язык' [Мегизер 2012: 36–37].

В пятой и шестой главах раздела приведены образцы текстов Корана, пословицы и поговорки на арабском шрифте, их транскрипция и перевод на латинский язык для отработки особенностей арабской каллиграфии и упражнений в связной речи. Мегизер подчеркивает важность практики для усвоения правильного произношения тюркской речи [Мегизер 2012: 61–77].

Таким образом, в разделе «Фонетика» дана полная характеристика арабского письма, которым пользовались тюркские народы. Мегизер пишет свою грамматику для европейцев, и поэтому он очень доходчиво объясняет основные правила орфографии и для облегчения усвоения материала дает транскрипцию тюркских звуков посредством латинской графики. В остальных разделах, посвящённых грамматическим темам, в хрестоматийной и словарной частях арабская графика не используется.

Грамматика написана на латинском языке, которым в то время владела вся Европа как языком науки. Кроме этого, латинская графика используется в качестве транслитерации тюркского материала. В последнем случае Мегизеру явно не хватало средств латинского языка для передачи особенностей тюркского языка. Это ощущалось как в передаче гласных, так и согласных: передачи огубленности – неогубленности, твердости – мягкости, передачи шипящих звуков, назализации. Латинский язык периода написания грамматики еще несет на себе особенности средневековой латинской графики. Это доказывается наличием вариаций некоторых согласных. Например, знакомая для всех нас буква *s* использовалась как прописная буква (*S*), а также в конце слов (или слогов). В остальных случаях (т. е. начальная строчная, срединная, в значительной части лигатур) употреблялась так называемая вытянутая *s* (*ſ*). Таким образом, эти варианты обуславливались не особенностями произношения в латинском языке, а местоположением в слове. Эти особенности проникли в написание тюркских слов. В кursive, используемом для тюркского языка, тоже используется два варианта: для прописной буквы и в ауслауте слов – *S, s*; в начальной строчной используется курсивная форма *ſ*, традиционно отличающаяся от некурсивной латинской *f* вытянутостью вниз, как и, например, курсивная *f* отличается от т.н. печатной *f*. Например,

Sois foilemeck auuretlerung der ischlemek erlerungder. Le parole fono femine, i fatti fono mafchii.

Sois foilemeck auuretlerung der, ischlemek erlerungder ‘Слова свойственны женщинам, а дела – мужчинам’ [Megiserus 1612:198]. Удлиненный вариант, согласно общеевропейской норме того времени, используется также для двойного *s*, т. е. *ff* и в составе многих других лигатур. Заметим, однако, что в необязательных лигатурах *as* (см. *Baschka*), *is* (см. написания *Bifumkhiler* и *Bisumkhiler*) используется т.н. закрытая, то есть, конечная *s*: *ischlemek*, тогда как обычно для передачи *ш* (ش, [ʃ]) в составе триграфа используется *f* (*fch*). В обычно используемой в латинском наборе лигатуре *st* с верхней перемычкой (см. *ustune*) также используется конечный вариант.

*Ius taffa bir bortfchi udermes. Cento
cârri di penfieri non pagano un de-
bito.*

Ius taffa bir bortfchi udermes 'Сто телег намерений не заплатят и одного долга' [Megiserus 1612: 206]. Материал словаря показывает, что скорее всего, набор производился разными людьми и в разное время. Одни части словаря набраны с прописной буквы, а другие фрагменты со строчной. Это легко видно по непоследовательности изображения первой буквы *s/f* [Megiserus 1612: 274–277]. Такая противопоставленность форм буквы *s*, обусловленная положением в слове, существовала в латинице вплоть до 19 века, а в немецкой графике – до середины 20 века. Кстати, это использовалось и в рукописной книге. Кроме указанных условий употребления в работе Мегизера удлиненного варианта, мы можем отметить еще один – использования его в составе традиционных лигатур *ff*, *ft*, *fp* и др. Конечно, это соответствует положению не в конце слова, но что относительно использования лигатур в рукописи, то они помещались на одной литере. Это вело к сокращению текста и экономии дорогостоящей бумаги. Использование удлиненного варианта создавало некоторые трудности в различении строчных *f* и *l*, которые различались только поперечной перекладиной, особенно в начале слова. Это приводило к ошибкам в понимании значения слов, например, *fero* 'поздно', *fero* 'несу'. Для наглядности приводится фрагмент из тюркско-латинского словаря.

<i>s.</i>	<i>s.</i>
<i>fitma, febris.</i>	<i>spabi, eques, Ritter.</i>
<i>fifshan, mus.</i>	<i>stam, jactura.</i>
<i>skonge, tormentum.</i>	<i>stifan, corona. (lis.</i>
<i>slabin silaetbi, Slavonia.</i>	<i>stamboli, Constantino-</i>
<i>sobanlar, opiliones.</i>	<i>stamboldili, Constantino-</i>
<i>sosha, scholasticus.</i>	<i>polititanus.</i>
<i>soffa, mensa.</i>	<i>stamboldige, idem.</i>
<i>sogan, capre.</i>	<i>stancoi, Cos, infula.</i>

Графическая вариативность написания могла возникать не только в связи с орфографическими правилами латинского языка, но может объясняться и своеобразием диалектного произношения в тюркской речи. Всякий раз к таким фактам нужно подходить внимательно, учитывая вышесказанные особенности. В данной статье уделяется внимание лишь некоторым согласным, которые вызывают затруднения в транскрибировании и в написании которых чаще всего наблюдается вариативность.

Безусловно, перед Мегизером встали сложные задачи при передаче тех звуков, которых нет в латинском языке. В первую очередь речь идет о шипящих. В алфавите, приведенном Мегизером, обозначения шипящих звуков выражены следующими буквенными сочетаниями *ش* [sch], *چ* [dʃch], *چ* [tʃch]. Заметим, что латинская буква *s* используется здесь в вытянутом латинском варианте – *l*. В тюркских текстах в этих же сочетаниях довольно часто используется ее курсивный вариант – *ſ*, отличающийся от прямой латинской *l* большей вытянутостью. Например: *Tſchumleçgi tſchumleçgini khiß khanur demurgi demurgii* 'Гончар гончару завидуєт, кузнец – кузнецу' [Megiserus 1612: 206]; *Tſchok kas kurti dalar*

'Много гусей волка покусают' [Megiserus 1612: 208]; *Kischi khasdugi khuyunga achur gendu duscher* 'Вырванный яму (колодец) другому в конце упадет туда сам' [Megiserus 1612: 209] и другие. Наблюдается вариативное написание и при передаче язычно-передненебного звука [ç] который обозначается также буквой *g* и буквосочетанием *tg*. Например: *g*: *akga* 'деньги', *Arabge* 'арабский', *bardacgi* 'гончар', *bafargi* 'торговец', *bekgi* 'караульный', *biningi* 'тысячный', *dangi* 'исполнитель', *kilergi* 'кладовщик'; *g*: *nitgin* 'почему', *otgak* 'очаг', *agtasin* 'без денег', *afatguk* 'немного', *bachtgiban* 'садовник', *gutguk* 'маленький', *itgum* 'напиток' и другие.

Звук [ʃ] в большинстве случаев изображается при помощи буквосочетаний *fch*, *ff*. Например:

fch: *befchik* 'колыбель', *dafch* 'камень', *difch* 'зуб', *efchk* 'любовь', *jafch* 'влажный', *fchatdan* 'подсвечник' и др.

ff: *effek* 'осел', *achigibaffa* 'шеф-повар', *baffa* 'главный' и др.

При передаче фрикативного звука [j] также встречаются варианты. Этот звук передается при помощи букв *g*, *z* и буквосочетаний *gh*, *dz*: *geneth* 'рай', *geiur* 'ответ', *gehennem* 'ад', *gellat* 'палач', *Inghil* 'Евангелие', *Redzet* 'Раджаб', *Rezeb* 'Раджаб' и другие.

Язычно-зубной звук [z] обозначается главным образом при помощи буквы *z*: *zetan* 'время', *zeit* 'олива', *zirtlan* 'зиена', *uzim* 'виноград', *uzim* 'длинный', *guzel* 'красивый', *gazi* 'борец за веру', *Ramazan* 'Рамазан' и другие. В латинском языке эта буква использовалась в подавляющем большинстве случаев в словах греческого происхождения. В ауслaute тюркских слов этот звук может передаваться буквой *s*: *hismeth* 'служба', *kis* 'девочка', *kas* 'гусь' и другие.

В Грамматике Мегизера наблюдаем несколько вариантов графем для передачи заднеязычных звуков [k] – глубокозаднеязычный твердый и [k] – заднеязычный мягкий. Нужно заметить, что в латинском твердость и мягкость не различались, это подтверждается примерами из тюркского: *fanduk* 'сундук', *feuk* 'холод', *tarak* 'гребень'; *tektur* 'письмо', *reltek* 'картавый'. Кстати сказать, буква *k* в латинском языке практически не использовалась, а в тюркском материале она встречается очень часто. Заднеязычные звуки [k], [k] кроме указанного *k*, могли передаваться в тюркском языке другими графическими знаками:

c: *seftene* 'каштан', *cari* 'старушка' *caimak* 'сметана', *cala* 'город', *car* 'снег', *cari* 'старушка', *cirt* 'червяк', *cit* 'песок' и др.

ch: *fichir* 'мысль'; *fachür* 'бедный', *chiligs* 'сабля' *och* 'стрела' *ochumag* 'учиться', *chorban* 'жертва', *chiuli* 'сельский' и др.

kh: *hismethkhiar* 'работник', *ekhim* 'врач', *giunekkhiar* 'грешник'; *dortkhat* 'четыре раза' и др.

Язычно-зубной звук [t] передается при помощи буквы *t* и буквенных сочетаний *th* и *tt*. Например:

t: *iuturta* 'яйцо', *kutlik* 'недостаток', *kuvetli* 'сильный', *kurt* 'червяк', *toprak* 'почва, земля', *terifi* 'портной', *tusluk* 'солонка' и др.

th: *eth* 'мясо', *gaireth* 'сила', *geneth* 'рай', *hismeth* 'служба', *hurmeth* 'уважение', *oth* 'трава, огонь', *murath* 'воля', *thesbich* 'молитва' и др.

tt: *atta* 'дед', *dischetti* 'десна', *logat kittabi* 'словарь', *ottus* 'тридцать', *Mussal kittabi* 'книга Моисея' и др.

Фрикативный звук [h] передается при помощи букв и буквосочетаний *h, ch*. Например: *h: Allah fahasun 'Да защитит Аллах', hain 'враг', mechtephane 'школа', sabah 'утренние сумерки'* и др.

ch: Allach verfun 'Да поможет Аллах', chan 'князь', kadach 'бокал', chas 'благородный' и др.

Анализ графических и фонетических особенностей передачи тюркского материала в грамматике И. Мегизера «*Institutiones linguae Turcicae libri quatuor*» (1612) позволил сделать следующие выводы. Иероним Мегизер писал свою грамматику в миссионерских целях. Перед ним стояли две задачи. Первая – обучение восприятию тюркского текста, написанного арабской графикой. Это было необходимо, так как все тюркские народы рассматриваемого периода пользовались арабским алфавитом. Вторая – поскольку европейцы в основном пользовались латинским языком, Мегизер в своей грамматике в основном дает упор на латинскую графику, адаптируя ее для передачи тюркской речи.

Арабскому алфавиту, навыкам его чтения и письма Иероним Мегизер посвятил целую главу, разделив ее на шесть разделов. Ценность этой части в том, что в ней представлен тюркский материал, изданный типографическим путем с использованием арабских шрифтов. Мегизер считает эту задачу очень важной и использует для отработки материала подробный силлабарий, мнемонические приемы и житейскую мудрость. Для облегчения усвоения материала Мегизер использует латинскую транслитерацию, адаптируя ее, насколько это возможно, к тюркским звукам. Особенно трудно было автору заметить специфику передачи тюркских гласных арабскими буквами. А в латинской графике сумел передать их разными вариантами шрифтов с дополнительными значками и буквосочетаниями типа *ü, ö, i, iu, io*.

Арабский алфавит приспособлен к консонантному письму, и Мегизер указал все буквы арабского алфавита, включая специфические, присущие в значительной мере только арабскому языку. Однако Мегизер передавал только упрощенное их звучание. Например, *se ث, sad ض, suoi ظ* в алфавите Мегизера передаются через *ʃ* (вытянутое *s*), *sin س, sel ذ* – передаются через *s*. Но в то же время два этих латинских знака являются вариантами одного звука *s*, обусловленного положением в слове.

Таким образом, в разделе «Фонетика» дана полная характеристика особенностям передачи тюркских звуков арабским письмом, которым пользовались тюркские народы. В остальных частях, посвященных грамматическим темам, хрестоматии и словарю арабская графика не используется.

Текст грамматики Мегизер писал на латинском языке, поскольку именно он был языком науки, поэтому автор использовал всем известную латинскую графику для транслитерации тюркского материала. Так же, как в случае с арабской графикой, латиница не всегда могла передать специфику тюркских звуков, и Иероним Мегизер должен был решить проблему соотношения буквы и звука, проблему приспособления средств латинского языка к передаче звуковой системы тюркского языка, а в ряде случаев нахождения новых средств для передачи звуков, не имеющих графического выражения в латинском языке. Используя все средства разных языков, которыми Иероним Мегизер владел, он сумел выстроить вполне ясное представление о звуковом строе тюркского языка и его графиче-

ческом отображении. Все свои выводы он подтверждает большим количеством иллюстративного материала.

Исследование фонетических особенностей рассматриваемой грамматики Иеронима Мегизера «*Institutiones linguae Turcicae libri quatuor*» свидетельствует о том, что латинская графико-орфографическая система при передаче тюркской речи отличается вариативностью. Например, звук *k* передается при помощи букв и буквосочетаний *k, c, ch, kh*. Такие явления могли быть обусловлены разными причинами, а именно: использовались разные источники материала, могло сказаться отражение особенностей диалектной речи информантов, к тому же наличие вариативности являлось характерной чертой этого времени, когда только еще начали складываться языковые нормы. Известный тюрколог Д.М. Насилов по этому поводу сказал, «что это первая в европейской науке напечатанная грамматика предоставила возможность мировой общественности познакомиться с языком, на котором говорил разноплеменной тюркоязычный этнос» [Насилов 2012: 7].

Nomen.	Potestas.	Finalis.	Figura.
Elif.	a. c.	ا, آ	ا
Be.	b.	ب, پ	ب
Pe.	p.	پ, پ	پ
Te.	t.	ت, تة	ت
Se.	f.	ث, ثت	ث
Dfchim. g. dfch.		چ, چ, چ	چ
Tfchim. g. tfch.		چ, چ, چ	چ
Ha.	h.	ح, ح	ح
Hi.	ch. h.	خ, خ, خ	خ
Dal.	d.	د, د, د	د
			Scl.

Nomen.	Potestas.	Finalis.	Figurae.
Scl.	s.	س	س س س س س
Ri.	r.	ر	ر ر ر ر ر
Zc.	z.	ز	ز ز ز ز ز
Sin.	s.	س	س س س س س
Schin.	fch.	ش	ش ش ش ش ش
Sad.	f.	ص	ص ص ص ص ص
Tzad.	tz.	ض	ض ض ض ض ض
Thui.	t.	ط	ط ط ط ط ط
Suoi.	f.	ظ	ظ ظ ظ ظ ظ
Ain.	a.	ع	ع ع ع ع ع A 3 Gain
Nomen.	Potestas.	Finalis.	Figurae.
Gain.	g.	غ	غ غ غ غ غ
Fc.	f.	ف	ف ف ف ف ف
Kaf.	k.	ق	ق ق ق ق ق
Kef. gief. nief.	(k.n.g.)	ك	ك ك ك ك ك
Lam.	l.	ل	ل ل ل ل ل
Mim.	m.	م	م م م م م
Nun.	n.	ن	ن ن ن ن ن
Vau.	u.w.	و	و و و و و
He.	h.	ه	ه ه ه ه ه
LamElif.	la.	لا	لا لا لا لا لا
Ie.	i.	ي	ي ي ي ي ي

Название буквы	Звуковое значение	Арабский вариант				Транслитерация
		Написание в конце слова	Написание в середине слова	Написание в начале слова	Отдельно стоящая буква	
Elif	<i>a, e</i>	ا	ا	ا	ا	a, e
Be	<i>b</i>	ب	ب	ب	ب	b
Pe	<i>p</i>	پ	پ	پ	پ	p
Te	<i>t</i>	ت	ت	ت	ت	t
Se	<i>s</i>	س	س	س	س	s
Dčhim	<i>dfch</i>	چ	چ	چ	چ	j (ž)
Tfchim	<i>tfch</i>	چ	چ	چ	چ	ç
Ha	<i>h</i>	خ	خ	خ	خ	h
Hi	<i>ch, h</i>	ح	ح	ح	ح	h
Dal	<i>d</i>	د	د	د	د	d
Sel	<i>s</i>	ذ	ذ	ذ	ذ	s
Ri	<i>r</i>	ر	ر	ر	ر	r
Ze	<i>z</i>	ز	ز	ز	ز	z
Sin	<i>s</i>	س	س	س	س	s
Schin	<i>fch</i>	ش	ش	ش	ش	ş
Sad	<i>s</i>	ص	ص	ص	ص	s
Tzad	<i>tz</i>	ض	ض	ض	ض	z
Thui	<i>t</i>	ط	ط	ط	ط	t
Suoi	<i>s</i>	ظ	ظ	ظ	ظ	z
Ain	<i>a</i>	ع	ع	ع	ع	g, γ
Gain	<i>g</i>	غ	غ	غ	غ	g, j, γ
Fe	<i>f</i>	ف	ف	ف	ف	f
Kaf	<i>k</i>	ق	ق	ق	ق	k, q
Kef, gief, nief	<i>k, g, n</i>	ك	ك	ك	ك	k, j, η
Lam	<i>l</i>	ل	ل	ل	ل	l
Mim	<i>m</i>	م	م	م	م	m
Nun	<i>n</i>	ن	ن	ن	ن	n
Vau	<i>u, w</i>	و	و	و	و	v, u
He	<i>h</i>	ه	ه	ه	ه	h
LamElif	<i>la</i>	لا	لا	لا	لا	la, le
Ie	<i>i</i>	ي	ي	ي	ي	y, i, i

Литература

- Алексеев 1968 – Алексеев М.П. Словари иностранных языков в русском азбуквнике XVII века. Л.: Наука, 1968. – 155 с. {M.P. Alekseyev. The dictionaries of foreign languages in Russian azbukovnik (collection of articles) of the 17th century. Leningrad: Nauka, 1968. – 155 pp.}
- Гузев 1972 – Гузев В. Г. Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII–XVI вв. // Тюркологический сборник: Наука, 1972. – С. 69–93. {V.G. Guzev An abstract of researches on

- languages of Turks of Asia Minor in 13th–16th centuries. // *Compendium on Turcology*: Nauka, 1972. – PP. 69–93}
- Каримуллин 1979 – *Каримуллин А.* Путешествие в мир книги. Из страниц татарского книгопечатания. Казань: Тат. Книжн. Изд, 1979. – 223 с. {*A. Karimullin. Travel to the Book World. From history of the Tatar typography.* Kazan: Tatar Book Publishing House, 1979. – 223 PP. }
- Клобукова Т.В. Языковое коллекционирование и каталогизация языков как факт истории лингвистики // *Материалы 36 международной филологической конференции «Общее языкознание» 11–15 марта 2008 г. г. Санкт-Петербург с. 39–44.* {*T.V. Klobukova. The language collecting and cataloging as a fact of history of linguistics // Data of the 36th international philological conference “The General Linguistics”, 2008, March 11th–15th, Saint-Petersburg; PP. 39–44.*}
- Кононов 1976 – *Кононов А.Н.* Очерк истории изучения турецкого языка. Л.: Наука, 1976. – 117 с. {*A.N. Kononov. An essay on the study of the Turkish language.* Leningrad: Nauka, 1976. – 117 PP. }
- Мегизер 2012 – *Мегизер И.* Основы тюркского языка (перевод и комментарии Нуриевой Ф.Ш., Петровой М.М., Сунгатуллиной М.М.). Казань, 2012. – 285 с. {*H. Megiser. The bases of the Turkic language (translation and commentary by F.Sh. Nuriyeva, M.M. Petrova, and M.M. Sungatullina.)*. Kazan, 2012. – 285 PP. }
- Насилов 2012 – *Насилов Д.М.* К публикации грамматики Иеронима Мегизера // *Мегизер И. Основы тюркского языка (перевод и комментарии Нуриевой Ф.Ш., Петровой М.М., Сунгатуллиной М.М.).* Казань, 2012. – С. 5–9. {*D.M. Nasilov. To the publication of Hieronymus Megiser’s Grammar // Hieronymus Megiser. The bases of the Turkic languages (translation and commentary by F.Sh. Nuriyeva, M.M. Petrova, and M.M. Sungatullina.)*. Kazan, 2012. – PP. 5–9. }
- Нуриева, Петрова, Сунгатуллина 2013 – *Нуриева Ф.Ш., Петрова М.М., Сунгатуллина М.М.* Общая характеристика межязыкового текста в работах Иеронима Мегизера // *Филология и культура.* – 2013, №1. – С. 91–96. {*F.Sh. Nuriyeva, M.M. Petrova, M.M. Sungatullina. The main features of an interlingual text in the works of Hieronymus Megiser // Philology and Culture.* – 2013, No.1. – PP. 91–96. }
- Нуриева, Петрова, Сунгатуллина 2013 – *Нуриева Ф.Ш., Петрова М.М., Сунгатуллина М.М.* Особенности перевода тюрко-латинской грамматики Иеронима Мегизера „*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*“ (1612 г.) // *Российская тюркология.* – 2013, №2(7). – С. 92–97. {*F.Sh. Nuriyeva, M.M. Petrova, M.M. Sungatullina. The main features of translation of Hieronymus Megiser’s Turkic-Latin grammar “Institutionum linguae Turcicae libri quatuor” (1612 AD.) // Russian Turcology.* – 2013, No.2(7). – PP. 92–97. }
- Петрова М.М. Особенности латинского словарного материала в книге Иеронима Мегизера // *Scripta manent: Материалы всероссийской научно-практической конференции «Классические языки в высшей школе».* Казань: КТМУ, 2012. – С. 64–71. {*M.M. Petrova. The features of the Latin dictionary data in Hieronymus Megiser’s book // Scripta manent: The data of the All-Russian scientific and practical conference “The classic languages in the higher school”.* Kazan: KTMU, 2012. – PP. 64–71 }
- <https://islamansiklopedisi.org.tr/atasozu> (a web source)
- Megiser 1612 – *Megiser H.* *Institutiones linguae Turcicae libri quatuor.* – Leipzig, 1612. – 340 PP.

On features of graphics and phonetics of the Turkic material in H. Megiser’s grammar «*Institutiones linguae turcicae libri quatuor*» (1612)

F.Sh. Nuriyeva, M.M. Petrova, M.M. Sungatullina

Kazan

Summary: This article is the continuation of the complex historical and linguistic research of the Latin-based Turkic grammar by Hieronymus Megiser “*Institutiones linguae Turcicae libri quatuor*” (1612). The article is devoted to different graphical and phonetical peculiarities in Megiser’s data, included in the chapters of phonetics, morphology, textbook material, as well as in the dictionaries. The authors conclude that in the “Phonetics” chapter can be found an exhaustive commentary on correspondences between the Turkic phonology and the Arabic script, used

by many Turkic peoples on that day. Hence, the Latin language was the most widely used language of European science of that period. Megiser adopted the Latin alphabet to describe the Turkic speech. Using all of his language competencies and all of the languages, he had ever known, Megiser just has made a clear and wide picture of a Turkic language (see details on the language itself) and its graphical reflection.

Keywords: grammar, Hieronymus Megiser, the Latin language, the Turkic languages, phonetics, orthography

К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЗМАХ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Мехмет Ольмес

г. Стамбул

Резюме: Каждый язык сохраняет некоторые архаичные черты своего праязыка. Эти архаичные черты могут быть в лексике, фонетике, морфологии или синтаксисе. Некоторые языки могут сохранять даже архаичные флективные суффиксы. Кроме того, некоторые языки могут иметь архаичные особенности в каждом ярусе языка. Из числа тюркских языков тувинский является примером такого рода языков. В настоящей статье был детально рассмотрен ряд показательных примеров из области тувинской лексикологии.

Ключевые слова: тувинский язык, архаизмы, лексикология, тюркские языки.

Тувинский язык является языком, обнаруживающим архаические черты на разных языковых уровнях. Эта тема неоднократно затрагивалась и прежде в различных исследованиях. По нашим наблюдениям, эти особенности вкратце можно охарактеризовать следующим образом.

Фонетические особенности. Тувинские лексемы, схожие или близкие с древнетюркскими формами, отсутствуют во многих других тюркских языках. Например, древнетюркские заднеязычные гласные, соответствующие переднеязычным гласным во многих тюркских языках: тув. *dil* = орх. т. *til* ‘язык’, тув. *muŋ* = орх. т. *buŋ* ‘1000’, тув. *it* = орх. т. *it* ‘собака, пес’.

В тувинском языке (и в близкородственном хакасском языке) сохраняется согласный *-g*, который во многих других тюркских языках, подвергшись изменениям особенно в непервых слогах, перешел в *-w* и *-k* или полностью исчез: тув. *шериг* ‘армия’ (< др.-тюрк. *çerig*), *силиг* ‘опрятный, аккуратный’ (< др.-тюрк. *silig*), *көвүрүг* ‘мост’ (~ др.-тюрк. *köprüg*), *чыдыг* ‘вонючий’ (< др.-тюрк. *yıdıg*) и т. д.

Лексические особенности мы можем продемонстрировать примером двустишия из поэмы «Благодатное знание»:

*elik külmiz oynar çiçekler üze
sıgun muŋgak ađnar yorır tıp keze* [КБ 79]

И серны резвятся в цветущих полянах,

Играют маралы в просторах багряных. [Иванов 36]

(Юсуф Баласагунский, Благодатное знание, пер. С. Н. Иванова, 1963)

Встречающиеся в нем названия животных сохранились в тувинском языке: *элик* ‘косуля (самка)’, *хулбүс* ‘косуля (самец)’, *сыын* ‘марал (самец)’, *мыйгак* ‘маралуха (самка марала)’.

В словообразовании встречаются, например, такие аффиксы, как *+gaç* (тув. *кушкаш* ‘птичка, пичужка’: *kuşgaç* ‘воробей’ [МК 229]); *+sIg* (*дуссуг* ‘слоноватый’ < **tuzsig*); *+(X)rgA-* (*улуурга-* < **ulugurga-*), которые в других тюркских языках встречаются весьма редко или являются непродуктивными.

В словоизменении и временной системе в тувинском также встречаются формы, которые исчезли в большинстве других языков. Например, на месте известной во многих тюркских языках формы 1-го лица множественного числа прошедшего времени на *-DUk* в тувинском (и во многих сибирских тюркских языках) сохраняется древнетюркская форма на *-DI biz* (~ *-DImlz*): *алдывыс* ‘мы взяли’ < **aldi biz*, *уутувус* ‘мы летели’ < **uçtı biz* ~ *uçtumuz*.

Что касается аффиксов-архаизмов, следует отметить древнетюркские аффиксы, которые используются для образования глаголов: *-(I)gsA-* (тув. *-skA-*, ср. *biliske-* < **biligse-*) и временная форма *-yUk* (тув. *-çIk*).

Тувинская форма прошедшего времени на *-çIk / -žIk*, восходящая к древнетюркскому *-yUk*, является очень редкой в современных языках. Возможно, эту форму можно встретить только в тувинском языке и его диалектах, а также [в хакасском языке – *Ред.*] и в языке фууйских кыргызов *алчык мен* < **alyuk men*, *көржүк мен* < **köryük men* [Ölmez 2006]; (подробнее см. [Насилов 1966] – *Ред.*).

В сравнении с другими тюркскими языками, с точки зрения фонетики, словообразования, лексикографии и лексикологии, тувинский язык сохранил архаичный пласт лексики и древнетюркские грамматические элементы.

В силу этих особенностей, в отдельных случаях можно обнаружить корни слов, которые не прослеживаются в древнетюркском. Например, тув. *am* ‘сейчас’ (ср. др.-тюрк. *amti*), тув. *ип* ‘награбленное имущество, трофей’ (др.-тюрк. *iiple-* ‘красть, воровать, грабить’). Среди слов тувинского языка, дошедших до наших дней, следует отметить *azi* ‘или’ (др.-тюрк. *azi*). Согласно Дж. Клосону, на сегодняшний день древнетюркское *azi* сохранилось лишь в тувинском языке [ДТС 73; EDT 280].

Рассмотрим некоторые другие тувинские лексические архаизмы.

çat – ‘чары, магия для вызывания дождя’; ‘камень, с помощью которого вызывают дождь’. Восходит к др.-тюрк. *yad* [EDT 883]; ср. *jat II* ‘колдовство, волшебство, связанное с вызыванием дождя и ветра’ [ДТС 247]; ср. также монг. *jada*, халха *zad* (Tib. *gyad*) [L 1021]. В большинстве тюркских языков используется двусложная основа *yada*, заимствованная из монгольского языка, а также основа *yan*. Основа, используемая в тувинском языке, не является заимствованием и восходит к древнетюркской форме. Таким образом, древнетюркская основа *yaу*, которая происходит от **yad*, впервые встречается в чагатайском языке. Для более детальной информации о происхождении слова см. [TMEN I § 157; EDT 883; EW 177], кроме этого, для форм *yad* и *yada* в современных тюркских языках см. [Molnár, Zieme 1994].

çonak – ‘потник’, ‘войлок, подкладываемый под седло или под седелку’. Корень: опираясь на морфемiku слова, Клосон связывает др.-тюрк. МК *yonak* с глаголом *yon-* ‘вырезание’. В таком случае слово **yonak*, произошедшее от *yon-*,

должно было бы иметь значение ‘резьба по дереву’, но в тувинском языке у этого слова данного значения не наблюдается [ДТС 272; EDT 949].

cugay – ‘мел’; ‘известь, известка’; ‘белила, белая краска’. Корень: ср. монг. *şikuy*, *şokuy*, *çokey* [L 722, 757, 199]. Слово, которое впервые встречается в древнетюркских надписях (например, памятник Тоньюкуку, седьмая строка), в последующем прослеживается лишь в тувинском. Для более детальной информации см. [ДТС 156; Tezcan 1995].

halı- /halır/ – ‘прыгать, скакать, перепрыгивать, подпрыгнуть, вскочить’; ‘бегать’. Корень: др.-тюрк. [Irk Bitig] *kalı-* ‘прыгать, скакать, перепрыгивать < возвышаться, подниматься’ [ДТС 411; ED 617], (ср. монг. *kali-* ‘летать, подниматься к небу, подниматься в воздух, взлетать, парить; умирать’ [L 919].

hin – ‘пупок’, ‘струя (кабарговая)’. Корень: др.-тюрк. [МК 164,171] *kin* [ДТС 307; EDT 725]. Согласно Клосону, др.-тюрк. *kin*, являющееся корнем слова *kindik* ‘пупок’, можно проследить в рукописях начиная от среднетюркского и до наших дней, однако оно сохраняется лишь в двух современных тюркских языках (тувинский и алтайский языки). Например: *kin* ‘струя кабарги’ [ATS 112; ОйРС 82].

kiir- /kiirer/ – ‘ввозить, приносить, вносить, впускать, импортировать’. Корень: др.-тюрк. *kigür-* [ДТС 306; EDT 712 b]. Клосон отмечает, что слово употребляется в «юго-восточной» группе тюркских языков, т. е. в уйгурском наречии. Данное слово сохранилось и в тувинском языке в виде *ki:r-*.

kirgin (о животных) – ‘течка; находящийся в состоянии течки’. Корень: *kirgin* < др.-тюрк. *kirgin* МК 222. Клосон, отмечая тот факт, что существует лишь один пример данного слова, который встречается в *Дивán лугát ат-турк*, сопоставляет его с глаголом *kir-* ‘входить’ [EDT 743]. В то же время слово продолжает употребляться в тувинском языке, в такой же форме, что и в *Дивáne*.

odur- /odurar/ – ‘перерезать’; ‘разрубить, отрубить’; *ıyaştı odurar* ‘разрубить дерево, рубить дрова’. Корень: *otur-* МК 97-98 [ДТС 374; ED 67] (*otur-* I); Клосон не приводит пример из тувинского языка. МК возводит глагол *otur-* к глагольной основе на *o-*. К сожалению, в словаре не приводится никакой информации, связанной с упоминаемым глаголом на *o-*. Клосон приводит лишь один пример из *Дивána*, тем не менее данное слово сохраняется в тувинском языке в виде *odur-*.

oy (III) – ‘буланый (о масти лошади)’. Корень: др.-тюрк. МК *oy* [ДТС 365; ED 266]. Клосон отмечает, что слово встречается лишь в тувинском и хакасском языках.

semiri- /semiriir/ ‘становиться жирным (тучным, упитанным)’, ‘тучнеть (о животных)’; ‘поправляться, полнеть (о человеке)’. Корень: **semir+i-* < др.-тюрк. МК *semri-*, *semiri-* [ДТС 495; ED 830]. Эквивалент общетюркской основы *semiz*, которая прослеживается и в древнетюркском, сегодня встречается лишь в тувинском языке и восходит к более древней основе **semir* (**semir*) + суффикс *i*, образующий глаголы от основ имен существительных. Ср. [Tekin 1969: 63].

şır – ‘вытопанный снег’. Корень: др.-тюрк. МК *şığır* [ED 409; EW 107]. Данное слово должно быть связано с тур. *şığ* ‘лави́на, (снежный) обвал’ [БТРС 184]. Клосон, отмечая наличие слова лишь в османском, в качестве примера приводит основу *şığır*. Как известно, слово также есть и в современном турецком языке: *şığır* ‘ложбина (русло, борозда, след) от снежной лавины’ [БТРС 184]. В анатолийских диалектах встречаются варианты *şığır* и *şığır* (и даже *cır* с дол-

гим *ī*). Клосон в своей работе, не приводя примеров из современных анатолийских диалектов и литературного турецкого языка, указывает на форму, взятую из словаря Ахмета Вефика *Лехче-и Османи*, которая употреблялась в последний период бытования османского языка. Эта форма является абсолютно идентичной форме, употребляемой в современном турецком языке. Тувинская форма данного слова не упоминается ни у Клосона, ни у Рясянена. Форма *şīr* восходит к древнетюркской основе *çığır*, представленной в тувинском языке в соответствии с правилами фонетики последнего. Для форм, присущих анатолийским диалектам, см. [DS 1160], кроме того, ср. [TS *çığır* 241]. Клосон и Рясянен не дают вышеприведенных сопоставлений и тувинско-древнетюркских эквивалентов, Рясянен приводит пример из хакасского языка.

şog: *karak şoo* – ‘радость’, ‘блеск глаз’. Корень: уйг. *çoğ* ‘блеск, отблеск, свет’ [ДТС 151; ED 405], ср. кит. 燭 *zhu*, Pulleyblank *tşuwk* 414. Слово, которое в некоторых современных тюркских языках встречается с конечным согласным *-k*, в тувинском, также, как и в древнетюркском, употребляется с конечным согласным *-g*.

tokpak – ‘куцый’, ‘короткий, обрубленный (о хвосте)’; ‘полено’; ‘чурка (дрова)’. Корень: для **tok+pak*, *tok* см. МК *toq* ‘человек без волос, тот, кто остриг волосы под корень’, *toq yülki* ‘безрогое животное’ [ED 464 b], то есть МК *toq*, возможно, выражает отсутствие чего-либо у людей или животных. Клосон не приводит никаких примеров из современных тюркских языков для слова *tok*.

ular – ‘горная индейка’; ‘кеклик, вид каменной куропатки’. Корень: др.-тюрк. *ular* [ДТС 609; ED 150]. Из всех исторических периодов развития тюркских языков данное слово впервые встречается в сочинении «Кутадгу Билиг», которое является памятником среднетюркского языка, и сохраняется в тувинском языке, так же как и в других современных тюркских наречиях. Тувинская форма полностью идентична древнетюркской.

ünüş – ‘растение’. Корень: *ün-üş* < др.-тюрк. *ünüş* (*önüş*) [ДТС 385; ED 191]. Основа *ünüş* употребляемая в значении ‘выход’, восходит к др.-тюрк. глаголу *ün* ‘заканчиваться, успевать; выходить’ и в тувинском языке имеет значение ‘растение’. Клосон приводит пример только тувинской формы данного слова.

üp – ‘награбленное имущество’, ‘трофей’. Корень: в древнетюркском нет основы *üp*, но в *Дивáne* приводится глагол *üple-* ‘красть, воровать, грабить’ (<**üp+le-*), который, по всей видимости, восходит к этой основе [ДТС 626; ED 11] Для подобного сопоставления см. соответствующую статью Клосона; ср. тув. *üpte-* /*üpteer*/ ‘грабить’; ‘мародерствовать’. Корень: *üp+te-* < др.-тюрк. *üple-* (<**üp+le-*) [ED 11].

üs II – ‘рысь’. Корень: ср. хак. *üs* [StachTof 104], шор. *Üs* [ŞorS 125], тоф. *üs* [RasF 239]. В случае, когда корень слова является исконно тюркским, конечный согласный *-z* односложных основ изменяется на *-s*. В результате слово может также восходить к основе, оканчивающейся на согласный *-z*, ср. такие соответствия, как др.-тюрк. *-z* = тув. *-s*, др.-тюрк. *-ş* = тув. *-ş*. Что касается корня, Стаховски возводит реконструкцию к формам *üs* < **üş* [StachTof 104].

Сокращения

Нар. leg. – *hapaх legomenon*
тиб. – тибетский язык

др.-кит. – древнекитайский
 др.-тюрк. – древнетюркский
 кит. – китайский
 монг. – монгольский
 орх. т. – орхонско-тюркский
 тоф. – тофаларский
 тув. – тувинский
 хак. – хакасский
 шор. – шорский

Литература

- БТРС – Большой турецко-русский словарь. М., 1998. {The Big Turkish-Russian Dictionary. Moscow, 1998.}
- Дивāн – Махмūd ал-Кāшгарī. Дивāн лугāt ат-Турк (свод тюркских слов). Т. 1. М., 2010. {*Maḥmūd al-Kāšgarī. Dīvān luḡāt at-Turk (the compendium of Turkic words). Volume 1. Moscow, 2010.*}
- ДТС – Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Древнетюркский словарь. Л., 1969. {*V.M. Nadelyayev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. The Ancient Turkic Dictionary. Leningrad, 1969.*}
- Насилов 1976 – Насилов Д.М. Прошедшее время на -jūk/-juq в древнейгуруском языке и его рефлекс в современных языках // Тюркологический сборник. – М., 1966. С. 92–104. {*D.M. Nasilov. Past tense formed with the -jūk/-juq affix in the Ancient Uighur language and its reflection in modern languages // The Turcological Compendium. – Moscow, 1966. PP. 92–104.*}
- ОйРС – Баскаков Н.А., Тоцакова Т.М. Ойротско-русский словарь. М., 1947. {*N.A. Baskakov, T.M. Toshchakova. The Oyrot-Russian Dictionary. Moscow, 1947.*}
- ЭСТЯ – Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ»: М., 1997. {*L.S. Levitskaya, A.V. Dybo, V.I. Rassadin. Etymological dictionary of the Turkic languages. All-Turkic and cross-Turkic lexical stems starting with letters “K”, “Q”: Moscow, 1997.*}
- ATS – Altayca-Türkçe Sözlük, N. A. Baskakov ve T. M. Toşçakova'nın *Oyrostko-russkiy slovar'*ından genişletilmiş *Altayca-Türkçe Sözlük / Hazırlayanlar: Prof. Dr. Gürsoy-Naskali E., Duranlı M.* Ankara, 1999.
- DS – Derleme Sözlüğü, III, C–Ç, Ankara, 1993.
- EDT – Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- EW – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- KB – Arat R. R. Kutadgu Bilig. I. Metin. TDK, İstanbul, 1947.
- L – Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley, Los Angeles, 1960.
- МК – Dankoff R., Kelly J., Maḥmud al-Kāšgarī: Compendium of the Turkic Dialects (Dīvān luḡāt at-Turk). I-III. 1982, 1984, 1985.
- Molnár, Zieme 1994 – Molnár Á. Weather-Magic in Inner Asia, with an appendix „Alttürkische Fragmente über den Regenstein“ by P. Zieme. Bloomington, Indiana, 1994.
- Ölmez 2006 – Ölmez M. Fuyu Kırgızcasında Geçmiş Zaman biçimleri // Sibirische Studien, 2006. Vol. 1.1. P. 117–124.
- Pulleyblank – Pulleyblank E. G. Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver, 1991.
- RasF – Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. {*V.I. Rassadin. Phonology and vocabulary of the Tofa(lar) language. Ulan-Ude, 1971.*}
- StachTof – Stachowski M. Einige tofalarische Etymologien vor gemeintürkischem Hintergrund // Ural-Altäische Jahrbücher, 1993. Neue Folge 12. S. 99–105.
- ŞorS – Kurpeşko-Tannagaşeva N.N., Akalın Ş.H. Şor Sözlüğü. Adana 1995. [Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993. {*N.N. Kurpeshko-Tannagasheva, Ş.H. Akalın. Shor-Russian and Russian-Shor Dictionary. Kemerovo, 1993.*}]
- Tekin 1969 – Tekin T. Zetacism and Sigmatism in Proto-Turki // Acta Orientaliae Hungaricae, 1969. 22, 1. P. 51–80.

TMEN – *Doerfer G.*, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I. Wiesbaden, 1963.

TS – Türkçe Sözlük. Genişletilmiş 7. Basım. Ankara 1983.

ON THE ARCHAIC LEXICAL UNITS OF THE TUVAN LANGUAGE

Mehmet Ölmez

İstanbul

Summary: Every language retains some archaic relics of its proto-language. These archaic features may be lexicological, phonological, morphological or syntactic. Some languages can keep even archaic inflectional suffixes. Furthermore, some languages can have archaic features in every part of linguistics. When it comes to Turkic languages, Tuvan is the example of this kind of languages. In Tuvan some archaic features can be found in all parts of linguistics. In this paper, some information about these features is presented shortly, and then the subject has been detailed by giving remarkable examples from lexicology.

Keywords: Tuvan, archaism, lexicology, Turkic languages.

НАЗВАНИЯ СОСУДОВ (ЕМКОСТЕЙ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ), ИЗГОТОВЛЕННЫХ ИЗ ОЧИЩЕННЫХ ВНУТРЕННОСТЕЙ ДОМАШНЕГО СКОТА, В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

А. Ч. Ооржак

г. Кызыл

Резюме: Наименования кухонной утвари и посуды составляют древний пласт лексики любого языка. Их исследование позволяет не только определить лексико-семантические особенности и характер функционирования данного разряда слов, но и познакомиться с материальной и духовной культурой народа, с его настоящим и историческим прошлым. В данной статье рассматриваются лексические особенности тувинских названий сосудов в тувинском языке для одноразового и многократного использования, изготовленных из очищенных внутренностей домашнего скота, а также этнографические детали изготовления и применения в быту этих архаических артефактов.

Ключевые слова: названия сосудов кустарного изготовления, длительное хранение мясо-молочных продуктов, внутренние органы домашних животных, тувинский язык, общетюркский.

В прошлом тувинцы в традиционном быту изготавливали домашнюю утварь и посуду из различных подручных материалов: дерева, бересты, кожи, а также очищенных внутренностей домашнего скота [Потапов 1969; Ооржак 2015, 2016; Ооржак, Кара-оол 2015; Рассадин, Трофимова, Тувшинтогс 2017]. В настоящей статье рассматриваются наименования сосудов в тувинском языке именно этой последней категории. Специальных исследований, посвященных лексике этого типа, в тувинском языкознании нет, поэтому данные по изготовлению и использованию таких сосудов могут представлять интерес для тувинистов – как этнографов, так и лингвистов. В ходе сбора материала выяснилось, что подобная лексика, обозначающая, в сущности, архаичные артефакты, все еще широко представлена в произведениях тувинской художественной литературы, а также в фольклоре, в частности в сказках, эпосе и загадках. Кроме того, языковой материал, собранный автором во время полевых экспедиций (2013–2017 гг.) подтвердил, что рассматриваемые названия сосудов, изготовленных из очищенных внут-

¹ Статья является публикацией по теме кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах».

ренностей домашних животных, до сих пор используются как в речи тувинцев-животноводов и мастеров-умельцев, так и в практике хозяйствования.

В условиях натурального животноводческого хозяйства для хранения заготовляемого впрок мяса, жира, ливера и др. мясных, а также предназначенных для длительного хранения молочных продуктов кочевники-тувинцы издавна приспособились преодолевать нехватку или отсутствие пригодных для этого различных видов тары. Они изготавливали емкости разового, в основном, или многократного использования из специально обработанных и очищенных внутренних органов забитого мелкорогатого или крупнорогатого скота.

Из овечьих и козьих, коровьих или кобыльих внутренностей, а именно *хырын* 'желудок', *сыңый* 'мочевой пузырь', *шөйүндү* 'кишки', тувинцы изготавливали разовые сосуды для хранения продуктов питания на зиму, таких как *саржаг* 'топленое масло', *чөкпек* 'лакомство из гущи, оставшейся после топления масла', *өл ааржы* 'гуща кислого молока-хойтпака', *курсаг ааржы* 'сушеный ааржи', или таких растительно-содержащих продуктов, как *уургенелиг кадык* 'каша с живородной гречишкой', *чодураалыг чөкпек* 'чөкпек с черемухой', а также мясных продуктов, например *күскү доораан эт* 'разрезанное (осенью) сочное мясо'. Для многократного употребления использовали *хапчык* 'мошонки быка' и хранили в них различные сушеные пряности: *кулча* 'дикий лук', *маңгырзын* 'дикий чеснок' и соль.

ХЫРЫН 'брюхо; брюшина; желудок; живот'; *улуг хырын* анат. 'рубец' [ТувРС 1968: 501]; *хырын* разг. 'надутый и сушеный желудок животного, употребляемый в качестве сосуда' [ПМА 2014]. Судя по данным [ЭСТЯ], это общетюркское слово, имеющее в большинстве современных и древних тюркских языков в первом слого широкий *a*, т. е. формы др.-тюрк. *qarın* 'живот', 'брюхо', 'желудок'; 'чрево' [ДТС: 427], алт. *карын* 'живот', 'желудок' [Балакина, Дедеева 2015: 64], ойр. *карын* 'живот', 'желудок', перен. 'бурдюк' [Баскаков, Тоцакова 1947: 75] и т. п., и только в тувинском, тофаларском и чувашском выступает узкий *ы*: тоф. *хырын* 'желудок', 'внутренности' [Рассадин 1995: 43], чув. *хырым* [ЭСТЯ V: 321]. Тувинско-тофаларский переход *a > ы* наблюдается также в близкородственном якутском (в меньшем числе слов) и относится исследователями к древнейшим чередованиям, рано прекратившим свое действие [СИГТЯ РР: 605–606].

Мнения об этимологии данного слова разноречивы. Как считают Э.В. Севортян и М.А. Хабичев, следуя за В. Бангом, *карын* образовано от корневой основы *кар* 'живот, лоно' плюс афф. *-ы(н)* с уменьшительным значением. А.В. Дыбо, напротив, предлагает видеть этимон слова в форме **karym* с выходом на монгольские и тунгусо-маньчжурские формы в праалтайской реконструкции: ПА **kormu-* [СИГТЯ Л: 277].

В качестве сосуда использовали сушеный желудок мелкого рогатого скота, например овцы *хой хырны* 'бараний желудок'. Юго-восточные тувинцы ячменный *далган* или *далган* из проса (толокно) смешивали с *ааржи* (вид сушеного творога) с отходами топленого масла и сливали в бараний желудок. В качестве еды эту смесь употребляли только зимой и ели с чаем и *өреме* 'сливки' [Потапов 1969: 194].

Например, *Шыырак өг бурүзү күзүн кыштагга көжүп кел сал-ла, кончуг семис ирт ийикпе, сергени өлүрүп, эьдин бүдүнге доорааш, хырынга суп доңуруп каар* [Сарыг-оол 2008: 134] 'Зажиточные семьи, переехав поздней осенью на

зимнюю стоянку, забивали самого жирного валуха или козла, затем набивали разрезанным мясом желудок и замораживали’.

Ниже опишем, как используется большой желудок животного (*хырын*) в качестве сосуда. Сначала желудок очищают, моют в теплой воде, затем надувают его, как шар, и, завязав конец, подвешивают над дымоходом. По окончании недолгого копчения, снимающего специфический запах желудка, он готов для использования под съестные припасы. Например, в нем хранят *чодураалыг чөкпек* ‘чөкпек с черемухой’, который готовят следующим образом: после снятия растопленного масла в котле остается горячий *чөкпек* ‘густой осадок, гуща’; в него кладут следующие ингредиенты: *ай* ‘сушеная сарана’, *кургаг ааржы* ‘сушеная простокваша’, *соктаан чодураа* ‘сухая толченая черемуха’, *далган* ‘мука из жареного ячменя или пшеницы’ и *мыйырак* ‘сушеное растение’. Все это перемешивают в теплую массу и плотно набивают ею сосуд, а затем его тщательно завязывают и подвешивают в сухое чистое место, обычно к жердям юрты или чума. В таком виде припас сохраняется надолго, до глубокой зимы. При употреблении *чодураалыг чөкпек* желудок разрезают, чөкпек режут на кусочки и едят, запивая молоком или чаем, а кусочек желудка, оставшийся от лакомства, отдают собаке. Пожилые тувинцы говорят: «Чөкпек – это лучшая еда» [ПМА 2016; Прокофьева 2011: 339].

По данным С.И. Вайнштейна, топленое масло для долгого хранения сливают в бычьи и бараньи пузыри, а также в толстую кишку лошади. Особенно хорошим для этой цели считался бараний желудок. Его извлекали сразу же после забоя барана, тщательно мыли теплой водой, затем выворачивали, надували и коптили, подвесив к дымоходу юрты [Вайнштейн 1991: 102]. Чтобы прямая кишка лошади, коровы или яка была пригодна для хранения продуктов питания, ее промывали, надували (связав концы ниткой), а затем сушили в юрте над дымом. Перед тем как налить топленое масло в подготовленные таким образом пузыри и кишки, их для эластичности размачивают в воде, а затем через одно из развязанных отверстий наполняют маслом и снова завязывают; когда масло застывает, сосуды подвешивают в юрте. По мере надобности от этой «колбасы» отрезают кусок с маслом [Потапов 1969: 174].

Сосуды из внутренностей домашнего скота предназначены для разового употребления, поэтому они повторно не использовались для хранения пищевых, замороженных продуктов. Например, замороженное топленое масло резалось вместе с сосудом *сыңый*.

СЫҢЫЙ ‘мочевой пузырь’ [ТувРС 1968: 397], ‘надутый и подсушенный мочевой пузырь разных видов домашнего скота, употребляемый в качестве сосуда для хранения топленого масла’ [ТСТувЯ II: 783]. Данная лексема зафиксирована в сой. *сыгый* ‘мочевой пузырь’ [Рассадин 2003: 99].

Сыңый – удобный, прочный сосуд объемом от 1 до 8 литров в зависимости от величины мочевого пузыря животного. В зимнее время *сыңый* с топленным маслом, *хапчык* с чаем и солью мужчины брали на охоту [ПМА 2015].

Например, *Оларның баарынга ааржылыг арбай далганын хавы-биле олурткаш, сыңыйда саржагны база чанынга салып берген* [Кенин-Лопсан 1980: 115] ‘Поставил перед ними мешочек с толокном ячменя с *ааржи* (вид сушеного творага) и топленое масло в [емкости из] мочевого пузыря’.

МӨӨН ‘двенадцатиперстная кишка’ [ТувРС 1968: 301; ТСТувЯ II: 371]; разг. ‘надутая и подсушенная двенадцатиперстная кишка крупного домашнего скота, употребляемая в качестве сосуда’ [ПМА 2014], например **мөөнде саржас** ‘топленое масло в [сосуде из] сушеной двенадцатиперстной кишки’, алт. **мөөн** ‘[сосуд из] слепой кишки’ для хранения молочной водки’ [Майзина 2018: 58].

Данная тувинская форма в «Этимологическом словаре» Э.В. Севортыяна сопоставлена с алт., кирг. **мөөн** ‘двенадцатиперстная кишка’, (см также: [Балакина, Дедеева 2015: 90]), хак. **пө:n** ‘слепая кишка’; наряду с формами с выпавшим в середине сонантом *z* приводятся формы, сохраняющие срединный согласный в том или ином виде: туркм. **böwen** ‘толстая кишка; сычуг’; каракалп., башк. **büjen** ‘двенадцатиперстная кишка; толстая кишка’, что подводит Э.В. Севортыяна к предположению о том, что туркменская форма, как и остальные тюркские формы, восходит к **bögen*, в основе которой, возможно, глагол *böge-*, *böve-*, *büge-* ‘преграждать’, ‘загораживать’, ‘закрывать’ [ЭСТЯ II: 205]. Приведенная на указанных страницах ЭСТЯ караханидская форма **bükän** ‘слепая кишка’, по К. Брокельманну, взята из «Словаря Махмуда Кашгарского»; так же с *ük* в середине слова в [ДТС: 132] и у Дж. Клосона [EDT: 205]. Только в американском издании «Дивана» 1982–1983 гг. появляется транскрипция слова ‘слепая кишка’ **bögän** [Д-К I: 304], точно соответствующая ее рефлексам в тувинском, алтайском и киргизском **möön**, хак. **röön**, в части начального согласного (хакасское оглушение *b* > *p*- и переход *b*- > *m*- под регрессивным влиянием конечного *-n* в остальных языках, а также широкий переднерядный огубленный *ö*, а не узкий *ü*), как это и дано у Э.В. Севортыяна. Именно такое чтение **bögän** принято для праторкского [СИГТЯ Л: 279], при этом автором, А.В. Дыбо, высказывается справедливое сомнение в наличии связи с **böc-* ‘затыкать, преграждать’. Действительно, Э.В. Севортыян везде имеет в виду корень со звонким согласным *g*, а форма с *k*, как теперь становится понятно из новых изданий «Дивана» Кашгари, является прежней, ошибочной транскрипцией данного слова: в арабографичном тюркском письме буква **кяф** может читаться (если нет особых указаний) и глухо – *k*, и звонко – *g*.

Б.И. Татаринцев в своем «Этимологическом словаре тувинского языка» подробно остановился на семантической стороне сближения тув. **мөөн** с глаголом *böge-* ‘преграждать, загораживать’, подключив к этим сопоставлениям тув. **мөөң** ‘скопившийся (о воде), водоем’ [ЭСТувЯ IV: 161] с неоднозначной историей возможного вторичного заимствования этого слова из монгольского. Нам представляется, что семантика «скопления» пищи соответствует функции двенадцатиперстной (не слепой!) кишки крупного рогатого скота – первичной щелочной обработке пищевого комка выбросами желчи и ферментов, вырабатываемых поджелудочной железой. В данной кишке, длиной от 90 до 120 см, это не происходит быстро, обрабатываемая пища скапливается как «в запруде», перед тем как биохимические механизмы дадут команду протолкнуть перевариваемую массу в следующий отдел желудка.

ШӨЙҮНДҮ ‘кишки’ [ТувРС 1968: 580], разг. ‘надутые и сушеные кишки домашнего скота, употребляемые в качестве сосуда’ [ПМА 2014], например, **шөйүндүде чокпек** ‘чокпек в [сосуде из] кишки коровы или лошади’. Данное слово зафиксировано в тоф. **шөөндү** ‘кишка (тонкая)’ [Рассадин 1995: 166].

ЧУМУР 'сычуг (часть желудка жвачных животных)' [ТувРС 1968: 547], разг. 'надутый и сушеный сычуг домашнего скота, употребляемый в качестве сосуда' [ПМА 2014], например *чумурда чөкпек* 'чөкпек в [сосуде из] надутого и высушенного сычуга животного'.

Тув. *чумур* 'сычуг', как и тофаларское *нюмур* 'сычуг' [Рассадин 1995: 260], выглядит как заимствование из киргизско-алтайских диалектов: кирг. *жумур*, каракалп. *жумыр* 'книжка (один из отделов желудка жвачных животных)', 'сычуг', 'желудок у жвачных животных'; каз. диал. *жумур* 'кожаный сосуд пастуха, чабана', 'бурдюк' [ЭСТЯ IV: 33–34]. Поскольку значение 'круглый' соответствует значению 'книжка' в киргизском (такова форма отдела желудка жвачных животных), его можно признать исходным; сдвиг семантики в сторону «сычуга» мог произойти на тувинско-тофаларской почве.

ХАПЧЫК анат. 'мошонка' [ТувРС 1968: 468], разг. 'надутая и сушеная мошонка быка, употребляемая в качестве сосуда' [ПМА 2014] / *хапчык сава* букв. «мошонка-сосуд», т. е. 'сосуд, изготовленный из мошонки быка объемом около полулитра' / *хапчык хап* разг. 'мешочек, сделанный из мошонки быка'.

Данное слово распространено в тюркских языках Сибири, см. алт. *баштык* 'мешочек, кошелек', 'сумка', 'торба'; анат. 'мошонка' [Балакина, Дедеева 2015: 27], хак. *хапчык* 'мешочек', 'кисет'; 'кошелек'; перен. 'мошонка' [ХакРС 1953: 274], тоф. *қапчық* 'маленький кожаный мешочек (для мелких вещей)' [Рассадин 2005: 42]. Второй компонент *хап* в сочетании *хапчык хап* имеет значения 'мешок', 'футляр, чехол', 'коробка, пачка', уст. 'мешок с гостинцем, гостинец' и также является общетюркским словом.

Хапчык хап / *хапчык сава* изготавливали следующим образом: после забоя скота мошонку отделяли, очищали внутреннюю часть и наполняли сухим песком или камушками, затем сушили, повесив в темном месте. Наружная сторона мешка из мошонки покрыта шерстью. В некоторых случаях мошонку выделявали по технологии переработки кожи. У мешков из мошонки не бывает никаких лишних запахов, но их используют не для всех пищевых продуктов, а в основном для хранения соли и пряностей (*кулча* 'дикий лук', *маңгырзын* 'дикий чеснок') [ПМА 2013]. Например, *Аңчыларның чадырларынга хапчык саваларга шай, дус, кулча уруп каан турар-ла боор чүве* [ПМА 2015] 'В шалашах охотников в сосудах из мошонки хранят чай, соль, дикий лук'.

По словам сотрудника-хранителя Национального музея Республики Тыва Ш.Х. Монгуш, подобные сосуды употреблялись и в качестве оберега домашнего скота от всяких болезней, от воров, от хищников, и чтобы приумножить и сохранить его [ПМА 2014].

Таким образом, в тувинском языке зафиксированы в общей сложности шесть названий сосудов и емкостей из внутренностей домашнего скота:

– *хырын* 'надутый и сушеный желудок животного, употребляемый в качестве сосуда';

– *сыңый* 'надутый и сушеный мочевой пузырь домашнего скота, употребляемый в качестве сосуда для хранения топленого масла';

– *мөөн* 'надутая и сушеная двенадцатиперстная кишка крупного рогатого скота, употребляемая в качестве сосуда';

– *шөйүндү* 'надутые и сушеные кишки домашнего скота, употребляемые в качестве сосуда';

– *чумур* ‘надутый и сушеный сычуг домашнего скота, употребляемый в качестве сосуда’;

– *хапчык* ‘надутая и сушеная мошонка быка, употребляемая в качестве сосуда’,

– *хапчык хап* ‘мешочек, сделанный из мошонки быка’.

Из этих шести анатомических названий сосудов (емкостей) для хранения пищевых продуктов четыре названия, наш взгляд, являются общетюркскими: *хырын*, *мөөн*, *чумур*, *хапчык*. Генетический статус остальных двух названий требует дополнительного исследования.

В настоящее время подобные емкости и сосуды широко демонстрируются в убранстве юрт среди домашней утвари и посуды, особенно во время национального праздника животноводов *Наадым*. Сосуды из желудков, кишок, пузырей, наполненные топленным маслом или другим лакомством, подвешивают к жердям юрты.

Сокращения

- алт. – алтайский язык
- анат. – анатомический
- афф. – аффикс
- башк. – башкирский язык
- букв. – буквально
- диал. – диалект
- др.-тюрк. – древнетюркский язык
- каз. – казахский язык
- каракалп. – каракалпакский язык
- кирг. – киргиский язык
- ойр. – ойратский
- ПА – праалтайский
- перен. – переносное значение
- разг. – разговорный
- сой. – сойотский язык
- тоф. – тофаларский язык
- тув. – тувинский язык
- туркм. – туркменский язык
- уст. – устаревшее
- хак. – хакасский язык
- чув. – чувашский язык

Литература

- Балакина, Дедеева 2015 – Балакина О.Н., Дедеева В.С. Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2015. {Balakina O.N., Dedeeva V.S. *Altai-Russian dictionary*. Gorno-Altai, 2015.}
- Баскаков, Тоцакова 1947 – Баскаков Н.А., Тоцакова Т.М. Ойротско-русский словарь / под общ. ред. Н.А. Баскакова. М., 1947. {Baskakov N.A., Toschakova T.M. *Oirots-Russian dictionary* / general edition by N.A. Baskakov. Moscow, 1947.}
- Вайнштейн 1991 – Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991. {Weinstein S.I. *The world of the nomads of the Center of Asia*. Moscow, 1991.}
- ДТС – Древнетюркский словарь / ред. Наделяев В.М. и др. Л., 1969. {*Old Turkic Dictionary* / edited by Nadelyayev V.M. et al. Leningrad, 1969.}
- Кенин-Лопсан 1980 – Кенин-Лопсан М.Б. Чылгычының өө (Юрта табунщика). Кызыл, 1980. {Kenin-Lopsan M.B. *Čylgyčyнуң өө*. (The herdsman's yurta). Kyzyl, 1980.}

- Майзина 2018 – *Майзина А.Н.* Система нумеративов в алтайском языке // Российская тюркология. 2018. № 1–2(18–19). С. 42–66. {Mayzina A.N. *The system of numberings in the Altai language* // Russian Turcology. 2018. No. 1–2(18–19). P. 42–66.}
- Ооржак 2015 – *Ооржак А.Ч.* Названия пиал / чашек в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5(54). С. 355–357. {Oorzhak A.Ch. *Names of drinking bowls / cups in the Tuvan language* // World of science, culture, education. 2015. № 5(54). PP. 355–357.}
- Ооржак, Кара-оол 2015 – *Ооржак А.Ч., Кара-оол Л.С.* О некоторых особенностях названий кухонной утвари и мешков в речи жителей Овьюра // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3(52) С. 301–304. {Oorzhak A.Ch., Kara-ool L.S. *On some peculiarities of the names of kitchen utensils and bags in the speech of Ovyur residents* // World of Science, Culture, Education. 2015. № 3(52). PP. 301–304.}
- Ооржак 2016 – *Ооржак А.Ч.* Названия мешков со словом *хан* в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8(62). Ч. 2. С. 124–128. {Oorzhak A.Ch. *Names of bags with the word hap in the Tuvan language* // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2016. № 8(62). Part 2. PP. 124–128.}
- ПМА – Полевые материалы автора (2013, 2014, 2015, 2016). {Author's field data (2013, 2014, 2015, 2016).}
- Потапов 1969 – *Потапов Л.П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. {Potapov L.P. *Essays on the national life of Tuvans*. Moscow, 1969.}
- Прокопьева 2011 – *Прокопьева Е.Д.* Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб., 2011. {Prokofieva E.D. *The process of national consolidation of Tuvans*. Saint-Petersburg, 2011.}
- Рассадин, Трофимова, Тувшинтогс 2017 – *Рассадин В.И., Трофимова С.М., Тувшинтогс Б.* Тюрко-монгольские параллели среди терминов материальной культуры в монгольских языках (на примере терминов одежды, жилища, домашней утвари) // Известия волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2017. Вып. 2(115) С. 101–106. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/> (Дата обращения: 16.11.2017). {Rassadin V.I., Trofimova S.M., Tuvshintogs B. *Turko-Mongolian parallels among the terms of material culture in the Mongolian languages (on the example of the terms of clothing, housing, household utensils)*. // News of the Volgograd State Pedagogical University. Philology. 2017. Vol. 2(115). PP. 101–106. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/> (Appeal date: 11/16/2017).}
- Рассадин 1995 – *Рассадин В.И.* Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1995. {Rassadin V.I. *Tofa(lar)-Russian Dictionary. Russian-Tofa(lar) dictionary*. Irkutsk, 1995.}
- Рассадин 2003 – *Рассадин В.И.* Сойотско-бурятско-русский словарь / Отв. ред. *Бураев И.Д.* Улан-Удэ, 2003. {Rassadin V.I. *Soyot-Buryat-Russian Dictionary* / edited by *Burayev I.D.* Ulan-Ude, 2003.}
- Рассадин 2005 – *Рассадин В.И.* Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский / Тоъфа-орус – орус-тоъфа сооттары. СПб., 2005. {Rassadin V.I. *Dictionary Tofalar-Russian and Russian-Tofalar / Tofa-orus – orus-tofa sottary*. Saint-Petersburg, 2005.}
- Сарыг-оол 2008 – *Сарыг-оол С.А.* Ангыр-оолдун тоожузу (Повествование Ангыр-оола). Кызыл, 2008. {Saryg-ool S.A. *Ангыр-оолдун тоожузу (Narration of Angyr-ool)*. Kyzyl, 2008.}
- СИГТЯ Л – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 1997. {*Comparative historical grammar of the Turkic languages: Lexicon*. Moscow, 1997.}
- СИГТЯ РР – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. М., 1997. {*Comparative historical grammar of the Turkic languages: Regional Reconstructions*. Moscow, 2002.}
- ТСТувЯ II – Толковый словарь тувинского языка / под ред. *Монгуша Д.А.* Новосибирск, 2011. Т. II: К–С. {*Dictionary of the Tuvinian language* / edited by *Mongush D.A.* Novosibirsk, 2011. Vol. II: K–S.}
- ТувРС 1968 – Тувинско-русский словарь / под ред. *Тенишева Э.Р.* М., 1968. {*Tuvinian-Russian Dictionary* / edited by *E.R. Tenishev*. Moscow, 1968.}
- ХакРС 1953 – Хакасско-русский словарь / сост. *Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И.* М., 1953. {*Khakass-Russian Dictionary* / composed by *N.A. Baskakov & A.I. Inkizheкова-Grekul* Moscow, 1953.}
- ЭСТувЯ IV – *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2008. Т. 4. М–П. {*B.I. Tatarintsev. Etymological dictionary of the Tuvinian language*. Novosibirsk, 2008. Vol. 4. M–P.}

- ЭСТЯ II – Севортян Э.В. Этимологический словарь: Общeturские и межтурские основы на букву «Б». М., 1978. {Sevortyan E.V. *Etymological dictionary: Common Turkic and Inter-Turkic stems beginning with the letter "B"*. М., 1978.}
- ЭСТЯ IV – Этимологический словарь тюркских языков: Общeturские и межтурские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989. {Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic bases beginning with the letters "Dj", "Zh", and "Y". Moscow, 1989.}
- ЭСТЯ V – Этимологический словарь тюркских языков: Общeturские и межтурские основы на буквы «К», «К». М., 1997. {*Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic stems beginning with the letters "K", "Q"*. Moscow, 1997.}
- Д-К I – МАҒИМҮД al-KĀŞĠARĪ. *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk)* / Edited and translated by Robert Dankoff, in collaboration with James Kelly. Harvard University, 1982.
- EDT— G. Clauson. *An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish*. Oxford, 1972.

NAMES OF VESSELS MANUFACTURED FROM THE DOMESTIC CATALOG

A.Ch. Oorzhak

Kyzyl

Summary: The names of kitchen utensils and dishes seem to be one of the oldest layers of vocabulary in many languages. Their study allows not only to determine the lexico-semantic features and nature of functioning of this category of words, but also to get acquainted with the material culture of the people, with its present and heritage. This article discusses some lexical features of the names of throwaway and reusable vessels in the Tuvan language, made from viscera of livestock.

Keywords: vessel, product, entrails, domestic animals, Tuvan language, common Turkic.

ИМЕННЫЕ МОДЕЛИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Ч. Серээдар

г. Кызыл

Резюме: Элементарные простые предложения с именными моделями в тувинском языке составляют следующие группы моделей: бытийные или передающие значения бытия (наличие, количество, отсутствие), локальные (местонахождение), характеризующие, обозначающие различные признаки объекта, в частности вписывающие объект в более широкое родовое понятие, и модели отношения (реляционные, компаративные), модели обладания. Мы различаем виды варьирования моделей предложения. Каждая модель может иметь структурно-семантические, структурные, экспрессивные варианты.

Ключевые слова: тувинский язык, элементарное простое предложение, модель, структурная схема, парадигма, пропозиция, структурный вариант, семантический вариант.

Настоящая работа основывается на положениях и терминологии Новосибирской синтаксической школы, основанной М.И. Черемисиной. По ее мнению, основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (ЭПП). ЭПП как языковая сущность недоступно прямому наблюдению, поэтому его записывают в виде моделей, в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов» [Черемисина 1997: 58]. Подобный подход к описанию структурно-семантического устройства предложений позволяет за пестрым, поистине бесконечным множеством фраз увидеть небольшое число минимальных «образцов», к которым это разнообразие можно и нужно свести, чтобы понять их истинную природу [Черемисина, Скрибник 1996: 47].

Под элементарным простым предложением (ЭПП) вслед за М.И. Черемисиной мы понимаем языковую сущность, которая недоступна прямому наблюдению и которую принято записывать в виде формул. ЭПП отражает необходимые компоненты синтаксической единицы, представляемые с помощью традиционных «символов классов слов». План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Что же касается плана содержания, то означаемым ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как

Серээдар Надежда Чылбаковна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель группы языкознания Тувинского института гуманитарных, прикладных и социально-экономических исследований (РФ, Республика Тыва, г.Кызыл); e-mail: sereedar.62@mail.ru

знака языка [Черемисина 1997: 47]. Но что представляет собою смысл предложения как единицы языка? Всякое предложение описывает некоторый целостный фрагмент действительности. Разные авторы называют его по-разному: событие, ситуация, положение дел. За этими русскими словами можно видеть разные оттенки смысла: *Кончилась война* – событие; *Мы остались без копейки* – ситуация; *В углу стоит холодильник* – положение дел. Но очевидно и то общее, что объединяет событие, ситуацию и положение дел: все эти выражения подразумевают именно ту мысленную структуру, которая всегда заключается в законченном предложении. Ее называли когда-то «законченной мыслью», но позже эта формулировка была отвергнута, потому что далеко не всегда мысль заканчивается в рамках одного предложения. Термины *событие*, *ситуация*, *положение дел*, наоборот, ведут нас непосредственно к внеязыковой действительности, к «внешнему» означаемому. Между тем, если мы говорим о предложении как *единице языка*, – а «единица» всегда предполагает множество, в которое она входит, – у него должно быть свое внутреннее содержание, противопоставленное содержаниям других предложений как единиц языка аналогично тому, как его структурная схема противостоит структурным схемам других предложений. Это содержание мы будем называть термином *пропозиция*, который вызывает меньше ассоциаций с разными видами внешних означаемых речевых предложений – фраз. Таким образом, пропозиция будет обозначать не конкретное значение той или иной фразы, но именно абстрактное значение, связанное с определенной структурной схемой как ее внутренняя сторона [Черемисина 1997].

Соответственно, мы будем представлять каждое предложение (единицу языка) его *моделью*, которую понимаем как двустороннюю сущность: план ее выражения есть структурная схема, план ее содержания есть пропозиция. Уточним соотношение терминов и понятий: подлинная единица высшего, синтаксического уровня языка есть *предложение* (точнее, *элементарное*, минимальное предложение, в котором представлены необходимые и достаточные компоненты). Но эта единица нам непосредственно *не дана, недоступна*, и потому мы *представляем ее моделью*. Модель – это зафиксированное определенным образом *наше понимание* того, что такое предложение. Поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться термином «модель», говоря о единицах языка.

Модель предложения – это искусственное построение, *конструкт*, который создается исследователем, лингвистом, в соответствии с тем, как он понимает, представляет себе предложение как единицу языка. Модель не претендует на точное отражение того психического образования, которое хранится у каждого в подсознании, но она должна сделать явными *самые существенные* с точки зрения говорящего черты, характеристики этого объекта. ЭПП есть синтаксическая единица языка на уровне **простого предложения**. Одному предложению как единице языка может соответствовать бесконечное множество конкретных речевых построений.

Элементарным мы называем простое предложение минимального состава, содержащего предикат и **все его актанты**. Семантический предикат – это основной компонент семантической структуры предложения, обозначающий активный или стивный предикативный признак, являющийся реальной основой предложения и отнесенный либо к предмету, либо к ситуации [Арват 1973: 5].

Под актантом мы понимаем обязательный компонент, без которого предложение не самодостаточно. **Актантом (актантами)** называются те – и только те – именные компоненты предложения, которые отвечают валентностям предиката и потому строго необходимы для адекватного описания пропозиций данного типа (независимо от контекста). Любая ситуация предполагает наличие участников (партиципантов). Под партиципантами ситуации подразумеваются субъект, адресат, объект, инструмент и т.д. Содержательной структурой мы называем смысловые отношения между актантами и предикатом. К актантам относятся: 1) прямой субъект (имя существительное в именительном (т.е. в неопределенном) падеже – N_{Nom} ; 2) косвенный субъект (имя существительное в винительном и неопределенном падежах) – N_{Dat} ; 3) косвенные объекты (имена существительные в дательном, исходном и направительном падежах, имена существительные + послелог *биле*). **Сирконстантом** могут быть имена существительные в местном падеже, которые обозначают местоположение кого-то, чего-то.

Именной предикат состоит из именного компонента, выраженного словами *бар* ‘есть’, *чок* ‘нет’, *хэй* ‘много’, *эвээш* ‘мало’, *сураг* ‘еще нет’, *алага* ‘еще нет’, именем существительным в неопределенном падеже (**символ N_{Nom}**), именем существительным в местном падеже (N_{Loc} – **настоящее время**, N_{Dat} – **прошедшее время**), именем существительным с аффиксом =ныи/=нии (**притяжательное значение**) (аффикс родительного падежа =ныи//=нии с словообразовательным аффиксом =кы//=ки), именем существительным с частицами *-ла/-ле* ‘как’, ‘как будто’, *дег* ‘как’, ‘как будто’, *ышкаш* ‘как’, ‘как будто’, именем прилагательным, образованным от существительного с помощью аффикса обладания ($N=лыг/=лиг$) или качественным именем прилагательным (**символ А**), числительным (**Num**) и связками *тур=* ‘быть’, *чор=* ‘быть’, *бол=* ‘быть’, *бар=* ‘быть’, *апар=* ‘становиться’ или частицей *чүве*, выступающей в качестве связки в прошедшем времени, – **символ сор**.

В именных предложениях тувинского языка сказуемое в прошедшем времени не всегда бывает аналитическим, то есть оно может состоять как из двух компонентов (*Баглаашта аът чок турган – В привязи не было коня; Ол кежээ турган – Он был трудолюбивым*), так и из одного компонента без связки (*Ынчан кыштагга бис – Тогда мы (были) в зимовке*). Первый его компонент, знаменательный, именной, может быть выражен существительным, прилагательным, наречием или числительным. Этот именной компонент называют предикативом. Второй компонент сказуемого – служебный: это связка, лат. *copula* Связка является формальным носителем, или выразителем, функции сказуемого (предикативности). Единство предикатива и связки составляет именованное сказуемое, или предикат. В определенных случаях эта бытийная связка в прошедшем времени может отсутствовать. В бытийных и локативных предложениях прошедшее время может выражать без связки только дательный падеж. Иногда связку может заменять частица *чүве*.

Существительное с пространственным значением, обозначающее местность, населенный пункт, помещение и т.д., в дательном падеже в сочетании со словом *чүве* ‘это точно’, употребляющимся в данном случае в качестве модального слова и связки, может образовывать предложение в прошедшем времени. Такие предложения выражают место, где в прошлом происходили определенные события

(действия). Слово *чүве* ‘это точно’ вносит в предложение значение достоверности высказываемого, основанной на том, что сам говорящий был очевидцем происходивших в прошлом событий (действий).

В предложениях именного типа присутствует стивный предикат: 1) предикат существования – наличия, отсутствия; предикат обладания, владения, принадлежности; 2) квалификативный предикат (*Он врач*); 3) предикат локализации (*Дом расположен в саду*); 4) характеризующий предикат (*Он трудолюбивый*).

Именные предложения, состоящие из одного компонента, по-видимому, останутся за рамками ядерных структур. Но в список структурных схем должна войти схема с семантикой существования и наличия с предикатами ‘есть’ / ‘нет’. В тувинском языке не меняется падеж существующего, наличного объекта при отрицании. Статус третьего компонента, локализатора, еще требует уточнения.

Система именных ЭПШ содержит в себе несколько двухкомпонентных моделей (структурных схем) с тематическим подлежащим и с локализатором-ремой. Именное сказуемое выражается несколькими типами предикативов со связками. В этой роли выступают существительные разной семантики в неопределенном падеже, а также прилагательные и локализаторы местонахождения, образуя формально и содержательно противопоставленные модели.

Их можно представить символами и цепочками вопросительных местоимений.

Основные (базовые) модели

1) {N_{Loc} N_{Nom} бар_(cop)} – где кто/что есть?

Структурно-семантические варианты:

{N_{Loc} N_{Nom} бар=ы бар}

{N_{Loc} N_{Nom} бар=ы=н бар}

{N_{Loc} N_{Nom} бар=ы=н=да бар}

{N_{Loc} N_{Nom} бар эвес}

2) {N_{Loc} N_{Nom} чок_(cop)} – где кого/чего нет?

Структурно-семантические варианты:

{N_{Loc} N_{Nom} чоґ=ул}

{N_{Loc} N_{Nom} чоґ=ул=у}

{N_{Loc} N_{Nom} чоґ=ул=дур}

{N_{Loc} N_{Nom} чоґ=ул=ду}

{N_{Loc} N_{Nom} чок=тур}

{N_{Loc} N_{Nom} чоґ=уйн}

{N_{Loc} N_{Nom} чоґ=у=н=да чок}

{N_{Loc} N_{Nom} чок эвес}

3) {N_{Loc} N_{Nom} хөй / эвээш_(cop)} – где кого/чего много/мало?

4) {(N_{Gen}) N_{Nom} NUM_(cop)} – кто/что сколько?

5) {N_{Nom} N_{Loc}_(cop)} – кто/что где находится?

Структурно-семантические варианты:

{N_{Loc} N_{Nom}} – где кто/что находится?

{N_{Nom} N_{loc} ол / бо} – где кто/что находится?

{N_{Nom} N_{Loc/Dat} хевээр_(cop)}

6) {N_{Nom} сураґ_(cop)} – до сих пор кого/чего нет?

- 7) {N_{Nom} алага (cop) –до сих пор кого/чего нет?
- 8) {N_{Nom} N_{Nom} (cop)} – кто-что - кто/что есть есть?
Структурно-семантический вариант:
 {N_{Nom} N_{Nom} хевээр (cop)} – кто-что остается кем/чем?
- 9) {N_{Nom} А (cop)} – кто каков?
Структурно-семантические варианты:
 {N_{Nom} А N_{Nom} (cop)} – кто какой человек, друг и т.д.
 {N_{Nom} N_{Gen} бирээзи (cop)} – кто или что один из кого/чего?
 {N_{Nom} А N_{Gen} бирээзи (cop)} – кто или что один из каких людей?
 {N_{Gen} N_{Nom} Adv (cop)} – кто каков?
 {N_{Nom} А=POSS/3Sg А} – кто каков?
 {N_{Nom} А хевээр (cop) – кто остается таковым?
- 10) {N^{Rel}_{Nom} N_{Gen} N^{Rel}_{Nom} (cop)} – кто чей родственник, друг и т.д.
Структурный вариант:
 {N^{Rel}_{Nom} N_{Gen} (cop) (чүве)}
- 11) {N_{Nom} N_{Dat} N_{Nom} (cop)} – кто кому кем будет?
- 12) {N_{Nom} N=лыг (cop)} – кто/что что-то имеет?
- 13) {N_{Nom} N=ныы (cop)} – кто/что чьими будут?
- 14) {N_{Gen} N_{Nom} бар (cop)} / {(N_{Gen}) N_{Nom}// бар (cop)} – что у кого есть?
- 15) {N_{Dat} Adj (cop)} – кому каково?
- 16) {N_{Nom} N_{Dat} Adj (cop)} – кто кому/чему каков?
- 17) {N_{Nom} N_{Abl} А (cop)} – кто/что каков от кого/чего?
- 18) {N_{Dat} N_{Nom} херек (cop)} – кому/чему что нужно?
- 19) {N_{Nom} N_{Abl} А (cop)} – кто лучше/хуже кого/чего?
- 20) {N_{Dat} N_{Nom} дөмей (cop)} / {N_{Dat} N_{Nom} дөмей (cop) N_{Nom}} – кто как кто?
- 21) {N_{Dat} N_{Nom} N_{Nom} биле дөмей (cop)} - кто как кто?
- 22) {N_{Nom} N_{Dat} N_{Abl} А (cop)} – кто хуже кого? кто лучше кого?
- 23) {N_{Nom} N-ла/-на}/ {N_{Nom} дээрге N-ла/-на} – кто как что?
- 24) {N_{Nom} N дег / ышкаш (cop)} – кто/что как кто/что?
- 25) {N_{Nom} N олчаан (cop)} – кто/что как кто/что?
- 26) {N_{Nom} N ояар (cop)} – кто/что как кто/что?
- 27) {N_{Nom} N_{Abl} (cop)} – что имеет какую величину?
- 28) {N_{Nom} N_{Abl} (cop)} – что из чего сделано?

Фразеологизированные модели

- 1) {N_{Loc} N_{Nom} фразеологизм} – где кого/чего сколько?
- 2) {N_{Loc} N_{Nom} чеже/кандыг чогул} – где кого/чего нет?
- 3) {N_{Loc} N_{Nom} кайда боор /кайда ийик /кайдал} – где что отсутствует?
- 4) {N_{Nom} кай баар} – кто /что никуда не денется?
- 5) {N_{Nom} N_{Nom} болуру кай} – кто кем был бы?
- 6) {N_{Nom} А болуру кай} - кто каким был бы?
- 7) {N_{Nom} N_{Nom} болбайн канчаар} – кто кем был бы?

Другой пример синонимических отношений – это предложения с семантикой (родственных) отношений, в которых устанавливается отношение родства или свойства между двумя субъектами-релятами.

Модели со значением отношения, обладания:

$\{N_{Nom}^{Rel} N_{Gen} N_{Nom}^{Rel} (cop)\}$, $\{N_{Nom} N_{=ны} (cop)\}$, $\{N_{Nom} N_{Dat} N_{Nom} (cop)\}$, $\{N_{Nom} N_{=лыг} (cop)\}$

Модели со значением сравнения:

$\{N_{Nom} N_{-ла/-на}\} / \{N_{Nom} дээрге N_{-ла/-на}\}$ – кто как что?

$\{N_{Nom} N_{дег} / ышкаш (cop)\}$ – кто как что?

$\{N_{Dat} N_{Nom} дөмей (cop)\} / \{N_{Dat} N_{Nom} дөмей (cop) N_{Nom}\}$ – кто как кто?

$\{N_{Dat} N_{Nom} N_{Nom} - биле дөмей (cop)\}$ – кто как кто?

$\{N_{Nom} N_{Dat} N_{Abl} A (cop)\}$ – кто хуже кого? кто лучше кого?

$\{N_{Nom} N_{-ла/-на}\} / \{N_{Nom} дээрге N_{-ла/-на}\}$ – кто как что?

$\{N_{Nom} N_{дег} / ышкаш (cop)\}$ – кто/что как кто/что?

$\{N_{Nom} N_{олчаан} (cop)\}$ – кто/что как кто/что?

$\{N_{Nom} N_{ояар} (cop)\}$ – кто/что как кто/что?

$\{N_{Nom} N_{Abl} (cop)\}$ – что имеет какую величину?

Здесь прилагательные в системе простого предложения не склоняются, связочные имена (предикативы) выступают только в форме неопределенного (именительного) – творительного предикативного здесь нет. Единичны в тюркских языках Южной Сибири и безличные предложения типа: *Светаёт, Сегодня подморозило*. Валентностная структура предложений с именным сказуемым существенно иная, чем у глагольных предложений. Имена не имеют собственных валентностей. Отношения между именным предикатом и именем субъекта (подлежащим) определяются другими закономерностями. С этой точки зрения существенно, что имя, попадая в позицию предиката, закономерно приобретает семантику предикативного признака, за ним усматривается не конкретное лицо или предмет, но общая категория; если это существительное, то признак предстает как *род*, как широкое *понятие*, в которое вписывается данный отдельный предмет или данное более узкое понятие, представленное подлежащим. Например:

Аян башкы.

Аян=Ø башкы=Ø

Аян=NOM учитель=NOM

Аян – учитель.

Предикат-имя отношения иногда открывает дополнительные валентности, поскольку отношения всегда существуют между как минимум двумя субъектами или объектами. Например:

Алдын-кыс бистиң хеймер кызывыс-тыр.

Алдын-кыс=Ø бис=тиң хеймер кыз=ывыс-тыр

Алдын-кыс=NOM мы=GEN младшая дочка=POSS/1PI=NOM=PTCL

Алдын-кыс – наша младшая дочка.

В качестве имен отношений выступают, например, термины родства, которые обязательно требуют при себе своеобразного актанта «определителя» в родительном падеже. В отличие от существительных, *прилагательные* «высвечивают» какой-то определенный признак, который приписывается лицу или предмету, названному подлежащим. Например:

Буян шилгедек (Кудажы, У, 78).

Буян=∅ шилгедек

Буян=NOM стройный

Буян стройный.

Галя чазык.

Галя=∅ чазык

Галя=NOM приветливая.

Галя приветливая.

В роли именных предикатов могут выступать также косвенные падежные, падежно-послеложные формы имен и сочетания имен существительных со служебными именами, а также наречия места. Такие предикаты характерны для моделей, описывающих местонахождение предметов и лиц. Например:

Авам бажыңда.

Ава=м=∅ бажың=да

Мама=POSS/1Sg=NOM дом=LOC

Мама дома.

Бызаа кажжаа чанын=да.

Бызаа=∅ кажжаа=∅ чаны=н=да

Теленок=NOM кошара=NOM окраина=LOC

Теленок около кошары.

Особое место в системе именных предикатов занимают предикаты *наличия, отсутствия и количества*, предцизируемые именам объектов, пребывающих или существующих где-то, в некотором пространстве. Такие предикаты – *бар, чок, хөй, эвээш* и др. Например:

Менде ном бар.

Мен=де ном=∅ бар

Я=LOC книга=NOM есть

У меня есть книга.

В конструкциях исследуемого типа представлены следующие типы семантического предиката: а) предикат наличия; б) предикаты отсутствия; в) предикаты количественной характеристики; г) предикаты местонахождения; д) классификационные предикаты; е) предикаты-имена отношения; ж) предикаты качественной характеристики. В исследованных предложениях с предикатами, выраженными именами наличия / отсутствия / количественной характеристики, в качестве актантов регулярно выступают *субъект* и *актант-локализатор*.

Сфера именных моделей представляет большой интерес для исследователя. Она изучена недостаточно. Остаются открытыми вопросы об инвентаре этих моделей, об их примерном количестве и качестве, о большем или меньшем соответствии именных моделей в разных родственных языках. Эта сфера в целом труднообозрима в силу своей сложности и отсутствия четких критериев, позволяющих разграничить разные модели и их варианты. Это, во-первых, микросистема моделей с семантикой наличия, отсутствия и количественной характеристики предметов, находящихся в определенном месте, которым, как будет показано,

структурно и семантически противостоят модели местонахождения (пребывания) кого-то/чего-то где-то; во-вторых, микросистема моделей вхождения индивида и вида в более широкий класс (род) и характеристики объекта, приписывания ему определенных признаков; в-третьих, микросистема моделей реляционной семантики и микросистема моделей сравнения.

По мере возможности прослеживается характерное варьирование каждой модели и системные отношения между разными моделями и их вариантами. К сопоставлению будут привлекаться и некоторые модели из других, «смежных» микросистем.

В каждом языке все модели предложений представляют собою единую, причем исключительно *гибкую систему*. Доказательством этому является то, что эта система позволяет нам свободно говорить обо всем, с чем мы соприкасаемся, выражать любые свои мысли. Такая гибкость, свойственная и единицам словаря, обеспечивается тем, что языковые единицы, оставаясь тождественными самим себе, подвержены в то же время свободному и разностороннему варьированию.

Мы рассматриваем следующие *модели* и их *варианты*:

бытийные:

$\{N_{Loc} N_{Nom} \text{ бар } (cop)\} / \{N_{Loc} N_{Nom}\}$.

$\{N_{Loc} N_{Nom} \text{ чок } (cop)\} / \{N_{Nom} N_{Loc} \text{ чок } (cop)\}$.

$\{N_{Loc} N_{Nom} \text{ хэй } (cop)\}$.

$\{N_{Nom} \text{ сураг } (cop)\} / \{N_{Nom} \text{ алага } (cop)\}$.

локальные:

$\{N_{Nom} N_{Loc} (cop)\}$.

характеризующие:

$\{N_{Nom} N_{Nom} (cop)\} / \{N_{Nom} N_{Gen} \text{ бирээзи } (cop)\}$.

$\{N_{Nom} A (cop)\} / \{N_{Nom} A N_{Nom} (cop)\}, \{N_{Nom} A N_{Gen} \text{ бирээзи } (cop)\}, \{N_{Gen} N_{Nom} Adv (cop)\}$.

К сопоставлению привлекаются также *синонимичные модели*:

$\{N_{Nom} N=\text{ЛЫГ } (cop)\}$.

$\{N_{Gen} N_{Nom} \text{ бар } (cop)\} / \{(N_{Gen}) N_{Nom} // \text{ бар } (cop)\}$.

$\{N_{Nom} N=\text{НЫЫ } (cop)\}$.

Эти модели варьируют и в плане выражения, и в плане содержания. Они противопоставлены друг другу по типам парадигматического и семантического варьирования.

Одному предложению как единице языка может соответствовать бесконечное множество конкретных речевых построений. Вопрос о варьировании моделей предложения непосредственно связан с понятием парадигмы предложения. Единого понимания парадигмы среди исследователей нет.

Учение Н.Ю. Шведовой о парадигме основано на следующих положениях: грамматическим значением предложения является предикативность, то есть комплекс модально-временных значений; предикативность существует в виде ряда частных значений – модальных и временных; частные модально-временные значения выражаются определенными видоизменениями формальной организации предложения. Эти видоизменения называются формами предложения, которые и образуют парадигму [Шведова 1973: 30].

Носителем модально-временных значений в предложении выступает глагол, таким образом, парадигма предложения приравнивается к парадигме глагола. В.А. Белошапкова включает в **парадигму** не только видоизменения собственно структурной схемы, но и (при широком понимании парадигмы) преобразования ее в схемы других синтаксических единиц при сохранении лексического наполнения [Белошапкова 1977].

М.И. Черемисина попыталась разрешить проблему варьирования. Она пишет, что модели варьируют в плане содержания. «Так, в плане выражения необходимый предметный член предложения может выражаться формами разных падежей», а в плане содержания варьирование связано «с категориально-лексическим наполнением той или иной предметной позиции, в частности – с тем, занимает ли ее личное имя, предметное или географическое понятие» [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 7].

Таким образом, соотношение понятий *модель / вариант* очевидно и легко определяемо. Но есть случаи, когда сложно определить статус той или иной модели (является ли она самостоятельной или лишь вариантом какой-то модели). В таком случае, возможно, следует говорить о гипермодели, которая объединяет модели, не лишая их статуса самостоятельных моделей.

При описании моделей и их вариантов в данной работе мы будем придерживаться концепции новосибирской синтаксической школы. В *плане выражения* мы выделяем такие типы варьирования, как *парадигматическое* и *структурное*. *Парадигматическое варьирование* модели определяется синтаксическими категориями, такими как лицо, число, время, модальность, экспрессия. Например:

Намзырай кончуг кежээ кижиги.

Намзырай=∅ кончуг кежээ кижиги=∅

Намзырай=NOM очень работающий человек=NOM

Намзырай – очень работающий человек (это точно; я знаю).

Персональные, темпоральные, аспектуальные, модальные и некоторые другие грамматические характеристики на уровне модели предстают как свободные переменные: они свободно меняются в рамках одной и той же модели.

«В идеале» предикативный узел и должен мыслиться как двучленный, хотя на деле это не всегда бывает так. В тувинском языке, в отличие от других тюркских языков Южной Сибири, в локально-бытийных предложениях в зависимости от времени меняется *падеж локализатора*; в этих предложениях при прошедшем и будущем времени появляется связка *тур=*; в прошедшем времени связка *тур=* в формах на *=ган и =ды*; прошедшее время может передаваться формой дательного падежа локализатора в предложении без связки. Форма N_{Loc} делает употребление связки в прошедшем времени не обязательным.

Структурное варьирование моделей наличия определяется следующими модификациями: наличие / отсутствие предиката *бар* – вариант без *бар* стилистически ограничен художественной литературой, например:

Суур мурнунда дүдүскектиг ногаан хову (Чамыян, ЧХ, 10).

Суур=∅ мурну=н=да дүдүскек=тиг ногаан хову=∅

Село=NOM перед марева=POSSV зеленая степь=NOM

Перед селом марева.

Наличие / отсутствие слов-подставок типа *кижи* ‘человек’: вариант со словами типа *кижи* передает модально-стилистический оттенок. Например:

Буян дедир кижги (Кудажы, УХ, мт, 62).

Буян=∅ дедир кижги=∅

Буян=NOM упрямый человек=NOM

Буян – упрямый человек (это точно; я знаю).

Наличие/отсутствие локализатора: вариант без локализатора употребляется в определенных конситуациях. Например:

Көжегени дүжүрүп каан – авам чогулу (Сарыг-оол, АТ, 90)

Көжеге=ни дүжүр=үп ка=ан ава=м чогулу

Штора=ACC спускать=CV AUX=PP мама=POSS/1Sg=NOM нету

Штору убрали – мамы нету.

Из контекста легко восстанавливается локализатор – N_{Loc}.

Варьирование в *плане содержания* связано с категориально-лексическим наполнением, в частности с тем, занимает ли позицию локализатора слово, обозначающее *лицо* или *предмет*:

– если в качестве локализатора выступает слово с пространственным значением (в том числе, географическое понятие), модель выражает наличие, местонахождение; если позицию локализатора занимает слово, обозначающее лицо – обладание. Например:

Улуг-Хем кыдыында бажы муңгаш дамырак суглар бар (Аракчаа, ЭК, 6).

Улуг-Хем кыды=ын=да баж=ы

Улуг-Хем=NOM около=POSS/3Sg=LOC начало=POSS/3Sg=NOM

муңгаш дамырак суг=лар=∅ бар

закрытый ручей=Pl=NOM вода=Pl=NOM есть

Около Улуг-Хема есть ручьи, у которых начало закрытое.

Менде чараш аржыыл бар.

Мен=де чараш аржыыл=∅ бар

Я=LOC красивый платок=NOM есть

У меня есть красивый платок.

Аалдар күзеглеринде (Сарыг-оол, АТ, 123).

Аал=дар=∅ күзег=лери=н=де

Аал=Pl=NOM осеннее.стойбище=Pl=POSS/3Sg=LOC

Аалы на осенних стойбищах.

Угбам суг чылгыда.

Угба=м=∅ суг чылгы=да

Сестра=POSS/1Sg=NOM PTCL табун=LOC

Сестра со своей семьей в табунах.

Бараан-сараан менде, мал-маган менде (Сүрүн-оол, 2 т, 38).

Бараан-сараан=∅ мен=де мал-маган=∅ мен=де

Товар=NOM я=LOC скот=NOM я=LOC

И товары у меня, и скот у меня.

Эти аспекты варьирования достаточно часто оказываются взаимосвязаны, и именно тогда, когда мы фиксируем эту связь как закономерную, варьирование приобретает особую значимость. Как и другие знаки, модель предложения по необходимости вариативна. Мы различаем виды варьирования моделей предложения. Каждая модель может иметь структурно-семантические, структурные, экспрессивные варианты. Такие варианты могут создаваться с помощью аналитической формы предиката, с помощью оформленности или неформленности падежей прямого объекта, посредством использования в конце предложения местоимений *ол* 'он', *бо* 'он, этот', с помощью присоединения частицы *эвес* 'не' к предикату. Например, модель {N_{Loc} N_{Nom} **бар** (cop)} имеет **следующие структурно-семантические варианты, образованные повторением предиката**: {N_{Loc} N_{Nom} бары бар} {N_{Loc} N_{Nom} барын бар} {N_{Loc} N_{Nom} барында бар}. Данные варианты интересны тем, что они употребляются только в настоящем времени. Эта модель способна к некоторому грамматическому и стилистическому варьированию, связанному с модификациями ее предиката, представленного в схеме как *бар*. **Структурно-семантический вариант модели** {N_{Loc} N_{Nom} чок (cop)} имеет один вариант: {N_{Loc} N_{Nom} чогулда чок}. Данный вариант тоже употребляется только в настоящем времени. Слово *бар*, будучи сказуемым, может присоединять к себе отрицательную частицу *эвес* 'не', соответственно, *чок эвес*. В этом случае данная модель может иметь **структурно-семантические варианты** {N_{Loc} N_{Nom} бар эвес}, {N_{Loc} N_{Nom} чок эвес}. Они также употребляются только в настоящем времени.

Сочетания *чог=ул* с местоимениями *чеже-чеже* 'сколько-сколько', *кандыг-кандыг* 'какой' представляют собой структурно-семантический (**экспрессивный**) вариант предиката отсутствия со значением 'чего только нет': {N_{Loc} N_{Nom} чеже/кандыг чогул}. В локальной модели {N_{Nom} N_{Loc} (cop)} предложения, завершающиеся словами *бо*, *ол* и их формами, создают отдельно как один из самостоятельных типов экспрессивных предложений: структурно-семантический (**экспрессивный**) вариант модели {N_{Nom} N_{Loc} ол/бо (cop)}.

Следующий вид варьирования связан с вариативностью грамматической (падежной) формы одного из актантов, что также влечет за собой некоторое изменение в представлении о ситуации, но не меняет основного смысла данной модели. Некоторые варианты моделей связаны с появлением и устранением некоторого предметного участника ситуации (соответствующей позиции в модели), что влечет за собой изменение некоторого оттенка в описании ситуации, оставляя неизменной основную синтаксическую семантику модели.

Благодаря разнообразному варьированию модели обозначают тонкие семантические оттенки, предоставляя говорящим разнообразные средства для выражения мысли и чувства. Варьирование моделей предложения в обоих планах, – и в плане выражения, и в плане содержания, – важная теоретическая проблема синтаксиса. Синтаксическое описание призвано показать, что в модели может меняться без нарушения ее тождества самой себе. Ни разнообразие лексического наполнения, ни формы сказуемого, – личные, временные, аспектуальные, модальные, – никак не отражаются на структуре модели.

Важно, таким образом, определить те теоретические рамки, в которых мы имеем право говорить о варьировании моделей. Обязательным условием варьирования должно быть сохранение неизменной структуры предикативного центра

и основной синтаксической семантики, т.е. семантической схемы ситуации, распределения ролей между ее участниками.

У разных моделей предложения диапазон варьирования свой; у глагольных моделей он обычно шире, чем у именных. Однако общие принципы варьирования относительно единообразны. Поэтому в общем синтаксическом описании языка важно показать эти принципы на небольшом числе наиболее вариативных моделей, а затем лишь коротко указать существенные особенности и ограничения в сфере варьирования остальных моделей. Например:

Чорук кижизинге сериин чүве тур (деп чоруй берзектенип челип олуруп тур)
(Тыва тоолдар).

Чорук=Ø кижизинге=зи=н=ге сериин чүве тур
Поездка=NOM человек=POSS/3Sg=DAT прохладно MODPTCL AUX
де=п чор=уй берзектен=ип чел=ип олу=уп тур
сказать=CV AUX=CV спустить.один.рукав=CV скакать=CV AUX=CV AUX
Путнику прохладно ведь – (он) так сказав, поскакал, спустив один рукав.

Тайгада сериин (Донгак, ЭХ).

Тайга=да сериин
Тайга=LOC прохладно
В тайге прохладно.

Парадигмы предложений (моделей) должны строиться с двух сторон: теоретически – путем анализа и выявления синтаксических категорий, способных организовать парадигму, и эмпирически – путем анализа реального грамматического варьирования отдельных моделей. Опыт работы с языками Сибири уже показал, как различны эти возможности у разных моделей; не все модели имеют императив, не все варьируют во времени, есть и другие ограничения [Черемисина 1997: 56].

Отношения модель:вариант в большинстве случаев представляются если не очевидными, то довольно прозрачными и доказуемыми. Однако немало встречается и таких случаев, когда вопрос о критериях оценки двух или более форм под этим углом зрения остается спорным. И здесь возможно несколько случаев, из которых мы хотели бы задержаться на одном.

Возможны такие случаи, когда в языке есть несколько моделей, четко противопоставленных друг другу по общему смыслу и по характеру предиката, и каждая из этих моделей имеет свои формальные и содержательные варианты. В то же время различающие их значения объединяются в некоторой более широкой категории. В таком случае мы считаем возможным использовать понятие гипермодели, которое объединит эти модели, не лишая их тем не менее статуса моделей, а не вариантов модели.

Гипермодель {N_{Loc} N_{Nom} бар/чок/хөй_(cop)} объединяет следующие основные модели:

{N_{Loc} N_{Nom} бар_(cop)}.
{N_{Loc} N_{Nom} чок_(cop)}.
{N_{Loc} N_{Nom} хөй_(cop)}.

Одно из проявлений системности в сфере моделей предложения заключается в том, что модели, четко противопоставленные друг другу в своих основных формах и значениях, могут давать функционально близкие варианты, в том числе и синонимичные (квазисинонимичные). Например, с предложениями наличия по смыслу близко смыкаются:

– предложения с семантикой обладания, которые не всегда легко разграничить:

$\{N_{Nom} N_{Nom}=лыг (cop)\}$:

Ирей-кадай=Ø суур=да бажың=ныг

Старик=NOM деревня=LOC дом=POSSV

Старик со своей женой в деревне имеют дом.

Ол тайга кончуг сырый, муңгаш эзимниг (ЧТ, 21).

Ол тайга=Ø кончуг сырый муңгаш эзим=ниг

Та тайга=NOM густой непроходимый закрытый лес=POSSV

Та тайга имеет густой, непроходимый лес.

– предложения, где субъект выражен изафетной конструкцией: $\{N_{Gen} // (N_{Nom}) бар (cop)\}$. Например:

Кожайыңның боозу бар ышкажык (Сүрүң-оол, 11).

Кожай=ың=ның боо=зу=Ø бар ышкажык

Хозяин=POSS/2Sg=GEN ружье=POSS/3Sg=NOM есть MODPTCL

У твоего хозяина есть же свое ружье.

С моделями $\{N_{Nom} N_{Nom} (cop)\}$, $\{N_{Nom} A\}$ системно связаны две модели: $\{N_{Gen} N_{Nom} Adv (cop)\}$, $\{N_{Nom} N бирээзи (cop)\}$. К модели $\{N_{Nom} A (cop)\}$ примыкает по семантике модель $\{N_{Gen} N_{Nom} Adv (cop)\}$ со значением качественной характеристики. Эта модель выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего к высказываемому. В качестве предиката выступают наречия степени. Например:

Деге-Салдың ажылгыры кончуг (Донгак, ХД, 8).

Деге-Сал=дын ажылгыр=ы кончуг

Деге-Сал=GEN работоспособность=POSS/3Sg=NOM очень

Деге-Сал очень работоспособный.

К модели $\{N_{Nom} N_{Nom} (cop)\}$ примыкает модель со значением избирательности (один из тех водителей, один из тех выпускников и др.) $N_{Nom} N_{Gen} бирээзи (cop)\}$. Во всех предложениях этой модели в конечной позиции употребляется слово *бирээзи* ‘один из них’. Например:

Өнер-оол совхозтуң дуржулгалыг механизаторларның бирээзи (Тирчин, К).

Өнер-оол=Ø совхоз=туң дуржулга=лыг

Өнер-оол=NOM совхоз=GEN опыт=POSSV

механизатор=лар=ның бирээ=зи

механизатор=PL=GEN один=POSS/3Sg=NOM

Өнер-оол – один из опытных механизаторов в колхозе.

Система моделей в целом, даже при относительно небольшом числе – несколько десятков – *моделей-инвариантов*, в силу их вариативности оказывает-

ся очень богатой и сложно организованной. Как и всякая система, она состоит из подсистем. Самыми крупными подсистемами являются, с одной стороны, подсистема моделей, конструктивными вершинами которых являются глаголы, с другой – модели, формируемые именными сказуемыми. Каждая из этих больших подсистем распадается далее на более мелкие подсистемы, *микросистемы*. Единица каждой системы и подсистемы, отдельная модель, в свою очередь представляет собою систему, в которой взаимосвязаны и противопоставлены друг другу ее варианты. Именно это свойство делает предложение коммуникативной единицей, т.е. единицей общения.

Сокращения

- 1 – первое лицо
- 2 – второе лицо
- 3 – третье лицо
- ACC – винительный падеж
- Adj – имя прилагательное
- AUX – вспомогательный глагол
- Сop – связка
- CV – деепричастие
- LOC – местный падеж
- MODPTCL – модальная частица
- N – имя существительное
- N_{Abi} – имя существительное в исходном падеже
- N_{Dat} – имя существительное в дательном падеже
- N_{Gen} – имя существительное в родительном падеже
- N_{Loc} – имя существительное в местном падеже
- N_{NOM} – имя существительное в именительном падеже
- NOM – именительный падеж
- GEN – родительный падеж
- Num – имя числительное
- PL – множественное число
- Rel – релянт
- Sg – единственное число
- POSS – лично-притяжательный аффикс
- POSSV – имя прилагательное со значением обладания
- PP – причастие прошедшего времени
- PTCL – частица

Литература

- Арват 1973 – *Арват Н.Н.* Об изучении семантических функций членов предложения // Проблемы теории членов предложения. Кишинев, 1973. С. 3–10. {*N.N. Arvat. On the studies in the field of the sematical functions of the members of sentences // Problems of the Theory of the Members of Sentence. Kishinev (now: Chişinău), 1973. PP. 3–10.*}
- Белошапкова 1977 – *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977. {*V.A. Beloshapkova. The Modern Russian Language. The Syntax. Moscow, 1977.*}
- Скрибник Черемисина 1996 – *Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М.И.* Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 1996. {*N.Ch. Sereedar, Ye.K. Skribnik, M.I. Cheremisina. The structural-semantic organization of the sentences of existence, localization, quantity, and absence in the Turkic languages of the Southern Siberia. Novosibirsk, 1996.*}

- Черемисина 1997 – *Черемисина М. И.* Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 4. С. 56–61. {*M.I. Cheremisina. The Research of Elementary Simple Sentences in the Turkic Languages of the Southern Siberia // The Humanities in Siberia. 1997. No. 4. PP. 56–61.*}
- Скрибник 1996 – *Черемисина М.И., Скрибник Е.К.* О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 4. С. 46–57. {*M.I. Cheremisina, Ye.K. Skribnik. On the System of the Elementary Simple Sentence Models in the Languages of Siberia // The Humanities in Siberia. 1996. No. 4. PP. 46–57.*}
- Шведова 1973 – *Шведова Н. Ю.* Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопросы языкознания. 1973. № 4. С. 25–36. {*N.Yu. Shvedova. The Questionable Aspects of Description of the Structural Schemes of the Simple Sentence and its Paradigms. // The Questions of Linguistics. 1973. No. 4. PP. 25–36.*}

THE NOMINATIVE MODELS OF ELEMENTARY SIMPLE SENTENCES IN THE TUVAN LANGUAGE

N.Ch. Sereedar

Kyzyl

Summary: The elementary simple sentences with nominative models in the Tuvan language consist of several subdivisions of models: existential or informing about the sense of existence (presence, quantity, absence), local (place), describing, denoting different features of an object (as well as including an object in a wider generic term), and the models of relation (relative, comparative), the models of possession. We distinct between different types of variability of the syntactic models, described here. Every model can have structural-semantic, structural, and expressive variants.

Keywords: the Tuvan language, the elementary simple sentence, model, structural scheme, paradigm, proposition, structural variant, semantic variant.

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (ЭСБЯ)

Ф.Г. Хисамитдинова

г. Уфа

Резюме: В 2018 г. башкирские языковеды завершили подготовку и издание «Академического словаря башкирского языка» (АСБЯ) в 10 томах и приступили к разработке «Этимологического словаря башкирского языка» (ЭСБЯ) в 3 томах. Нами в 2018 г. была разработана инструкция и составлен словник ЭСБЯ. Настоящая статья представляет собой краткое изложение основных положений инструкции по составлению этимологического словаря башкирского языка. В статье представлены цели и задачи, структура и словник словаря, описаны источники и материалы для его составления, указаны особенности словарных статей. Особое внимание уделено особенностям подачи исконной и заимствованной лексики. В статье также даны схемы словарных статей и образцы этимологизации.

Ключевые слова: этимологический словарь, башкирский язык, словник, словарная статья, заглавное слово

В 2018 г. в ИИЯЛ УФИЦ РАН завершилась работа над проектом «Академический словарь башкирского языка»: был издан последний 10-й том. Завершение данного словаря, охватывающего лексику не только литературного башкирского языка, но и других его подсистем (диалектизмы, историзмы, архаизмы, неологизмы и заимствования), являющегося толково-переводным с включением отдельных этимологий, позволило поставить перед языковедами республики амбициозную задачу – подготовку и издание «Этимологического словаря башкирского языка» (далее ЭСБЯ).

Следует отметить, что в этом направлении языковедами республики в последние годы сделано довольно много. Кроме вышеупомянутого АСБЯ, лингвистами ИИЯЛ и вузов подготовлено множество статей, монографий, словарей, содержащих этимологические изыскания по некоторым конкретным лексемам и грамматическим формам. В первую очередь, безусловно, следует отметить этимологические работы Т.М. Гарипова, изданные в 2007 и 2009 гг. (последняя работа выполнена в соавторстве с Ш.В. Нафиковым) в виде небольших брошюр под названием «Историко-этимологический словарь башкирского языка» (далее ИЭСБЯ). Как отмечает Т.М. Гарипов, «словарь являет собой первый опыт в этимологизации башкирских корнеслов-моносиллабов, насчитывающий свыше 1300 лексикографических статей и более 3800 реестровых слов» [ИЭСБЯ 2007: 4].

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – доктор филологических наук, проф., член-корр. АН РБ, зав. отделом языкознания, научный руководитель ИИЯЛ УФИЦ РАН; e-mail: hisamitdinova@list.ru

К сожалению, работа над ИЭСБЯ в силу объективных причин в последние годы практически не имела продолжения. Этимологические изыскания на материале башкирского языка, кроме работ Т.М. Гарипова, нашли отражение в отдельных трудах Дж.Г. Киекбаева, Т.Г. Баишева, А.Г. Биешева, Н.Х. Ишбулатова, Н.Х. Максютовой, С.Ф. Миржановой, З.Г. Ураксина, А.А. Камалова, Р.З. Шакурова, Ф.Г. Хисамитдиновой, Ш.В. Нафикова, М.Г. Усмановой, венгерских тюркологов Й. Тормы, И.К. Мандоки, а также таких молодых исследователей, как Г.Х. Бухарова, З.Ф. Шайхисламова, Г.Н. Ягафарова и др. [Киекбаев 2002; Баишев 2006; Бишев 1963; Ишбулатов 1979; Максютова 1976; Миржанова 1979, 1991; Ураксин 1975; Камалов 1997, Камалов и др. 2002; Шәкүров 1993; Хисамитдинова 1986, 2006, 2010; Нафиков 2003; Торма 1987; Бухарова 2006; Шайхисламова 2009; Ягафарова 2016].

В последние годы в этимологические разыскания башкирских языковедов определенный вклад вносят разработчики Машинного фонда (<http://mfb12.ru/>) и Национального корпуса башкирского языка (<http://bashcorpus.ru/>). Введение ими в научный оборот огромного объема лексического материала, относящегося как к древнейшей, так и к более поздним эпохам, как к разговорному, так и к письменному языку, как к исконной, так и к заимствованной лексике, вне всякого сомнения, способствует успешному решению задач по разработке этимологического словаря.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что в башкирском языкознании разработка этимологического словаря является не только насущной, но и назревшей задачей. Как уже отмечалось выше, создана определенная база, введены в научный оборот источники, разработана методика. Имеются квалифицированные кадры не только в ИИЯЛ, но и в вузах Республики Башкортостан. Ко всему этому следует добавить и то, что в последние десятилетия активизировались этимологические исследования как в центральных, так и региональных тюркологических центрах. В результате увидели свет крупные этимологические словари, монографии, статьи, которые, безусловно, составят как методическую, так и методологическую базу ЭСБЯ. В первую очередь, конечно, следует отметить многотомный «Этимологический словарь тюркских языков» Э.В. Севортяна и его коллег и однотомник «Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков» А.В. Дыбо, изданный как дополнительный 9-й том ЭСТЯ в Астане в 2013 г. [Севортян 1974–1980, 1989, 1997, 2000, 2003; Дыбо 2013]. Данные словари составлены с учетом результатов этимологических исследований предыдущих поколений тюркологов, что в определенной степени облегчает башкирским лексикографам работу с литературой.

Кроме вышеперечисленных словарей, следует отметить словари по этимологии конкретных тюркских языков, а именно *чувашского* (В.Г. Егорова и М.Р. Федотова), *якутского* (П. Г. Попова), *татарского* (Р.Г. Ахметьянова), *тувинского* (Б.И. Татаринцева), *турецкого* (Т. Гуленсоя, Х. Эрена и А. Титце) и др., а также исследования И.В. Кормушина, Д.М. Насилова, А.Т. Кайдарова, Е.З. Кажибекова, А.Г. Шайхулова, И.А. Абдувалиева и, конечно, авторов IV и VI томов СИГТЯ. [Егоров 1964; Федотов 1996; Попов 2003; Ахметьянов 2015; Татаринцев 2008, 2009; Кормушин 2010; Кайдар 2005; Кажибеков 1986; Абдувалиев 2017; ДТС; СИГТЯ 1997, 2006]. Вышеупомянутые словари и исследования представляют собой надежную базу для дальнейших этимологических изысканий в тюркологии.

Следует отметить, что в целом лингвистическая наука созрела для этимологических исследований. Созданы крупные работы по этимологии русского, осетинского, коми, чукотско-камчатских, енисейских, иранских и др. языков, которые составляют методическую и методологическую базу для дальнейших исследований.

Целью этимологического словаря является этимологический анализ лексики современного башкирского языка. Основное внимание в работе будет уделяться исконной лексике, которая, кроме башкирского, встречается во всех тюркских языках, т. е. общетюркским основам и корням. Для этого будет использоваться сравнительно-сопоставительный материал из родственных и неродственных языков. Важное место в ЭСБЯ будут занимать башкирские лексемы, имеющие параллели в отдельных группах тюркских языков, т. е. межтюркские основы или корни, а также производные образования от них. Особое внимание в словаре будет уделено собственно башкирской лексике, не встречающейся в других тюркских языках. Для этого, наряду со словарями общенародного языка, будут активно привлекаться материалы башкирских диалектов. Таким образом, в ЭСБЯ главной задачей является выяснение происхождения и родства исконно тюркской и собственно башкирской лексики. Исходя из главной задачи, в словаре предполагается по мере возможности решить следующие конкретные задачи:

- установление первичной структуры слова (его производного или непроизводного характера);
- в отношении исконных слов – восстановление праформы и первичной семантики; для лексем, возникших от данного корня в более позднее время, достаточно установления словообразовательной модели;
- в отношении заимствованных слов – определение языка-источника и установление этимона с учетом по мере возможности хронологии заимствования и соответствующих фонетических закономерностей;
- прослеживание пути развития слова (включая его диалектные варианты) в отношении звуковой формы и значения.

Постановка и решение такой сложной задачи обусловлена как сугубо лингвистическими, так и общекультурными причинами. Во-первых, выяснение исторического прошлого слов, их семантических и словообразовательных отношений послужит основанием для решения семасиологических, орфографических, стилистических и других актуальных вопросов современного башкирского языкознания. Специалистам по другим тюркским языкам этимологический словарь башкирского языка поможет в выяснении исторических связей башкирской лексики с лексикой других языков, особенно при разграничении общетюркских и межтюркских основ.

Во-вторых, изучение истории формирования лексической системы башкирского языка может способствовать решению проблем этногенеза и этнической истории, традиционной культуры и менталитета народа – носителя этого языка. Данный словарь может дать ключ к решению проблем этнокультурной, этноязыковой истории и других народов Урало-Поволжья. В-третьих, этимологический словарь имеет огромное общекультурное значение, отражая историю формирования башкирского этноса, его материальной и духовной культуры, менталитета и философии за многие века жизни народа. Изложенные факты обуславливают и

особенности словаря, т. е. словарь должен быть рассчитан не только на узких специалистов – лингвистов, но и на широкий круг читателей, интересующихся историей, культурой и языком своего народа. Отсюда возникает необходимость сочетания высокой научности с максимальной доступностью – это касается как структуры и аппарата словаря, так и языка изложения.

Структура словаря

Этимологический словарь башкирского языка будет состоять из предисловия, введения, списка использованных источников и материалов, списка имеющихся словарей, списка литературы, списка сокращений, словарных статей, указателей праформ.

Словник словаря

Критерии отбора лексики для этимологического словаря, безусловно, отличаются от таковых для АСБЯ. Если для АСБЯ была отобрана вся общеупотребительная лексика башкирского языка, функционирующая как в литературном, так и в разговорном языке, то для ЭСБЯ, кроме актуальной и общеупотребительной, отобраны еще и функционально периферийные или стилистически сниженные слова, а именно диалектизмы, архаизмы, лексемы с затемненным значением, просторечные слова, слова из детской речи. Основанием для включения в словарь является распространенность, лингво-историческая значимость и этимологическая достаточность, т. е. способность слова дать полную информацию для изучения внутреннего развития и исторических связей лексики башкирского языка. Поэтому в качестве заглавных слов ЭСБЯ мы предполагаем включать следующие группы слов:

- корневые слова и слова, неразложимые с точки зрения современной морфологии. Это такие слова, как *ак* ‘белый’, *агас* ‘дерево’, *баш* ‘голова’, *тул* ‘плод’, *калак* ‘ложка’;
- словообразовательные дериваты общетюркских, межтюркских, собственно башкирских и заимствованных основ, образованные от утраченных или затемненных основ или от основ с омертвевшими аффиксами. Ср.: *оронсок* ‘помеха, препятствие’, *азаши* ‘тезка’, *өлкән* ‘старший (по возрасту), пожилой’, *йотау* ‘испытывать нужду, нехватку’;
- сложные слова: *акбузат* (миф.) ‘крылатый конь’, *алмизеу* (этно.) ‘нагрудное украшение’, *байгондо* (этно.) ‘название родового подразделения башкир-табынцев’, *байгоши* ‘неясыть (вид совы)’;
- парные слова: *ен-нәрей* ‘черти, нечистая сила’, *бала-сага* ‘детвора’, *камыт-кулан* (диал.) ‘сбруя’, *кыз-кыркын* (собир.) ‘девушки’;
- составные слова, композиты: *тынга барыу* (этно.) ‘гадание’, *колак тешләтеу* (этно.) ‘наречение детей именем’, *алтын казык йондозо* ‘полярная звезда’, *илак касырыу* (обряд.) ‘опаливание плача’.

С генетической точки зрения в словник ЭСБЯ включаются:

- исконная лексика башкирского языка, базирующаяся на общетюркских основах и корнях;

- башкирские лексемы, имеющие параллели в отдельных группах тюркских языков (кыпчакских, огузских, карлукских и т. д.), т. е. межтюркские основы или корни, а также производные образования от них;
- собственно башкирская лексика, не встречающаяся в других тюркских языках (этнонимы, мифонимы, космонимы, этнографизмы, архаизмы, историзмы, профессионализмы и др.);
- диалектные слова, их фонетические и лексические варианты;
- образно- и звукоподражательная по происхождению лексика или мимемы;
- ранние заимствования, которые освоены до XX века, адаптированы и стали частью лексического богатства башкирского языка;
- старые кальки, как семантические, так и словообразовательные;
- слова, происхождение которых считается неясным.

В словарь не должны включаться:

- заимствования из русского и через его посредство из других европейских языков, появившиеся в хронологически обозримое время (с начала XX века);
- искусственные новообразования, не прижившиеся в языке;
- неологизмы отдельных писателей;
- грубые слова из просторечия и т. д.

Источники и материалы для составления ЭСБЯ

Основными источниками для ЭСБЯ являются:

- все имеющиеся словари башкирского языка;
- материалы картотеки ИИЯЛ УФИЦ РАН, Машинного фонда и Национального корпуса башкирского языка;
- этимологические словари по другим тюркским языкам, в том числе и древним, средневековым;
- этимологические и другие словари, охватывающие общетюркскую лексику;
- общетеоретические методологические труды по сравнительно-историческому языкознанию, исторической лексикологии, морфологии и фонетике;
- работы по методике общей и тюркской этимологии, включая инструкции, обзоры, опыты разработок по отдельным словам;
- исследования по истории и исторической грамматике, лексикологии, фонетике башкирского языка;
- материалы диалектологических, фольклорных и этнографических экспедиций разных лет, хранящиеся в фонде рукописей ИИЯЛ и архиве УФИЦ РАН;
- литература по этногенезу, этнической истории, духовной и материальной культуре башкир;
- сводные тома башкирского фольклора, антологии по башкирской литературе, особенно по литературе Средневековья.

Структура словарной статьи

Словарная статья в ЭСБЯ состоит из нескольких разделов:

- репрезентативный;
- исторический и сравнительно-сопоставительный;

- аналитико-исследовательский;
- справочно-библиографический.

Первый раздел включает в себя **заглавное слово**, представляющее собой корневую лексему или композит, которые являются объектом этимологического исследования. Заглавные слова даются по алфавиту в современной орфографии с переводом на русский язык. Далее указывается функционально-стилевая принадлежность. Стилистически окрашенные слова снабжаются соответствующими пометами. Ср.: *мәмәй* ...дет. 'еда, пища, сладость...'

К заглавному слову могут быть даны фонетические варианты или словообразовательные дублеты, тождественные по значению. Такие формы даются в словарной статье через запятую после основного варианта без особых помет или разъяснений. Ср.: *асы, әсе* 'соленый' ... *сарылдак, сәрелдәк* 'визгливый, крикливый' ...

Слова, принадлежащие к разным частям речи (существительное-прилагательное, прилагательное-наречие), рассматриваются вместе; их разные функции указываются через запятую. Ср.:

курғаш 'свинец', 'свинцовый' ...
имен 'благополучный', 'благополучно' ...

Аналогичным образом рассматриваются пары типа глагол-существительное. Ср.:

арна- 'посвящать, посвящение'
аша- 'есть, еда'
йәшә- 'жить, жизнь'.

При выделении лексических значений сначала даются этимологически первичные, прямые, конкретные значения, затем вторичные, переносные и абстрактные. Лексические значения разделяются запятой. Русские переводы даются в марровских кавычках. Ботаническая терминология сопровождается латинским классификационным названием.

Омонимы в этимологическом словаре даются отдельными статьями и представляются римскими цифрами в порядке следования. Омонимы, относящиеся к разным частям речи, даются так: сначала знаменательные, затем служебные; имена – перед глаголами, существительные – перед другими именными частями речи.

С генетической точки зрения сначала репрезентируется исконная, затем заимствованная лексика.

К словам литературного языка даются **диалектные варианты**. Если значение диалектного варианта отличается от литературного, то дается семантическая характеристика. Диалектные слова сопровождаются сведением об их распространении. За диалектными формами слова даются словообразовательные дериваты с раскрытием их семантики.

В башкирском языке богато представлена лексика подражательного характера. В научной литературе эта лексика называется мимемами. **Мимемы** представлены множеством диалектных форм как фонетического, так и морфологического характера. Поэтому при разработке такой лексики, во-первых, приходится сначала выделить корень, от которого образовано звуко- или образоподражательное

слово. Во-вторых, следует определить наиболее употребительные и семантически насыщенные дериваты, затем привести другие варианты и формы. Ср.:

без-без, быз-быз 'подражание звуку, издаваемому насекомыми'; *быж, выж* 'подражание звуку ветра'; *пыр, фыр* 'подражание звуку, возникающему при порхании птиц'.

Парные слова с затемненными вторыми компонентами даются как заглавное слово по первому компоненту, затем каждая часть парного слова разрабатывается отдельно. К парному слову вторая часть привязывается ссылкой. Ср.:

бала-сага (сбир.) 'детвора, детский', см. *сага*

тай – тулак (сбир.) 'конский молодец', см. *тулак*.

Второй, т. е. исторический раздел включает в себя зафиксированные в письменных источниках варианты, формы исследуемого слова в хронологическом порядке. Материал по возможности дается полно с иллюстративными примерами в графике оригинала. В данном разделе даются параллели из других тюркских языков, включая древнетюркские, среднетюркские лексемы, свидетельствующие об исконности того или иного слова.

При наличии этимологических разработок данного слова можно ограничиться ссылками на этимологические словари общетюркской лексики и лексики конкретных языков. Для отдельных лексем приводится сравнительно-сопоставительный материал из языков алтайской группы.

Третий раздел представляет собой собственно исследовательскую часть словаря. В нем вначале приводится обзор, анализ различных точек зрения на этимологию того или иного слова в башкирском и других тюркских языках. Проверяются на башкирском материале имеющиеся этимологии. На новом материале обосновывается принятие той или иной этимологии, анализируются отвергнутые этимологии.

Для собственно башкирских слов по возможности выдвигаются собственные этимологии. Если это не представляется возможным, можно ограничиться подбором сравнительного и сопоставительного материалов. При этом необходимо обратить внимание не только на языковые, но и на историко-культурные и другие неязыковые фоновые знания.

При этимологизации заимствований необходимо обратить внимание не только на язык-источник, но и на особенности фонетической адаптации слова в башкирском языке, его диалектах. Ср.:

мейес, диал. *мис, меш, миц* 'печь', тат. *мич*; от русского *печь* (п→б→м).

Слово впервые зафиксировано в словаре Codex Cumanicus ↘ м
(XIII–XIV вв).

Четвертый раздел, называемый справочно-библиографическим, во-первых, включает в себя все доступные словари, в первую очередь этимологические, по башкирскому и другим языкам тюркской семьи. Особое внимание будет уделено словарям общетюркского характера. Во-вторых, в этот раздел будут включены опубликованные и неопубликованные фольклорные источники, имеющие отношение к тому или иному слову. В-третьих, данный раздел может включать крат-

кие указания о монографических и других разысканиях, содержащих сведения о той или иной лексеме.

Схема словарной статьи

Слово: корневое слово 'основное значение', 'сопутствующие значения';

диалектные варианты: слово (говор) 'значение'; слово (говор) 'значение'¹;

производные формы, включая композиты и словесные комплексы: корневое слово + аффикс 'значение'; корневое слово + корневое слово 'значение'; слово + слово + слово 'значение'²;

соответствия в других языках:

тюркские языки

1. пратюркская форма: слово 'значение';

2. древние формы: слово 'значение'³;

3. современные тюркские языки, их диалекты, памятники⁴:

кыпчакские:

огузские:

карлукские:

булгарские:

нетюркские языки⁵:

алтайские (монгольские, тунг.-маньч., яп., кор. и др. языки):

уральские (финно-угорские, самодийские и др. языки):

славянские и др. (индо-европ.) языки:

ностратические, бореальные формы⁶:

происхождение (указываются имеющиеся этимологии, приводится собственная версия или дается сравнительный, сопоставительный материал);

варианты из башкирских письменных и фольклорных памятников: слово 'значение' (название памятника), слово 'значение' (название памятника)⁷;

литература⁸

Образцы словарных статей

¹ Учитываются однокоренные варианты.

² Указываются дериваты: производные слова, образованные с помощью аффиксов; композиты; в отдельных случаях приводятся сложные слова, образованные лексико-синтаксическим путем; словесные комплексы, если они помогают раскрыть этимологию слова.

³ Даются данные ДТС и других исторических и этимологических словарей.

⁴ Материалы из тюркских языков даются по языковым группам и в алфавитном порядке.

⁵ К материалам из других языков указывается литература.

⁶ Ностратические, бореальные формы даются только по имеющимся реконструкциям.

⁷ Если имеются, даются формы из шежере, актовых документов, словарей XVIII–XIX вв.

⁸ Литература приводится в данном проекте в сокращенном варианте. Например, EDAL, Севортян.

БУЗА ‘буза (*напиток, приготовленный из зерен овса, ржи, ячменя или пшеницы*)’
(‘boza’).

диалектные варианты: бузағый ‘буза (*напиток*)’;

производные формы:

буза-сы ‘тот, кто занимается изготовлением напитка’;

басырма буза, баһырма буза ‘перебродившая (*кислая*) буза (*традиционный напиток башкир, изготовляемый из овса*)’.

соответствия в др. яз.:

тюркские языки:

пратюркская форма: **boda*

древнетюркские формы: *bor*

тюркские параллели:

современные тюрк. яз.:

кыпчак.:

тат. *буза*,

ккалп. *боза* ‘напиток из проса’,

кирг. *бозо* ‘напиток из проса’;

огуз.:

тур. *boza* ‘напиток из проса; напиток типа виноградного сока’,

азер. диал. *һүс*;

карлук.:

узб. *боза* ‘хмельной напиток из мелкого риса или проса’,

уйг. *боза* ‘хмельной напиток из мелкого риса или проса’;

сибирские:

кум. *боза* ‘спиртной напиток из перебродившего ячменя’,

телеут. *позо, пойо, подо* ‘хмельной напиток’,

тув. *пожса* ‘хмельной напиток из пшеницы; пиво’

(в тувинском это вторичное заимствование из монгольского),

хак. *пожса, поже* ‘напиток из кислого молока; остатки кислого молока после приготовления араки’,

сиб. тат. *буза* ‘брага; молочная водка’, диал. *поза, буса, пуса* ‘квас, пиво, брага; закваска, закисшая пшеничная каша для дубления; барда’;

булгар.:

чув. *пйрака* ‘брага’

нетюрк. языки:

алтай. яз.:

монг. формы: *божсу, бозу > боз*, калм. *бозо, бозу*;

тунг.-маньч. формы: эвен. *божо* ‘перегонки молочной водки’;

финно-угорские формы: венг. *bor* ‘слабоалкогольный напиток, домашнее вино’; *Budapest* ‘назв. столицы Венгрии’, *Buday* (название горы в Венгрии);

ностратические, бореальные формы:

рус. *буза, буз* ‘брага: напиток из гречихи и овсяной муки’;

перс. *буза*;

араб., суахили, хауса *буза, бүзэ*;

румын., албан., испан., франц., новогреч. *буза* ‘вид напитка’;

варианты из письм. памят.: *буза* (Катаринский 1899);

происхождение: вопрос остается открытым. Предполагается, что данное слово имеет общий корень с башкирской формой *бора* ‘закваска из полбы’, *борай* ‘полба’, ‘семена полбы’, ‘осадок’ и формой др. тюрк. яз. *bor* ‘вино’;

литература: АСБЯ II, ДСБЯ, Севортян II, 173–175, СИГТЯ (2001, 2002, 2006) ССТМЯ I, 89. Фасмер I, 232; Тумашева, 1992, 4, 176, Аникин, 2000: 107, 131–136, 138–139; Ахметьянов I, В.Г. Егоров, М.Р. Федотов.

АЖДАҢА ‘демон, исполинский змеедракон, требующий человеческих жертв. В сказках представлен трех-, пяти-, семи-, девяти-, двенадцатиголовым’ (‘dragon’);

диалектные варианты: *азда*, *ажда*, *аждаһа* *йылан*, *ажда йылан*, *азда йылан*, *аздаһа*, *эждәһә*, *эжжэгә*.

производные формы:

аждаһа һөйәге (*аждаһа* + *һөйәк* ‘кость’), ‘пепел жабы’ (применяется при лечении больных глаз),

аждаһа йылан (*аждаһа* + *йылан* ‘змея’), ‘дракон-змея’,

аждаһа алыныу (*аждаһа* + *алыныу* ‘взятие’), ‘смерч, досл. взятие дракона’,

аждаһа күтәрелеу (*аждаһа* + *күтәрелеу* ‘поднятие’), ‘вихрь, смерч’, досл. поднятие дракона’;

аждаһа йылы (*аждаһа* + *йылы* ‘год’), ‘год дракона (змеи)’;

соответствия в др. языках:

тюрк. яз.:

кыпчак.:

каз. *аждаһа*, *айдаһар*, *айдахар*,

кирг. *ажыдаар*,

ккалп. *аждарха*,

ног. *аждага*,

тат. *аждаһа*, *эждаһа*, *эчтәр*, *аждак*, *аждагы*, *аздагы*, *аздыгы*, *эздыгы*;

огуз.:

азер. *аждаһа*,

тур. *ejderha*,

турк. *аждарха*;

карлук.:

узб. *аждархо*;

булг.:

чув. *аҫтаха*, *аҫтакка*, *аҫтаккӑ*, *астак*;

нетюркские языки:

финно-угорские:

мар. *азьдага*, *аздага*, *азьытага*,

удм. *азьдагакый*;

иран.:

тадж. *аждаха*;

варианты из письменных памятников: *аждаха* (Юлуев 1892), *аждага* (Катаринский 1899).

происхождение: возможно, восходит к авест. теониму *Ажи-Дахака* 'змеедракон'.
литература: МНМ, 1997, 50, Ашмарин, 1994, АСБЯ, 2011, 168, Федотов, 1996, 66, Ахметьянов 2015, 77, Снесарев, 1980, 275, Хисамитдинова, 2010, 7.

Сокращения

Общие

дет. – детская речь
 диал. – диалект
 обряд. – обрядовая лексика

письм. памят. – письменные памятники
 собир. – собирательное
 этн. – этноним
 яз. – языки

Языки

азер. – азербайджанский
 албан. – албанский
 алтай. – алтайский
 араб. – арабский
 булг(ар). – болгарский
 венг. – венгерский
 индо-европ. – индо-европейский
 иран. – иранский
 испан. – испанский
 каз. – казахский
 калм. – калмыцкий
 карлук. – карлукский
 кирг. – киргизский
 ккал(п). – каракалпакский
 кор. – корейский
 кум. – кумыкский
 кыпчак. – кыпчакский
 мар. – марийский
 монг. – монгольский
 нетюрк. – нетюркские
 новогреч. – новогреческий
 ног. – ногайский

огуз. – огузский
 перс. – персидский
 румын. – румынский
 рус. – русский
 сиб. тат. – сибирско-татарский
 тадж. – таджикский
 тат. – татарский
 телеут. – телеутский
 тув. – тувинский
 тун(г).-маньч. – тунгусо-маньчжурский
 тур. – турецкий
 турк. – туркменский
 тюрк. – тюркменский
 удм. – удмуртский
 узб. – узбекский
 уйг. – уйгурский
 франц. – французский
 хак. – хакасский
 чув. – чувашский
 эвен. – эвенкийский
 яп. – японский

Литература

- Абдувалиев 2017 – *Абдувалиев И.* Словарь односложных корней и основ в кыргызском языке. Бишкек, 2017. {*I. Abduvaliyev. The Dictionary of Monosyllabic Roots and Stems in the Kirghiz Language. Bishkek, 2017.*}
- Аникин 2000 – *Аникин А.Е.* Из лексического комментария к русской колонизации Сибири. // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2000. – №4. {*A.Ye. Anikin. From the lexical commentary on Russian colonization of Siberia. // The Humanities in Siberia. – Novosibirsk, 2000. – No. 4.*}
- АСБЯ – Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т. 1, Т. 2, Уфа, 2011; Т. 3, Т. 4, Уфа, 2012; Т. 5, Уфа, 2013; Т. 6, Уфа, 2014; Т. 7, Уфа, 2015; Т. 8, Уфа, 2016; Т. 9, Уфа, 2017; Т. 10, Уфа, 2018. {*The Academical Dictionary of the Bashkir Language. In 10 Volumes. Volume 1, Volume 2, Ufa, 2011; Volume 3, Volume 4, Ufa, 2012; Volume 5, Ufa, 2013; Volume 6, Ufa, 2014; Volume 7, Ufa, 2015; Volume 8, Ufa, 2016; Volume 9, Ufa, 2017; Volume 10, Ufa, 2018.*}

- Ахметьянов 2015 – *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленен этимологик сүзлегә. 2 томда. Т. 1, Казан, 2015; Т. 2, Казан, 2015. {*R.G. Akhmetyanov. The Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 2 Volumes. Volume 1, Kazan, 2015; Volume 2, Kazan, 2015.*}
- Ашмарин 1994 – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. В 17-ти томах. Художник: Э.М. Юрьев. Чебоксары: Руссика, 1994–2000. {*N.I Ashmarin. The Dictionary of the Chuvash language. In 17 Volumes. Illustrated by E.M. Yuryev. Cheboksary: Russica, 1994–2000.*}
- Баишев 2006 – *Баишев Т.Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. 2-е изд. стер. Уфа, 2006. {*T.G. Baishev. The Bashkir dialects in their relation to the literary language. 2nd edition, reprint. Ufa, 2006.*}
- Бишев 1963 – *Бишев А.Г.* Первичные долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963. {*A.G. Biishev. The primary long vowels in the Turkic languages. Ufa, 1963.*}
- Бухарова 2006 – *Бухарова Г.Х.* Башкирская ономастика в контексте духовной культуры. Словарь мифотопонимов. Уфа, 2006. {*G.Kh. Bukharova. The Bashkir onomastics in the context of the spiritual culture. The Dictionary of Mythotoponyms. Ufa, 2006.*}
- ДСБЯ – Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002. {*The Dialectological Dictionary of the Bashkir Language. Ufa, 2002.*}
- ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М., Боровкова Т.А., Дмитриева Л.В., Зырин А.А., Кормушин И.В., Летягина Н.И., Тугушева Л.Ю. Л., 1969. {*The Ancient Turkic Dictionary. / Edited by: V.M. Nadelyayev, D.M. Nasilov, E.R. Tenshev, A.M. Shcherbak, T.A. Borovkova, L.V. Dmitriyeva, A.A. Zyryn, I.V. Kormushin, N.I. Letyagina, L.Yu. Tugusheva. Leningrad, 1969.*}
- Дыбо 2013 – *Дыбо А.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013. {*A.V. Dybo. The Etymological Dictionary of Basis Lexics of Turkic Languages. Astana, 2013.*}
- Егоров 1964 – *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. {*V.G. Yegorov. The Etymological Dictionary of the Chuvash Language. Cheboksary, 1964.*}
- Ишбулатов 1979 – *Ишбулатов Н.Х.* Башкорт диалектологияһы. Өфө, 1979. {*N.Kh. Ishbulatov. The Bashkir Dialectology. Ufa, 1979.*}
- ИЭСБЯ – Историко-этимологический словарь башкирского языка. В 2 кн. Т. 1, Уфа, 2007; Т. 2, Уфа, 2009. {*The Historical-Etymological Dictionary of the Bashkir Languages. In 2 Books. Volume 1, Ufa, 2007; Volume 2, Ufa, 2009.*}
- Кажибеков 1986 – *Кажибеков Е.З.* Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках. Явление синкретизма. Алма-Ата, 1986. {*Ye.Z. Kazhibekov. The verbal-nominal correlation of the homogenous stems in Turkic languages. The phenomenon of syncretism. Alma-Ata, 1986.*}
- Кайдар 2005 – *Кайдар А.Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алматы, 2005. {*A.T. Kaydar. The structure of monosyllabic roots and stems in the Kazakh language. Almaty, 2005.*}
- Камалов 1997 – *Камалов А.А.* Башкирские географические термины и топонимия. Уфа, 1997. {*A.A. Kamalov. Bashkir geographic terms and toponymy. Ufa, 1997.*}
- Камалов 2002 – *Камалов А.А., Ураксин З.Г. Хисматов Ф.Г., Шакуров Р.З.* Топонимический словарь Башкортостана. 2-е изд. Уфа, 2002. {*A.A. Kamalov, Z.G. Uraksin, F.G. Khismatov, R.Z. Shakurov. The Toponymical Dictionary of Bashkortostan. 2nd edition. Ufa, 2002.*}
- Катаринский 1899 – *Катаринский В.В.* Башкирско-русский словарь. {*V.V. Katarinskiy. The Bashkir-Russian Dictionary, 1899.*}
- Киекбаев, 2002 – *Киекбаев Ж.Ф.* Хәзерге башкорт теленен лексикаһы һәм фразеологияһы. – Өфө, 2002. {*Zh.Gh. Kiyekbayev. Lexics and phraseology of the modern Bashkir language. – Ufa, 2002.*}
- Максютова 1976 – *Максютова Н.Х.* Восточный диалект башкирского языка. В сравнительно-историческом освещении. М., 1976. {*N.Kh. Maksyutova. The Eastern dialect of the Bashkir language. In the comparative-historical aspect. Moscow, 1976.*}
- Махмуд ал-Кашгари Диван лугат ат-турк (свод тюркских слов). В 3 т. / Пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина. Т. 1. М., 2010. {*Maḥmūd al-Kāshgarī. Dīvān luḡāt at-turk (the compendium of Turkic words). In 3 Volumes. / Translated from Arabic by A.R. Rustamov, edited by I.V. Kormushin. Volume 1. Moscow, 2010.*}

- Миржанова 1979 – *Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979. {*S.F. Mirzhanova. The Southern dialect of the Bashkir language. Moscow, 1979.*}
- Миржанова 1991 – *Миржанова С.Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка. М., 1991. {*S.F. Mirzhanova. The Northwestern dialect of the Bashkir language. Moscow, 1991.*}
- Нафиков 2003 – *Нафиков Ш.В.* Бореальные элементы в башкирском языке. Уфа, 2003. {*Sh.V. Nafikov. The Boreal elements in the Bashkir language. Ufa, 2003.*}
- Попов 2003 – *Попов Г.В.* Этимологический словарь якутского языка. М., 2003. {*G.V. Popov. The Etymological Dictionary of the Yakut Language. Moscow, 2003.*}
- Севортян 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) М., 1974. {*E.V. Sevortyan. The Etymological Dictionary of Turkic languages. (Common Turkic and intra-Turkic stems, beginning with vowels). Moscow, 1974.*}
- Севортян 1974–1980 (1974 – на гласные; 1978 – Б; 1980 – В, Г, Д), 1989 (Ж, Ж, Й), 1997 (К, Қ), 2000 (Қ), 2003 (Л, М, Н, П) – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы... М., 1974–1980, 1989, 1997, 2000, 2003. {*E.V. Sevortyan. The Etymological Dictionary of Turkic languages. (Common Turkic and intra-Turkic stems ...). Moscow, 1974–1980 (1974 – beginning with vowels; 1978 – B; 1980 – V, G, D), 1989 (DJ, ZH, J/Y), 1997 (K, Q), 2000 (Q), 2003 (L, M, N, P).*}
- СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997. {*The comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexics. Moscow, 1997.*}
- СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001. {*The comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexics. Moscow, 2001.*}
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2002. {*The comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexics. Moscow, 2002.*}
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. {*The comparative-historical grammar of Turkic languages. Common Turkic Stem language. The worldview of Proto-Turkic ethnos based on the language data. Moscow, 2006.*}
- Снесарев 1980(1981) – *Снесарев А.Е.* Этнографическая Индия. М.: Наука, 1981. {*A.Ye. Snesarev. The Ethnographical India. Moscow: Nauka, 1981.*}
- Татаринцев 2008 – *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2008. {*B.I. Tatarintsev. The Etymological Dictionary of the Tuvan Language. Novosibirsk, 2008.*}
- Татаринцев 2009 – *Татаринцев Б.И.* Избранные научные труды. Кызыл, 2009. {*B.I. Tatarintsev. The selected scientific works. Kyzyl, 2009.*}
- Торма 1987 – *Торма Й.* Этимология башкирского слова küser // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии. Уфа, 1988. С. 104–120. {*J. Torma. The etymology of Bashkir word küser. // Areal studies on Bashkir dialectology and onomastics of Bashkiria. Ufa, 1988. PP. 104–120.*}
- Ураксин 1975 – *Ураксин З.Г.* Фразеология башкирского языка. М., 1975. {*Z.G. Uraksin. Phraseology of the Bashkir language. Moscow, 1975.*}
- Федотов 1996 – *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1., 1996; Т. 2., 1996. {*M.R. Fedotov. The Etymological Dictionary of the Chuvash Language. In 2 Volumes. Volume 1., 1996; Volume 2., 1996.*}
- Фасмер – *Фасмер М.Ю.* Этимологический словарь русского языка. Берлин–Гейдельберг, 1950–1958. Переведен на русский язык и дополнен О.Н. Трубачёвым, издан в 1964–1973 гг. {*Max Julius Friedrich Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Berlin–Heidelberg, 1950–1958. Translated into Russian and edited by O.N. Trubachev in 1964–1973.*}
- Хисамитдинова 1986 – *Хисамитдинова Ф.Г.* История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа, 1989. {*F.G. Khisamitdinova. The History of the Bashkir Language: Data on Historical Phonetics. Ufa, 1989.*}
- Хисамитдинова 2006 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Географические названия Башкортостана: Материалы для историко-этимологического словаря. 2-е изд., испр. и доп. Уфа, 2006. {*F.G. Khisamitdinova. The Geographic Names of Bashkortostan: Data for a Historical-Etymological Dictionary. 2nd edition, revised and further extended. Ufa, 2006.*}
- Хисамитдинова 2010 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. {*F.G. Khisamitdinova. The Mythological Dictionary of the Bashkir Language. Moscow, 2010.*}

- Шайхисламова 2009 – *Шайхисламова З.Ф.* Топонимия северо-востока Башкортостана (историко-лингвистический анализ). Уфа, 2009. {*Z.F. Shaykhislamova. The Toponymy of the North-Eastern Bashkortostan (Historical and Linguistic Analysis).* Ufa, 2009.}
- Шәкүров 1993 – *Шәкүров Р.З.* Исемдәрҙә – ил тарихы. Тикшеренеүҙәр, мәкәләләр. Өфө, 1993. {*R.Z. Shakurov. The History of Land is in Its Names. The research data and articles.* Ufa, 1993.}
- Юлуев 1892 – *Юлуев Батыр-гарей Мухамедов.* К этнографии башкир. (Батырь гарей Мухамедовъ Юлуевъ. Къ этнографіи Башкиръ. // Этнографическое обозрение. (Этнографическое Обозрѣніе). №2–3. С. 216–223. М., 1892. {*Batyr-garey Mukhamedov Yuluyev. To the Ethnography of Bashkirs. // Etnograficheskoye obozreniye. No. 2–3. Moscow, 1892. PP. 216–223.* }
- Ягафарова 2016 – *Ягафарова Г.Н.* О первичной номинации в тюркских языках // Урал-Алтай: через века в будущее. Уфа, 2016. {*G.N. Yagafarova. On the primary nomination in Turkic languages. // Ural-Altai: Through Centuries Into the Future.* Ufa, 2016. }

ABOUT THE ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF THE BASHKIR LANGUAGE

F.G. Khisamudinova

Ufa

Summary: In 2018, Bashkir linguists have completed the preparation and publication of the “Academic Dictionary of the Bashkir Language” in 10 volumes. We began to develop the Etymological Dictionary of the Bashkir language in 3 volumes. In 2018, the collective developed the instruction and compiled a vocabulary. This article is a summary of instructions for compiling an etymological dictionary of the Bashkir language. In connection with the above written facts, the article presents the goals and objectives, the structure and vocabulary of the dictionary, describes the sources and materials for its compilation, specifies the features of word articles. Attention is paid to the peculiarities of filling original and borrowed vocabulary. The article also provides a schema for vocabulary entries and samples of etymologization.

Keywords: etymological dictionary, Bashkir language, vocabulary, dictionary entry, headword.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ» В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

И.В. Шенцова

г. Новосибирск

Резюме: В данной работе проводится описание лексико-семантической группы, объединенной концептом «Музыкальные инструменты». Лексемы для анализа получены в результате сплошной выборки из всех печатных изданий оригинальной шорской литературы (фольклора и авторской лирики и прозы). Описание включает сопоставительный материал из тюркских языков Саяно-Алтая и прилегающих регионов, а также из древних тюркских языков. Приводимые контексты позволяют осветить прагматику лексем. Полученные данные могут быть включены в тезаурусный лексикон шорского языка, использованы в сравнительно-исторических исследованиях, а также в дидактической и творческой работе с шорским языком.

Ключевые слова: лексикология, лексикография, лексико-семантическая группа, контекст, тюркские языки Сибири, шорский язык.

В настоящее время шорский язык – язык малочисленного коренного народа Южной Сибири – находится в процессе ревитализации. В учебных заведениях преподают шорский язык, национальные авторы создают произведения на родном языке. В связи с этим возрастает потребность в системном освещении всех уровней шорского языка. Первостепенную роль в сохранении и развитии языка играет лексика. Тематическая организация лексики позволяет оптимизировать и изучение языка, и проведение лингвистических изысканий.

Лексемы, обозначающие музыкальные инструменты, относятся к пласту культурной лексики шорского языка. К реалиям, которые можно считать музыкальными инструментами, относятся такие, которые предназначены «для извлечения музыкальных звуков и воспроизведения ритмических шумов» [БСЭ: 524]. Музыкальные инструменты могут быть использованы для разных целей: для сопровождения вокального исполнения или самостоятельного звучания, для имитации звуков животных на охоте, в качестве источника сигналов.

Языковые данные, представленные в настоящей работе, получены в результате сплошной выборки из оригинальных шорских текстов разных жанров: фольклорных и авторских. Из созданного фонда контекстов в данной работе используется лишь часть примеров. Список шорских лексем, обозначающих музыкальные инструменты, составили: *комус* ‘комус’, *эдиски* ‘манок’, *пыргы* ‘труба’, *сыбысқа* ‘свисток’, ‘дудка’, *сыгыртқыш* ‘свисток’, *шаң* ‘колокол’, *түўүр* ‘бубен’.

Шенцова Ирина Витальевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, Новосибирск; e-mail: ivshen@yandex.ru.

1. ҚОМУС

Шорская лексема *қомус* ~ *қомыс* ~ *қобыс* (*qomus* ~ *qobus* ~ *qobys*) 'музыкальный инструмент, музыка' зафиксирована в [ШФ: XIV–XV; ШРС: 26]. Эта лексема имеет аналоги в других тюркских языках. В звуковом облике лексем проявляются закономерные звуковые соответствия: тел. *қомыс*, алт. *қомус*, тув. *хомус*, тоф. *хобус*, *ховус*, *ховыс*, *хобыс*, хак. *хомыс*, кирг. *комуз*, баш. *комуз*, *кумыз*, *кубыз*, тат. *кубыз* [ТелРС: 43; ОРС: 86; ТувРС: 481; ТофРС: 250; ХРС: 842; КиргРС: 400; БашРС: 381; РТатКрС], тур. *қопуз*, уйг. диалекты *qo:buz*, *qo:wuz* [ЭСТЯ 2000: 68], д.-т. *qobuz* 'комуз, музыкальный струнный инструмент' (МК I 365) [ДТС: 451].

Фонетические и лексические варианты «архилексемы» **qobuz* рассматриваются в авторитетных источниках [СИГТЯ 1997: 614; Clawson 1972: 588; Räsänen 1969: 281]. Из всех фонетических вариантов наиболее архаичной Г. Дёрфер считает форму *қопуз* [ЭСТЯ 2000: 68]. В качестве словообразовательной основы данной языковой единицы В. Банг рассматривает глагол *қоп-* 'вставать, всакивать' [Bang NV 116] (цит. по: [ЭСТЯ 2000: 69]). Г. Рамстедт сопоставляет основы кирг. *qobuz* и монг. *qigur* с кит. *hu*: 'струна' [Ramstedt KWb: 201] (цит. по: [ЭСТЯ 2000: 70]).

Денотаты лексемы *қомус* варьируются по тюркским языкам. Шорская лексема *қомус* обозначает два вида музыкальных инструментов: струнный щипковый инструмент и язычковый инструмент – варган. Комус как струнный инструмент имеет два типа: один напоминает по форме лютню, другой – гусли (дека – прямоугольник, шейки нет).

У киргизского народа *комуз* – трехструнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни, сопровождает пение акынов [БСЭ: 318; КиргРС: 400]. У казахов *кобыз* – народный струнный смычковый инструмент [БСЭ: 497]. У башкир *комуз* – трехструнный щипковый музыкальный инструмент (лексема является историзмом) [БашРС: 381]. В современном татарском языке *кубыз* – язычковый инструмент, похожий на варган (а струнный щипковый инструмент певцов-сказителей, часто заменяемый мандолиной, называется *думбра*) [РТатКрС].

В лексикографических толкованиях данной лексемы в шорском, телеутском (*қомыс*), тофаларском (*хобус*), тувинском (*хомыс*) языках указано общее значение – 'музыкальный инструмент' (в тофаларском языке дополнительно 'музыка') [ШРС: 26; ТелРС: 43; ТофРС: 250; ТувРС: 481]. Современное использование термина **қомус* ~ *хомус* у алтайцев, телеутов, тувинцев относится к обозначению язычкового музыкального инструмента (рус. *варган*).

Для обозначения варгана во многих языках используется уточняющее определение со значением «железный»: хак. *тимір хомыс* [ХРИЭС: 188], баш. *тимер қумыз* [БашРС: 381], кирг. *темир комуз* (а также *жес комуз*, *ооз-комуз*) [КиргРС: 400], тув. *демир-хомыс*.

В современном шорском языке используются изафетные сочетания с лексемой *қомус*: *чадыган-қомус* обозначает струнный щипковый инструмент без шейки, прямоугольной формы, *тебир-қомус* обозначает язычковый инструмент (варган). В художественной литературе встретился неологизм *ақсы қомузақ* (*ақсы* 'рот') 'губная гармошка' [Бельчегешев 2000: 279, 295].

В работах по этнографии и музыкальному творчеству шорцев термин *комус* относят в основном к струнному щипковому инструменту [Дыренкова 1940: XIV–XV; Назаренко 1989: 23–35; Назаренко 1998: 34–45; Сыченко 2010: 47].

В шорских текстах используется лексема *қай-қомус*, референт которой – струнный музыкальный инструмент, сопровождающий исполнение героических сказаний (*қай*).

В шорских охотничьих быличках, записанных Н.П. Дыренковой [ШФ: 262–269], информанты регулярно упоминают об изготовлении комуса из кедра (*қузуқ*): на охоте по ночам следовало исполнять пение сказаний, сопровождаемое игрой на комусе, что, по верованиям шорцев, могло умиловить «духов тайги» и заставить их послать зверей на добычу:

(...) *қузуқтаң қай қобыс эдип-алып, нарпақ қайлап сал одурған* ‘Сделав из кедра *комус*, играл-напевал и рассказывал сказки’ [ШФ: 264, 265].

В одной из шорских песен используется другая лексема, обозначающая материал для комуса (точнее, материал для его струн), а именно *қузуруқ* ‘хвост (лошади)’ (подразумевается *қыл* ‘конский волос’). Употребление этой лексемы вместо традиционной *қузуқ* создает эффект паронимии: *қузуқ=таң* ‘из кедра’ – *қузуруқ=таң* ‘из хвоста’:

Қузуруқтаң иштеген қомузум / Челде қақсам – талалғай [ДШ: 286]. ‘Если на комусе моем, из хвоста изготовленном, на ветру заиграю, [он] сломается’.

Как показывают примеры из народных песен, авторской лирики и прозы, лексема *қомус* является символом исконной шорской культуры.

Қай қомызы қағылзын, / Шор сарыны уғулзын, / Пайрамға чыылған чақшылар / Ыргүн-келіп ойназын! [ДШ: 248] ‘Пусть *қай-комус* играет, / Пусть песни шорские звучат, / Пусть собравшиеся лучшие люди, / радуясь, веселятся (играют)’;

Ол қыс палазының үни, чадыған қомус үни чилеп, сыңырап эрт парды ‘Голос той девушки, подобно *чадыған-комусу*, прозвучал’ [Чиспияков 1995: 83];

Шажымға қар тўжип одурча, / Чўрегим тезе қомус чилеп ойнапча: / Маға улуг кўленгеним келди ‘В косы мои нить серебра вплеталась, / А сердце *қай-комусом* взыграло: / Великая любовь ко мне пришла’ [Арбачакова 2001: 120];

Абуг, мениң қомузағым, / Чўктер қағылбанчазың? / Абуг, мениң экечегим, / Чўктер ойнабанчазың? [Кусургашев 1995: 44] ‘Увы, мой *комус*, [ты] сказания не исполняешь? Увы, мой милый, [ты] сказания не играешь?’;

Алында-пурунда / қомус қылы писке / сарнағаннар, / Эшитиг ўргўнўш / чўректерде чатқан ‘Раньше, [когда] струны *комуса* нам пели, / на сердце радость и покой были’ [Тудегешева 2000: 147];

Қайран шор чоным, <...> / Сеең қай қомус / қайлады: Қалық өлбес, – теп [Косточаков 1994: 27] ‘Дорогой мой шорский народ, <...> Твой *комус* поет: «Народ не умрет» [говоря]’.

Шорские эпические сказания должны сопровождаться игрой на комусе. В сказании, записанном Б.И. Токмашовым, лексема *қомус* используется в зачине:

Паитар қайдың алғыш сөзи / Қайран меең чаштаң ала қолға тутқан / Қай қомузым шақ по кўнде, пурунғу-че, / Эште шавыл шертилзин! [БТ: 8] ‘Вступительного напева благопожелание, / Дорогой мой, с ранних лет в моих руках, *қай-комус*, / пусть сегодня, как и прежде, в лад прозвучит!’.

В сказании «Мерет Оолак», записанном А.И. Чудояковым, *кай-комус* дан богатырю Мерет Оолаку при имянаречении вместе с конем и воинским снаряжением. Этот музыкальный инструмент воплощает жизненную силу богатыря:

Мерет-сар аттың / чалбал парған сыртында паглат-салған. / Четти қыллыг тал қомус / Қара черге түйшпенче, / Мерет-Оолак, сен өлбессің [ДШ: 230] 'На спине саврасового коня (Мерет-сар ат) прикреплен семиструнный тальниковый *комус*. Пока (он) на черную землю не упадет, ты, Мерет-Оолак, не погибнешь'.

Звучание *комуса* оказывает положительное воздействие на окружающий мир:

Мерет-сар атқа чарғанат шени чапсынды. / Четти қырлыг тал қомус шертил шықты. Четти қырлыг тал қомус қағылбыза-бергени. / Қуруп-парған черге чазар-кел, көк өлең өсча; / Қуруп-парған ағашқа чазал-келіп, нұр өсча [ДШ: 150] '(Мерет-Оолак) к спине своего коня (Мерет-сар-ат), как летучая мышь, приник, семиструнный тальниковый *комус* заиграл. Когда семиструнный тальниковый *комус* заиграл, на высохшей земле, зеленея, свежая трава растет; на высохших деревьях, зеленея, листья растут'.

В сказании «Мерет Оолак» лексема *комус* употреблена 31 раз, что является неким исключением, так как в других шорских эпических текстах упоминаний о музыке, пении, музыкальных инструментах очень мало. В настоящее время опубликовано 23 эпических сказания на шорском языке. Наша выборка показала, что, кроме сказания «Мерет Оолак», лексема *комус* употребляется в четырех героических поэмах: «Қаан-Оолак» [БТ] – 3 словоупотребления, «Қаан Арго печелиг Қан Мерген» [ШФ: 80–154] – 3 словоупотребления, «Ақ Қаан» [ШФ: 158–234] – 4 словоупотребления, «Ақ Өлең ме Қыр Өлең» [ШФ: 154–157] – 2 словоупотребления.

Для всех сказаний при упоминании игры на *комусе* (и на других инструментах) общим является описание мощнейшего воздействия музыки на людей и природу:

Чалбақ парған сағрызында тоғузон қыллыг тал-қомус қағыл парб-одурған. Ийги қыйғылық қуш шағанаң көглежибискенерде, по тоғузон қыллыг тал-қомус шанағаң қағылбысқанда – по кұн чарықтың аң-қужу, албаттыг чону лардың зоонаң тооза сүруш парб-одурғаннар 'На широком крупе (коня) девянострунный таловый *комыс* ехал, сам собой играя. Лишь только запели птицы кыйғылык, лишь только заиграл [этот] девянострунный таловый *комыс*, звериптицы этого солнечного мира, данники-народ за ними следом все потянулись' [ШФ: 154, 155];

Четтон тиллиг талай қомустуң үнү алтын шаң-че шабылча, қола пырғы-че тартылча. Қола пырғының үнүне үскен от ас-ла табылбаанча, өлген кижі ас-ла тирилбеенча 'Звук имеющего семьдесят языков море-*комыса* разносится, словно золотые колокола звенят. От звука медной трубы потухший огонь чуть не разгорается, умерший человек почти оживает' [ШФ: 126, 127];

Қола пырғы-ба талай қомустуң үнүне тегри туглап құрғуннуг қуш чақшы по черге учуғуш-кирдилер; азыра туйғақтыг аң чақшы чазы туглап чүгүрүш кирдилер. Аба Қулақ-па Эрес Тайчы қола пырғы-ба талай қомус үнүне шыдабаан алтын маққыш пажына туруп, улуг сағыштары тооза шық-партыр 'На звук медной трубы и море-*комыса* сколько ни есть крылатых птиц – все прилетели, совершенно заслоняя небо, сколько ни есть зверей, имеющих раздвоенные копыта, – все прибежали, запруживая степь. Аба Кулак и Эрес Тайчи, стоя на верхушке

лестницы, от звуков медной трубы и море-комыса сознания лишились' [ШФ: 198, 199].

В сказании «Қаан Арго печелиг Қан Мерген» игра на комусе описывается как тяжелый принудительный труд плененного богатыря:

Алып кижиниң тӧзүне четтон тиллиг талай қомус сал-сала пертирлер. Оң шимелчигин поош артыза пертирлер. Алып тӧӧлү чат-келип, тӧзүндағы четтон тиллиг талай қомусту оң шимелчиги-бе қақча. <...>. Алып тӧӧлү қомусту, сарнап сықтап келип, қақча 'На грудь богатыря море-комыс о семидесяти языках положили, правый мизинец богатыря свободным оставили. Богатырь лежит и на находящемся на его груди море-комысе о семидесяти языках играет <...>. Потомок богатырей поет и, рыдая, на море-комысе играет' [ШФ: 126, 127].

Идея о сложности игры на комусе отражена в шорской песне:

Қомузақты қағар эдим – қол паитарым агрыпча 'На кай-комусе сыграл бы – пальцев кончики болят' [ДШ: 298, 299].

О возникновении музыки и комуса рассказывается в шорской легенде:

Ол бугалар тағ-ба келб-одуруп, черлерин санап, қунан, сарын мүктеп, сарнап келб-одурғаннар. По аңчы кижиге ол сарын қоңнүне тын киртир. Ол аңчы по сарыны үр уқтур. Анаң қузуқтаң қомус иштеп, ат қузуруғунаң қыл зууб-алып, қомэзуна уруб-алтыр, анаң ол қомузу-ба қағып, ол сарыны сарна-берген. По ийги пугаан сарыны алым-алып, ачықтаң эбине келип, қағып сарнап-одуртур 'Те быки по горам шли, вспоминая о своей земле, скучали, песню мыча, пели. [Этому] охотнику та песня в сердце [его] крепко запала. Тот охотник эту песню долго слушал. Потом сделал из кедра комыс, вырвал из хвоста коня волос (и) натянул на комыс [его]. Потом, на [том] комысе играя, ту песню стал петь. (Он) песню тех двух быков запомнил; придя (с промысла) домой, (он) на том комысе играл (и) пел' [ШФ: 288, 289].

Духовые инструменты в шорском языке обозначают лексемы *эдиски* 'манок', *пыргы* 'труба', 'рожок', 'манок', *сыбысқа* 'свисток', 'дудка', *сыгыртқыш* 'свисток'. Общим признаком артефактов – денотатов лексем является звучание вибрирующих стенок трубки за счет вдувания воздуха.

2. ЭДИСКИ

Шорская лексема *эдиски* отмечена Н.П. Дыренковой, которая писала, что при охоте на косуль (*kijik*) весной их подманивали при помощи «особой берестяной свистульки *ediski*» [ШФ: 380]. Аналогичные лексемы отмечены в других сибирских тюркских языках: алт. *эдиске* 'свисток' [ОРС: 189], тув. *эдиски* 'свисток' [КрРТС: 337], тоф. *эйтиски* 'манок-пищик на кабаргу', 'берестяная пикулька на кабаргу' [ТофРС: 592]. В структуре шорской лексемы *эдиски* четко выделяется аффикс прилагательного =*ки*, имеющий значение 'отношение к чему-либо'.

Основа *эдис-* соотносится с лексемой *edic*, отмеченной В. Радловым для сагайского, койбальского, качинского, киргизского (казахского) идиомов, а также *idic*, отмеченной Кастреном для кондомцев (шорцев). М. Ряснен указывает, что *ädiskä* обозначает 1) 'голос (крики) оленят' ('Geschrei junger Hirsch- und Rehkälber') и 2) 'трубу из коры березы' ('Pfeife aus Birkenrinde') для диалектов алтайского языка (*oir.*, *tel.*, *leb.*); у сойотов (*soj.*) *ediski* – это 'свисток', 'дудка',

‘свирель’, (охот.) ‘манок’ [Räsänen 1969: 36]. Шорских контекстов с лексемой *эдиски* нами пока не обнаружено.

3. ПЫРҒЫ

В шорском языке лексема *пырғы* реализует два значения: 1) ‘манок’ в виде трубы, дудки [ШФ: 400]; 2) ‘музыкальная труба’, ‘рожок’ [ШРС: 44].

Так, Н.П. Дыренкова писала: «Охотясь на маралов (*суун*) осенью, шорцы приманивали их при помощи дудки (*пургу*)» [ШФ: 400]. В значении ‘манок на марала’ лексема *пырғы* использована в стихотворении [Бельчегешев 2000: 70].

В хакасском языке: *пырғы* ‘дудка, рожок для приманки зверя’, *пырғы тартарга* ‘дуть в рожок, приманивая зверя’ [ХРС: 412], а также *пырғы (мырғы)* ‘горн’, ‘труба’ [ХРИЭС: 100]. Корень этой лексемы составляют согласные *п-р*, имитирующие звукоподражание: *пырғыр*= ‘брызгать, прыскать, фыркаль (о лошади)’ [ХРИЭС: 100] (ср. кирг. *бырк* – звукоподражательное слово (бульканье) [КиргРС: 171], уйг. *пуркү*= ‘брызгать’ [РУйг: 75]). В монгольском языке: монг. *нарийн бүрээ* ‘труба’ (муз.), *бүрээч* ‘трубач’ [РМонгС: 733].

Губно-губной согласный и следующий за ним вибрант составляют корни лексем со значением ‘труба’ в других тюркских языках: тув. *бүрээ* (муз.) ‘труба’ [РТувС: 616], баш. *борго* ‘труба’ [РБашС: 520], тат. *бырғы* ‘труба’ [РТатКрС], тур. *boru* ‘труба’ [РТурС: 924], д.-т. *boruj* ‘духовой музыкальный инструмент’ [ДТС: 113].

«Архилексема» **boru* реализует значение ‘труба (музыкальный инструмент)’ во всех цитируемых источниках [ЭСТЯ 1978: 194–195]. В структуре лексемы вычленяется корень **бор-* ~ **бур-* и аффиксы именного словообразования, варьирующиеся по языкам: *ы ~ а ~ к ~ кы ~ ка*.

В. Банг соотносит корень лексемы **boru* с глаголом *bir-* ‘крутить’, ‘вращать’ [ЭСТЯ 1978: 195]. А. Зайончковский возводит этот элемент к предполагаемому глаголу **bir-* ‘трубить’, имеющему звукоподражательную природу [ЭСТЯ 1978: 195].

В шорских эпических текстах *пырғы* ‘труба’ – это музыкальный инструмент:

Алтын пырғының үнү шақ по кел угул эрт парды! / Алтын пырғы эрбектен кел тартылча ‘Голос золотой трубы ясно послышался. Золотая труба, играя, так говорила’ [ШГС: 410, 411]; см. также выше [ШФ: 126, 127].

В рассказе А.И. Чудоякова *пырғы* обозначает ‘духовой инструмент (горн) для подачи военных сигналов’: *Мен ол пырғың үнүге маттап көөленчеңзим. Пистиң полканың ол пырғыба тартыпчыган оол маттап келишитире тартчаң* [Чудояков 1995: 107] ‘Я очень любил звук *трубы*. Горнист нашего полка очень хорошо играл на *трубе*’; <...> *кенетки қола пырғы тартыл чада парды. Анаң ұқсабыс: „Пай-ол! Тревогаң көгүбе тартча-но!“* [Чудояков 1995: 107] ‘...вдруг зазвучал горн (букв. ‘медная *труба* заиграла’). Потом слышим: „Ого! Тревогу играют!“ (букв. ‘мелодию тревоги’); *Тревога пырғыжы тартылган соонда пеш минут эртпеди* [Чудояков 1995: 107] ‘После того, как прозвучал сигнал тревоги (букв. ‘тревогу горн протрубил’), и пяти минут не прошло’.

Глагольный дериват рассматриваемой лексемы – *пырғыла*= ‘трубить’, ‘издавать звуки’: *Мөзук таг тозүнде / сыыннар / пырғылапчалар* [Тудегешева 2000: 135] ‘У подножия гор высоких маралы трубят’.

4. СЫБЫСҚА

В шорском языке лексема **сыбысқа** ‘свисток’, ‘манок’, ‘дудочка’ обозначает духовой инструмент. Однокоренные слова: *сыбыр*= ‘шептать’, ‘нашепывать’, ‘колдовать’, *сыбыран*= ‘шептаться’, *сыбыраш* ‘шепот’, *сыбырагчы* ‘волшебник’, *знахарь*, ‘колдун’ [ШРС: 50].

Архилексема *сыбызгы* ‘музыкальный инструмент, род свирели или флейты, дудка, свисток’ зафиксирована в обзоре [ЭСТЯ 2003: 379–381]: каз., кирг., ккал., кбал., ног., тат., алт., кум., тел., шор., баш. *һыбызгы*, тур. *sipsi*. В древнетюркских языках: *sibizyu* ‘свирель’ [ДТС: 502; МК I: 489]. В национальных словарях: хак. *сыбысха* ‘дудка’, ‘свирель’; ‘рожок для приманивания зверей и птиц’ [РХС: 540]; *сыбысхы (сымысхы)* ‘манок для приманки дикой козы (звучит как голос детеныша козы)’, ‘флейта’, ‘свирель’ [ХРИЭС: 126]; тел. *сыбысқы* ‘дудка’ [ТелРС: 77]; кирг. *сыбызгы* ‘свирель’ [КиргРС: 674], каз. *сыбызгы* ‘дудка’ [РКазС: 209], тат. *таш сыбызгы* ‘свисток’ [РТатКрС].

По форме лексема *sibizyu* является отглагольным производным именем: в ее морфемной структуре вычленяется аффикс =*yu*, обозначающий орудия труда [Brockelman 1954: 107], а также один из аффиксов понудительного залога глаголов, его наличие наблюдается в названиях других инструментов: тув. *эд=ис=ки* ‘манок’, баш. *һызгыр=t=кыс* ‘свирель’, шор. *сыгыр=t=кыш* ‘свисток’. Э.В. Севортян предполагает, что корень лексемы – это ономатопоэтический глагол **сы*: ~ **сыв* ~ **сый* ‘свистеть’ [ЭСТЯ 2003: 381].

Шорские контексты.

Алты аастыг қызыл қырчын сыбысқаны ал туда перди. / «Сугун сал, Сыбазын-Оолақ, туңмам. / Қачен тушта чер эбир чөрзең, / Чер эбуре тўшкен тебир сынға парзаң, / Алты аастыг қызыл қырчын сыбысқаны / Анда тартарзың», – тедир Алтын Пурба ‘С шестью голосами, из лозы красного тальника / [сделанную] [Алтын-Пурба] дудочку достала. / «Положи [ее себе], Сыбазын-Оолак, братишка мой, / Когда-нибудь, если землю кругом обходить станешь, / Если на опоясывающий землю железный хребет придешь, / На имеющей шесть голосов дудочке из красного тальника / Там поиграешь ты, – сказала Алтын-Пурба’ [ШГЭ 2012: 52–53];

Алты аастыг қызыл қырчын сыбысқаны / Изебинең шығарып ал, / Эре көже ташты, / Сыбысқазын тартып келип, / Ыш қада айландыра пас парды ‘С шестью голосами дудочку из красного тальника / Из кармана достав, / Каменную статую, на дудочке играя, / Трижды по кругу обошел’ [ШГЭ 2012: 76–77];

Сында-сында сынмачақ, / Сыбысқа тартсам – алымда ‘На горной гряде рябчик. Поманю манком – передо мной будет’ [ДШ: 268, 269].

5. СЫГЫРТКЫШ

Другая шорская лексема, обозначающая духовой инструмент (‘свисток’), *сыгыртқыш* [ШРС: 130] ~ *сыгыртқаш* [ШРС: 50], мотивирована глаголом *сыгыр*= ‘свистеть’ [ШРС: 50] < д.-т. *sīqir*- ‘свистеть’ [ДТС: 505].

В обзоре М. Рясенена приводятся данные из телеутского, шорского языков и языка барабинцев: tel., sor. *syırtky*, bar. *syırtkyc* ‘свисток’ (‘Pfeife’), которые мотивированы глаголом **sy:kyr* ‘свистеть’ (‘pfeifen’) [Räsänen 1969: 416].

Этот глагол, вслед за М. Рясененом, Э.В. Севортян считает праформой [ЭСТЯ 2003: 385].

Анализируя морфемный состав лексемы, Э.В. Севортян подчеркивает наличие в ее структуре аффикса понудительного залога: от побудительной формы глагола *сыгыр-* ‘свистеть’ производятся названия орудия действия – свистка: кюр. *сыкырткы* ~ *сыккырткы* [Р IV: 609], тел., шор. *сыгыртқы* [Р IV 618], кирг. *чынырткы*, баш. *һызгырткыс*, саг., койб. *сыгырткыс*, бар. *сыгырткыц*, хак. *сыгыртас* [ЭСТЯ 2003: 386–387], а также: алт. *сыгыртқыш* ‘свисток’ [ОРС: 523], тув. *сыгырткы* ‘свисток’ [РТувС: 523], уйг. *һушқитқуч* ‘свисток’ [РУйгС: 1152]. В тофаларском языке: *сыгырт* = побуд. от *сыгыр* = ‘заставить свистеть, насвистывать ~ пищать ~ играть на флейте’ [ТофРС: 374]. В нашей выборке пока отсутствуют примеры с лексемой *сыгыртқыш*.

6. ШАҢ

Денотат лексемы *шаң* ‘колокол’ – самозвучащий инструмент, который также называют ударным, источником звука является тело самого инструмента.

Шорская лексема *шаң* ‘колокол’ [ШРС: 67] восходит к д.-т. *цаң* [ДТС: 139]. В тюркских языках наблюдаются зоны использования лексем, обозначающих ‘колокол’. В одну зону входят языки, в которых рассматриваемое значение базируется на древнетюркской лексеме *цаң*, зафиксированной в древнетюркских текстах (*Сув* и *МК*). Лексема *цаң* (<кит. ‘музыкальный инструмент вроде гонга’) обозначает 1) ‘колокольчик’ (*Сув* 27₁₈); 2) ‘тарелки’ (ударный музыкальный инструмент) (*МК* 600₁₂) [ДТС: 139]. В зону языков распространения рефлексов лексемы *цаң*, кроме шорского, входят: тел. *шаң*, алт. *шаң*, хак. *саң*, тур. *çan* [ТелРС: 103; ОРС: 185; ХРС: 444; ХРИЭС: 108; РТурС: 331]; тоф. *шаң* ‘тонкая луженая белая жезь’ [ТофРС: 534].

М. Ряснен отмечает, что данная лексема наличествует в языках: uig. *çag*, kaz. *цаң*, osm. *çan*, tob. tat. *caң*, oig. *şan*, çuv. *çan*. Она имеет два значения: ‘колокол’ и ‘колокольный звон’ (‘Glocke’, ‘Glockenton’), в якутском языке: jak. *цаң*, *ца:η* ‘сплав красной меди и олова’, ‘бронза’. Ссылаясь на Г. Рамстедта, автор указывает на источник заимствования: *цаң* ‘Musikinstrument’ < pers. *çang* [Ramstedt 1935: 421; Räsänen 1969: 99].

В другой зоне для обозначения колокола употребляются лексемы, восходящие к *qoңraуи* ‘колокольчик’, ‘бубенчик’ (*МК* II 358) [ДТС: 456]. В эту зону входят тув. *коңга*, кирг. *коңгуроо*, каз. *коңырау*, баш. *кыңгырау*, тат. *кыңгырау* [ТувРС: 222; КиргРС: 403; КазТС: 341; РБашС: 473; РТатКрС].

Основа *цаң* все же представлена в «зоне *qoңr*» в составе лексем кирг. *шаңгыра* = ‘звенеть’ [КиргРС: 900], тат. *чәнчү* – ‘бить в колокол’ [РТатКрС], башк. *шөңгөр* ‘бубен’ [СМузТ: 208]. В уйгурском языке в значении ‘колокол’ используются лексемы – аналоги обеих древнетюркских: уйг. *жәң*, *қоңғурақ* [РУйгС: 490].

В нашей выборке из шорских текстов имеется три примера с лексемой *шаң* ‘колокол’. В найденных контекстах слово *шаң* ‘колокол’ является основой сравнения для описания звучания другого музыкального инструмента, для описания звучания речи, а также для описания характера движений предмета (камня):

Четтон тиллиг талай қомустуң үнү алтын шаң-че шабылча [ШФ: 126] ‘Звук имеющего семьдесят языков море-комыса разносится, словно золотые колокола звенят’ [ШФ: 127];

Алтын Арыг айтқан сөзи, / Ыстүнгизи ақ чарықты текши толдыр, / Улыг шаң-че шавылганы пилдирди <...> [БТ: 12] ‘Слова, произнесенные Алтын Арыг, / Верхний светлый мир заполнив, / Колокольным звоном разнеслись <...>’;

Пир шаң ошқаш таш азылып қыйбыраан турчуган ‘Один повешенный камень качался, как колокол’ [ШФ: 256, 257].

7. ТҮҮР

Денотат шорской лексемы *түүр* ‘бубен шамана’ [ШРС: 57] – артефакт – перепончатый инструмент, относящийся к ударным: источником звука служит натянутая перепонка, по которой ударяют колотушкой.

Родственные лексемы, имеющие значение ‘бубен’, распространены в сибирских тюркских языках: хак. *түүр*, тел. *түңүр*, алт. *түнүр*, тоф. *дүңгүр*, *түңгүр*, тув. *дүңгүр* [РХС: 697; ХРИЭС: 161; ТелРС: 89; ОРС: 162; ТофРС: 419, РТувС: 51].

Эта лексема отмечена в работе [Räsänen 1969: 505]: *atu., uig., sag., oig. tiiñür kmd. tür soj. dññgür jak. tiiñür, tügür, dññür, dügür* ‘бубен шамана’ (‘Schamanentrommel’). Древнетюркская лексема *tiiñür* ‘бубен шамана’ упоминается в работе [Окладников 1947: 118]. В башкирском языке лексема *шөңгөр* ‘бубен’ [СМузТ: 208] созвучна лексемам с таким же значением в тувинском, тофаларском, алтайском и телеутском языках, а также с монгольской лексемой *цуур*, обозначающей другой музыкальный инструмент – дудку [РМонгС: 128].

А.П. Окладников, делая обзор музыкальной культуры якутов и связывая использование бубна в шаманской практике с обращением к небесным силам, указывает на фонетическую близость лексем, названий шаманского бубна у сибирских тюрков (*дюнгюр* ~ *тюнгюр*), с названиями грома (*дюнгда*) и неба (*тенгри*) [Окладников 1947: 119–121].

В тюркских языках других регионов лексемы, обозначающие ‘бубен’, имеют иное происхождение: тур. *tef*, тат. *дэф*, уйг. *дап*, каз. *даң*, *дабыл* [РТурС: 60; РТатКрС; РУйгС: 75, РКазС: 72].

Лексема *түүр* выполняет особую художественную и идеологическую роль в языке современного шорского социума. Эта лексема стала символом самобытной, но исчезающей шорской культуры:

Өксүс ай азылча тегриде, / чагыс түүр ош, / Қамнапчаң ла кижги / но черде паза чоқ ‘Месяц-сирота к небу подвешен, / как единственный бубен, / но камлать с ним на этой земле больше некому’ [Тудегешева 2000: 148];

Шаманскому бубну и судьбе несостоявшегося шамана посвящен рассказ Н. Бельчегешева «*Қам түүрү*» (‘Бубен шамана’) [Бельчегешев 2000: 284–288], соответственно, в этом тексте лексема *түүр* частотна.

В шорском фольклоре малых форм есть загадка о шаманском бубне, опубликованная Н.П. Дыренковой в 1940 г.:

Қайа соо қылыр-қалтыр, қайыш чүген чылтыр-чалтыр (қам түүрү) ‘Зад скалы дрожит-трепещет, ременная узда светится-блестит’ [ШФ: 350–351].

Эта загадка включена в сборник 2008 года [ДШ: 349], что может свидетельствовать о стремлении представителей шорской культуры сохранить эту лексему как часть своей истории (о лексике шаманских практик см. [СИГТЯ 2006: 621–625], о шорских шаманах и текстах камланий см. [Арбачаков, Арбачакова 2004; Арбачакова 2010], о мелодике шорских камланий – [Сыченко 2010]).

Заключение

Шорские лексемы, обозначающие музыкальные инструменты, относятся к общетюркскому лексическому фонду. Выбор языков для сопоставления обусловлен задачей исследования – выявить статус шорского языка в составе тюркских языков региона (т. е. Саяно-Алтая) и прилегающих территорий. Примеры из древнетюркских языков призваны осветить историческую связь шорского языка с языками-предшественниками. Данные из татарского, башкирского и турецкого языков использовались как маркеры культурно-исторических и языковых зон тюрков. В прилагаемую таблицу внесены фонетические инварианты лексем. Лексическое значение языковых единиц в таблице также относится к инвариантным. Знак (–) обозначает, что сведения не получены. Поскольку в задачу исследования входило обнаружение лексем, родственных шорским, в таблицу не вносились все имеющиеся названия музыкальных инструментов из сопоставляемых языков.

Шорские лексемы, обозначающие музыкальные инструменты, на фоне лексики других тюркских языков

	1	2	3	4	5	6	7
рус.	<i>комус</i>	<i>манок</i>	<i>труба</i>	<i>дудка</i>	<i>свисток</i>	<i>колокол</i>	<i>бубен</i>
шор.	<i>қомус</i>	<i>эдиски</i>	<i>пырғы</i>	<i>сыбыска</i>	<i>сығыртқыш</i>	<i>шаң</i>	<i>түўр</i>
тел.	<i>қомыс</i>	<i>эдиски</i>	<i>пырғы</i>	<i>сыбысқы</i>	<i>сығыртқы</i>	<i>шаң</i>	<i>түңүр</i>
хак.	<i>хомыс</i>	–	<i>пырғы</i>	<i>сыбысхы</i>	<i>сығыртас</i>	<i>саң</i>	<i>түўр</i>
алт.	<i>қомус</i>	<i>эдиске</i>	<i>шоор</i>	–	<i>сығыртқыш</i>	<i>шан</i>	<i>түңүр</i>
тув.	<i>хомус</i>	<i>эдиски</i>	<i>бүрээ</i>	–	<i>сығыртқы</i>	<i>коңга</i>	<i>дүңгүр</i>
тоф.	<i>һобус</i>	<i>эътіски</i>	<i>шоор</i>	–	<i>сығырт=</i>	<i>шаң</i>	<i>дүңгүр</i>
уйг.	<i>qo:buz</i>	–	<i>канәй</i>	–	<i>һүшқитқуч</i>	<i>жәң, қоңгурақ</i>	<i>дап</i>
кир.	<i>комуз</i>	–	<i>чоор</i>	<i>сыбызгы</i>	<i>чынырткы</i>	<i>коңгуроо</i>	<i>доол, др.</i>
каз.	<i>кобыз</i>	–	<i>керней</i>	<i>сыбызгы</i>	–	<i>қоңырау</i>	<i>даң, дабыл</i>
баш.	<i>комуз</i>	–	<i>борго</i>	<i>һыбызгы</i>	<i>һызғырткыс</i>	<i>кыңғырау</i>	<i>шөңгөр</i>
тат.	<i>кубыз</i>	–	<i>бырғы</i>	<i>сыбызгы</i>	–	<i>кыңғырау</i>	<i>дәф</i>
тур.	<i>qoruz</i>	–	<i>boru</i>	<i>sipsi</i>	–	<i>çap</i>	<i>tef</i>
д.-г.	<i>qobuz</i>	–	<i>boruuj</i>	<i>sibizyu</i>	<i>siqir-</i>	<i>çap</i>	<i>tiñiir</i>

Сокращения

Языки и диалекты

алт. – алтайский

бар. – язык барабинских татар

баш. – башкирский

д.-г. – древне(-)тюркский

каз. – казахский

кирг. – киргизский

кит. – китайский

кюэр. – кюэритский

кбал. – карачаево-балкарский	тат. – татарский
ккал. – каракалпакский	тел. – телеутский
койб. – койбальский диалект хакасского языка	тоф. – тофаларский
кум. – кумандинский	тув. – тувинский
монг. – монгольский	тур. – турецкий
ног. – ногойский	уйг. – уйгурский
рус. – русский	хак. – хакасский
саг. – сагайский диалект хакасского языка	шор. – шорский

Общие

диал. – диалектное	охот. – охотничий термин
муз. – музыкальный термин	побуд. – побудительное наклонение

Литература

- Арбачаков, Арбачакова 2004 – *Арбачаков А.Н., Арбачакова Л.Н.* Шаманы Горной Шории: Этнографические очерки и тексты камланий. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2004. {*A.N. Arbachakov & L.N. Arbachakova. Shor shamans: Ethnographic essays and shamans' praying texts. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost', 2004*}
- Арбачакова 2001 – *Арбачакова Л.Н.* Оңзас черим. Тернии души. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2001. {*L.N. Arbachakova. Oңzас čerim. My soul's striving Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost', 2001.*}
- Арбачакова 2010 – *Арбачакова Л.Н.* Фольклорные традиции шорцев // Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 2010 годов / Сост. Л.Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. С. 11–40. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29) {*L.N. Arbachakova. The Shor people's traditions. // In: Shor Folklore in Recordings of 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 2010. / L.N. Arbachakova. Novosibirsk: Nauka. P. 11–40. (The Monuments of Folklore of Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 29).*}
- БашРС – Башкирско-русский словарь. Башкортса-русса һүзлек. М.: Дигора, Русский язык, 1996. {*Bashkir-Russian Dictionary. Moscow: Digora, Russkiy yazyk, 1996.*}
- Бельчегешев 2000 – *Бельчегешев Н.Е.* Наа-эски чурт. Небесная Мрассу. Сборник стихов. Новокузнецк, 2000. {*N.E. Bel'chegeshev. Naa-eski churt. Nebesnaya Mrassu. Sbornik stikhov [New Old Homeland. The Heavenly Mrassu. Selection of poems]. Novokuznetsk, 2000.*}
- БСЭ – Большая советская энциклопедия. 2 изд. М.: Гос. науч. изд. «Большая советская энциклопедия». Т. 21, Т. 22, 1958. {*The Big Soviet Encyclopaedia. 2nd edition. Moscow: The State Scientific Publishing House "The Big Soviet Encyclopaedia". Volume 21, Volume 22. 1958.*}
- БТ – *Токмашов Б.И.* Қаан Оолақ. Богатырское сказание кондомских шорцев. Новокузнецк: Кузбасская гос. пед. академия, 2009. {*B.I. Tokmashov. Qaan Oolaq. The Kondom Shor Heroic Saga. Novokuznetsk: Kuzbass State Pedagogical Academy, 2009.*}
- ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Боровкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Летягина Н. И., Тугушева Л. Ю. Л.: Наука, 1969. {*V.M. Nadelyayev & D.M. Nasilov & E.R. Tenishev & A.M. Shcherbak & T.A. Borovkova & L.V. Dmitriyeva & A.A. Zyrin & I.V. Kormushin & N.I. Letyagina & L.Yu. Tugusheva (eds.) An Old Turkic Dictionary. Leningrad: Nauka, 1969.*}
- ДШ – Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А.И. Чудоякова. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. {*The Spiritual Shoria. Shor folklore put down by prof. A.I. Chudoyakov and other texts from his archive]. Kemerovo: The Publishing and Polygraphic House "Kuzbass", 2008.*}
- Дыренкова 1940 – *Дыренкова Н.П.* Предисловие. Вступительная статья // Шорский фольклор. М.–Л.: АН СССР, 1940. С. III–XXXIX {*N.P. Dyrenkova. 1940. Preface. Introduction. // The Shor Folklore. Moscow–Leningrad: The Academy of Sciences of the USSR, 1940. PP. III – XXXIX.*}
- КазТС – Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Толковый словарь казахского языка. 2 Том. Алматы: Қазақ ССР Ғылым Академиясының баспасы, 1961. {*Qazaq tiliniñ tüsindirme sözdigi. Kazakh explanatory dictionary. Volume 2. Almaty: Qazaq SSR Gylym Akademiyasynuñ baspasy. (The Publishing House of the Kazakh SSR Academy of Sciences, 1961.)*}

- КиргРС – Киргизско-русский словарь. Кыргызча-орусча сөздүк. Составил проф. К. К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965. {Kyrgyzča-orusça sözdük. Kirghiz-Russian Dictionary. Edited by K.K. Yudakhin. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopædia), 1965.}
- Косточаков 1994 – *Косточаков Г.В.* Ала тагларым. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. {G.V. Kostochakov. Ala taglarym. My motley mountains. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost', 1994.}
- Кусургашев 1995 – *Кусургашев А.В.* Такпак // Ўлгер. Қыырчаң ном. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995. С. 44. {Kusurgashev, A.V. *Такпак* [Short Songs]. In: *Ўлгер. Қыырчаң ном*. P. 44. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House, 1995.}
- МК – Махмуд ал Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / Пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. Т.В. Кормушина, прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. М.: Вост. лит., (Памятники письменности Востока. СХХVIII). Т. I, 2010; т. II, 2016. {Maḥmūd al-Kāshgārī. Dīvān Luḡāt at-Turk (The Compendium of Turkic words). / A.R. Rustamov (transl. from arab.; commentaries), I.V. Kormushin (commentaries, ed.), Ye.A. Potseluyevskiy (commentaries, ed.). Moscow: Vostochnaya literatura, (The Written Monuments of Orient. СХХVIII). Volume 1, 2010; Volume 2, 2016.}
- Назаренко 1989 – *Назаренко Р.Б.* Классификация лютен народов Южной Сибири // Инструментальная музыка народов Поволжья, Урала и Сибири: Тез. докл. и сообщений Всесоюз. конф. (по полевым и архивным материалам). Йошкар-Ола, 1989. С. 23–25. {R.B. Nazarenko. The classification of lutes of peoples in Southern Siberia. The theses of reports and notes of the All-Union Conference (according to field and archaic materials). Yoshkar-Ola, 1989. P. 23–25.}
- Назаренко 1998 – *Назаренко Р.Б.* О средствах музыкальной выразительности в шорском героическом эпосе «Кан Перген» // Шорские героические сказания. Москва – Новосибирск: Наука, 1998. С. 34–45. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 17). {R.B. Nazarenko. Musical expressiveness of the Shor saga “Kan Pergen” // Shor Heroe Epic Tales. / Moskva–Novosibirsk: Nauka, 1998. PP. 34–45. (Monuments of Folklore of Siberian and Far East Peoples. Vol. 17).}
- Окладников 1947 – *Окладников А.П.* Из области древней культуры якутов // Советская этнография, 1946. С. 113–122 {A.P. Okladnikov. Some Facts from the Ancient Yakuts' History. // Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography), 1946, No. 3, PP. 113–122}
- ОРС – Ойротско-русский словарь. Сост. Н.А. Баскаков и Т.М. Тошчакова. Под общей ред. Н.А. Баскакова. Москва: ОГИЗ Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1947. {N.A. Baskakov (edited), N.A. Toshchakova (compiled by). Oyrot-Russian Dictionary. Moscow: OGIz The State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1947.}
- РБашС – Русско-башкирский словарь. Под ред. академика З.Г. Ураксина. Том 1. А – О. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2005. {Russian-Bashkir Dictionary. Edited by Academician Z.G. Uraksin. Volumes 1, 2. Ufa: Nauchnoye izdatel'stvo «Bashkirskaaya entsiklopediya» (The Scientific Publishing House “The Bashkir Encyclopaedia”, 2005.}
- РКазС – Орысша-Қазақша сөздік. Русско-казахский словарь. В 2-х томах. Алматы: Қазақ Совет Энциклопедиясының Бас Редакциясы. 1978. {Oryssa-Qazaqsha sözdik. Russian-Kazakh Dictionary. Volumes 1, 2. Almaty: Qazaq Sovet Entsiklopediyasynuñ Bas Redaktsiyasy (The Head Editorial Office of the Kazakh Soviet Encyclopaedia, 1978.}
- РМонгС – *Дамдинсүрен Ц., Лувсандэндэв А.* Орос монгол толь. Русско-монгольский словарь. Улан-Батор: Госиздат, 1984. {Ts. Damdinsüren & A. Luvsandendev. Oros mongol tol'. Russian-Mongol Dictionary. Ulaan-Baator: Gosizdat (The State Publishing House), 1984.}
- РТатКрС – Русско-татарский краткий словарь. Все для изучения татарского языка // www.tugan-tel.com {Russian-Tatar concise Dictionary. Everything to acquire the Tatar language. In: www.tugan-tel.com.}
- РТувС – Русско-тувинский словарь. Под ред. А.А. Пальмбах. Москва: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1953. {Russian-Tuvan Dictionary. Edited by A.A. Palmbach. Moscow: The State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1953.}
- РТурС – *Мустафаев Э. М.-Э., Щербинин В.Г.* (сост.) Русско-турецкий словарь. Rusça-türkçe sözlük. М.: Советская энциклопедия, 1972. {E.V.-E. Mustafaev & V.G. Shcherbinin. Russian-Turkish Dictionary. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1972.}
- РУйгС – Русско-уйгурский словарь. Под ред. Т.Р. Рахимова. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1956. {Russian-Uighur Dictionary. Edited by T.R. Rakhimov. Moscow: The State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1956.}

- СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. {Historical and Comparative Grammar of Turkic Languages. Lexics. Moscow: Nauka, 1997.}
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский языко-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. {Historical and Comparative Grammar of Turkic Languages. Basic Turkic language – predecessor. The worldview of the ethnic predecessors of Turks according to the language data. Moscow: Nauka, 2006.}
- СМузТ – Словарь музыкальных терминов на русском и башкирском языках. Уфа: Китап, 1997. {SMuzT = Russian-Bashkir Dictionary of music terms. Ufa: Kitap, 1997.}
- Сыченко 2010 – Сыченко Г.Б. Музыкально-поэтические традиции шорского фольклора // Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 2010 годов / Сост. Л.Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. С. 41–68. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 29). {G.B. Sychenko. 2010. Musical and poetical traditions of the Shor folklore. // The Shor Folklore in Recordings of 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 2010 / Edited by L.N. Arbachakova. Novosibirsk: Nauka. PP. 41–68. (The Monuments of Folklore of Siberian and Far East Peoples. Vol. 29).}
- ТелРС – Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигаешева Н.А. Телеут-орус сөзлик. Телеутско-русский словарь. Науч. ред. Н.Н. Ширококова. Кемерово: АО Кемеровское книжное издательство, 1995. {L.T. Ryumina-Syrkashева & N.A. Kuchigasheva. Teleut-orus sözlik. Teleut-Russian Dictionary. Edited by N.N. Shirobokova. Kemerovo: The Joint-Stock Company “Kemerovskoye knizhnoye izdatel’stvo”, 1995.}
- ТофРС – Рассадин В.И. Тофаларско-русский словарь. Тоъфа-орус сооттары. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. {V.I. Rassadin. Tofa-Russian Dictionary. Moscow: YaSK Publishing House, 2016.}
- ТувРС – Тувинско-русский словарь. Под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. {E.R. Tenishev. (ed.). Tuva-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1968.}
- Тудегешева 2000 – Тудегешева Т.В. Поющие стрелы времен. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2000. {T.V. Tudegesheva. The singing arrows of time. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepост’, 2000.}
- ХРИЭС – Бутанаяев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Лаборатория этнографии НИЧ ХГУ, 1999. {V.Ya. Butanayev. Khakas-Russian History and Ethnography Dictionary. Abakan: The Ethnographic Laboratory of Scientific and Research Deal of the Khakass State University, 1999.}
- ХРС – Хакасско-русский словарь. Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. {Khakas-orys söstik. Khakass-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2006.}
- Чиспияков 1995 – Чиспияков Ф.С. Шолбан // Ёлгер. Қыырчаң ном. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995. С. 78–103. {F.S. Chispiyakov. 1995. Şolban [Venus]. In: Ёlger. Qyurçaң nom. Kemerovo: Kemerovo Book Edition House. PP. 78–103.}
- Чудояков 1995 – Чудояков А.И. Чооғаштар // Ёлгер. Қыырчаң ном. Кемерово: Кемеровское кн. изд., 1995. С. 39–76; С. 109–171. {A.I. Chudoyakov. 1995. Çoogaştar (Short tales). // Ёlger. Qyurçaң nom. Kemerovo: Kemerovo Book Edition House. PP. 39–76; 109–171.}
- ШГС – Шорские героические сказания / Вступительная статья, подготовка поэтического текста, перевод, комментарии А.И. Чудоякова; музыковедческая статья и подготовка нотного текста Р.Б. Назаренко. Москва – Новосибирск: Наука, 1998. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 17). {The Shor Hero Sagas. / The introductory article, preparation of the poetic text, translation, and commentaries by A.I. Chudoyakov; Musicology article and preparation of the musical notation by R.B. Nazarenko. Moscow–Novosibirsk: Nauka, 1998. (The Monuments of Folklore of Siberian and Far East Peoples. Vol. 17).}
- ШГЭ 2012 – Шорский героический эпос. Том 3 / Сост., подгот. к изд., статьи, пер. на рус. яз., приложения, примеч. и коммент. Д.А. Функа. Кемерово: ООО «Примула», 2012. {Shor heroic epos. Volume 3 / Compiling, commentaries, edition, translation into Russian by D.A. Funk. Kemerovo: The Limited Liability Company “Primula”.}
- ШРС – Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шор-казақ пазоқ қазақ-шор үрге́диг сөстүк. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1993. {N.N. Kurpeshko-Tannagashева & F.Ya. Apon’kin. Şor-qazaq pazoq qazaq-şor үrgédig söstүk. Shor-Russian and Russian-Shor Dictionary for students. Kemerovo: Kemerovo Book Edition House, 1993.}

- ШФ – Шорский фольклор. Записи, пер., вступ. статья и прим. Н.П. Дыренковой М.–Л.: АН СССР, 1940. {The Shor Folklore. Fixation, translation, introductory article, and commentary by N.P. Dyrenkova. Moscow–Leningrad: The Academy of Sciences of the USSR, 1940.}
- ЭСТЯ 1978 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские лексические основы на букву «Б». М.: Вост. лит., 1978. {*E.V. Sevortyan.* The Etymological Dictionary of Turkic languages. Common Turkic, inter-Turkic roots beginning with letter “B”. Moscow: Vostochnaya literature.}
- ЭСТЯ 2000 – *Левитская Л.С., Благова Г.Ф., Дыбо А.В., Рассадин В.И.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские лексические основы на букву «Қ». М.: Вост. лит., 2000. {*L.S. Levitskaya & G.F. Blagova, & A.V. Dybo, & V.I. Rassadin.* Etymological Dictionary of Turkic languages. Common Turkic, inter-Turkic roots beginning with letter “Q”. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000.}
- ЭСТЯ 2003 – *Левитская Л.С., Благова Г.Ф., Дыбо А.В., Насилов Д.М.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Вост. лит., 2003. {*L.S. Levitskaya & G.F. Blagova & A.V. Dybo & D.M. Nasilov.* Etymological Dictionary of Turkic languages. Common Turkic, inter-Turkic roots beginning with letters “L”, “M”, “N”, “P”, “S”. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003.}
- Bang NV – Willi Bang-Kaup.
- Brockelman 1954 – Brockelman, C. *Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens.* Leiden, 1954.
- Clawson 1972 – Clawson, G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish.* Oxford, 1972.
- Doerfer, G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen.* Wiesbaden, 1963, I; Wiesbaden, 1965, II; Wiesbaden, 1967, III. (the source was used for preparation)
- Ramstedt 1935 – Ramstedt G.J. *Kalmükisches Wörterbuch.* Helsinki, 1935.
- Räsänen 1969 – Räsänen, Marti. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türkisprachen.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969.

THE SHOR NAMINGS OF MUSICAL INSTRUMENTS AS A LEXICAL SET

Irina V. Shentsova

Novosibirsk

Summary: Nowadays Shor, the language of the indigenous people of southern Siberia, is in the process of revitalization. Shor is being taught at schools and at the university. Speakers of Shor has got the possibility to create works in their mother tongue. It appears quite necessary to systematize the Shor language data for practical and scientific use.

Vocabulary is usually looked upon as a firm base for a language preservation and its further development. The thematic presentation of the vocabulary allows to solve a lot of problems of language study and its theoretic description.

This paper deals with a set of Shor lexemes denoting musical instruments. Those lexemes have been chosen from all printed editions of the original Shor literature (folklore and authors' poems and prose).

The description includes examples from Turkic languages of Sayan-Altai and neighboring regions and from ancient Turkic languages. The contexts included in the paper are aimed to give more information of the lexemes' usage.

The language data of this paper can be useful for didactics, writing practice, lexicography, for further research especially in the field of historical and comparative linguistics.

Keywords: lexicology, lexicography, vocabulary, lexical set, context, Siberian Turkic languages, Shor.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

М.Г. Усманова

г. Уфа

Резюме: Статья посвящена исследованию образования и функционирования формы причастия прошедшего времени на **-ған** в башкирском языке. На многочисленных примерах из литературных, фольклорных текстов и народного языка доказывается многоплановость употребления причастия на **-ған** с точки зрения как использования его в значении различных частей речи, так и выполнения им функции разных членов предложения. Автором оспаривается общепринятая точка зрения о возможности употребления так называемых форм причастий настоящего времени на **-ыусы** в контексте прошедшего времени, а также обосновывается неприемлемость сложной формы на **-ғанлык** в современном башкирском языке.

Ключевые слова: башкирский язык, глагол, причастие, прошедшее время, аффикс, субстантивация, имена действия

Причастие в башкирском языке – неличная форма глагола, которая образуется от основы глагола при помощи специальных аффиксов и обозначает признак предмета и явления в динамике, процессуально: *эшләгән* ‘работающий; работававший’, *килгән* ‘пришедший’, *килә яткан* ‘идуший’.

В отличие от других неличных форм глагола причастие имеет временную характеристику. В кыпчакских языках форма на *-ған* легла в основу прошедшего результативного времени – перфекта [СИГТЯ 1988: 457].

Причастие прошедшего времени выражает признак предмета по его действию и состоянию в прошлом. В башкирском языке, как и в других кыпчакских языках, причастие прошедшего времени представлено одной формой – формой на **-ған** (варианты: **-гән**, **-кан/-кән**), которая присоединяется к основе глагола: *каты бешикән йомортка* ‘сваренное вкрутую яйцо’, *кушкан эш* ‘порученное дело’, *булган хәл* ‘случившееся событие’, *без һойләшикән кеше*: 1. ‘человек, с которым мы разговаривали’; 2. ‘человек, с которым мы договорились’.

Усманова Минсылу Губайтовна – доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; e-mail: usmanova.minsylu@mail.ru

Отрицательная форма образуется при помощи частицы **-ма/-мә**, которая ставится перед аффиксом **-ган**: *тикшерелгән ишиа* 'проверенное сочинение', *тикшерелмәгән ишиа* 'непроверенное сочинение'; *кайнаган һыу* 'кипяченая вода', *кайнамаган һыу* 'некипяченая вода', *тапшырылган хат* 'письмо, которое было вручено (адресату)', *тапшырылмаган хат* 'письмо, которое не было вручено'. В некоторых случаях отрицание выражается частицей **түгел** 'не', которая ставится после слова, определяемого причастием: *Бер зә ишеткән нәмә түгел* (Р. Байымов) 'Об этом ничего не слышал'; *Был мин калдырган китап түгел* 'Это не та книга, которую я оставил'.

Причастие прошедшего времени в языке башкир очень употребительно. В одном предложении может быть несколько причастий. Например: *Һөйләгән сагында башын уңга ла, һулга ла бороп, язаштарына диккәт менән текләп алырга яраткан Хәбибйән агаһы уны ғына түгел, һәр кемде күрә, хатта кемдең нәмә тураһында уйлаганын да һизә* (Ф. Акбулатова) 'Любящий при разговоре поворачивать голову то налево, то направо, внимательно разглядывать своих однопольчан дядя Хабибьян видит не только его, а каждого, даже чувствует, кто о чем думает'; *Тағы бер азган һуң уларзың кузгалышкан, үбешеп күрешкән, хушлашкан, сығып киткән тауыштары ишетелде* (Н. Дәүләтшина) 'Через некоторое время было слышно, как они засобирались домой, целуясь, прощались, ушли'; *Улар арты орлоктар тейәлгән, азыктар һалынган, кешеләр ултырган бер нисә арба, улар менән катар һыбайзар, шулар араһында агроном менән Алтынбай аттарын аяңлатып баралар* (Н. Дәүләтшина) 'За ними движутся телеги, груженые семенами, провизией и людьми, рядом с ними едут всадники, среди них агроном и Алтынбай на лошадях, бегущих мелкой рысью'; *Ауылдан киткәне бирле уның тамағы рәтләп туйғаны юк* (С. Агиш) 'После отъезда из деревни он жил впроголодь'.

Причастие прошедшего времени в языке может выполнять несколько функций. В частности, оно выступает в функции 1) атрибута (признака), или определения; 2) атрибута, повышенного до вершины именной группы (субстантивированного); 3) имени действия.

1. Причастие прошедшего времени в функции *определения*. Как известно, основная функция причастия, как и прилагательного, – выступать в роли определения. При *атрибутивном* употреблении определяемым причастия на **-ган** выступают слова, обозначающие:

а) субъект действия, выраженного причастием: *Озатырга һалдаттан кайткан Фәтхи барган* (С. Агиш) 'Провожать поехал вернувшийся из армии Фатхи'; *Илде кан илаткан залимдар халыктың изге азатлык көрәшен „бунт“, „воровство“ тип, көргәи башындагы батырзарзы „вор“ тигән* (Әкрәм Бейеш) 'Тираны, заставившие страну лить кровавые слезы, священную борьбу народа за свободу посчитали «бунтом», «воровством», а батыров, стоящих во главе этой борьбы, назвали «ворами»; *Ватан һугышы тарихында хәрби медицина хезмәткәрзәренә бирелгән тәүге югары исем был* (Р. Өмөтбаев) 'Это первое высокое звание, данное военным медицинским работникам во время Отечественной войны';

б) объект действия, выраженного причастием: *Ир кешегә зйәрле ат бүләк иткәнде күреп үскәнмен* (З. Бишева) 'В мое время мужчине дарили оседланного

коня»; *Шогай тимә, мин Шогайып, мулла кушкан исемем бар минең* (С. Агиш) 'Не говори Шогай, я Шогаип, у меня есть нареченное муллой имя';

в) место действия, выраженного причастием: *Сәлих йәһәт кенә тимерзе Хәлкәс карт кушкан ерзән тотоп алды* (С. Агиш) 'Салих быстро схватил железо за то место, за какое велел старик Халкас';

г) время протекания действия, выраженного причастием: *Етмәһә, атайыңа санаторийға киткән сакта: "Атай, урманьң өсөн кайгырма"*, – *тигәйне* (Р. Байбулатов) 'Отцу, когда он уезжал в санаторий, сказал: «Отец, за лес не переживай»'; *Эшләгәндә йөрәгең елкенһен, ашаганда колагың һелкенһен* (поговорка) 'Когда работаешь, пусть сердце вдохновенно стучит, а когда ешь – пусть уши шевелятся'.

2. Причастие прошедшего времени в функции *атрибута, повышенного до вершины именной группы (субстантивированного)*. Причастие прошедшего времени может употребляться и без определяемого слова, т. е. существительного. В данном случае само причастие начинает выполнять функцию существительного, т. е. причастие прошедшего времени без определяемого слова подвергается контекстуальной *субстантивации*, при этом оно принимает аффиксы падежа, числа и принадлежности. Эту функцию *причастия прошедшего времени* в своих трудах отметили башкирские ученые – академик М.В. Зайнуллин и профессор К.Г. Ишбаев [Зайнуллин 2002: 202; Ишбаев 2012: 389]. Примеры: *Күп белгән аз һөйләр* (поговорка). 'Кто много знает, тот мало говорит'; *Бер нәмә лә таратмайым, сабата ла яһамайым, ишеткәнемде генә һөйләйм* (С. Агиш) 'Слухи не распространяю, лапти не делаю, рассказываю то, что слышал'. Причастия прошедшего времени субстантивируются в тех случаях, когда замещают субъект или объект выражаемого ими действия; в предложении они выполняют роль подлежащего и дополнения.

Субстантивированное причастие – имя носителя атрибута может употребляться в следующих синтаксических позициях:

1) в функции подлежащего выступает в форме основного падежа: *Ауырыу күрмәгән һаулыктың кәзерен белмәс* (поговорка) 'Никогда не болевший не будет знать цену здоровья'; *Уйламай һөйләгән, ауырымай үлгән* (пословица) *букв.* 'Кто говорит не обдумывая, умирает не болея'; *Айыуға ақыл өйрәткән* – *таяк, йүнһезгә ақыл өйрәткән* – *һабак* (пословица) *букв.* 'Учивший разуму медведя – палка, а учивший бестолкового уму – стебель'; *Пришкыла яраган бында ярамай* (Я. Хамматов) 'То, что можно на прииске, здесь запрещено'.

2) в функции определения выступает в форме притяжательного падежа: *Май ашагандың йөрәге талмай* (пословица) *букв.* 'У того, кто ест масло, сердце не устаёт'; *Кулы кыймылдагандың ауызы кыймылдар* (пословица) *букв.* 'У кого руки работают, у того и рот шевелится' (эквивалент в русском языке: *Не потепаешь, не полопаешь*);

3) в функции дополнения выступает в следующих падежных формах:

а) в форме дательного-направительного падежа: *Һәр башка – бер үлем, яман катын алганға* – *ике үлем* (пословица) 'Каждому одна смерть, а тому, кто женится на дурной женщине – две смерти'; *Алганыңа карап шөкөр ит, алырыңа карап фекер ит* (пословица) *букв.* 'Полученному будь благодарен, размышляй о том, что получишь'

б) в форме винительного падежа: *Күңелгә ятмаганды дуң итмә* (пословица) 'Не дружи с тем, к кому душа не лежит'; *Калаклар йыйганды табаклар түкмә* (пословица) 'То, что накопил ложками, не выливай чашками';

в) в форме исходного падежа: *Алланан куркмагандан курк* (пословица); 'Бойся того, кто не боится Бога'; *Күп йәшигәндән һорама, күп йөрөгәндән һора* (пословица) 'Не спрашивай у того, кто долго жил, спроси у того, кто мир увидел (букв. 'много ездил')';

г) субстантивированное причастие прошедшего времени может принимать аффиксы множественного числа: *Миңә кышлауза ла озак калырға ярамай, – тине ул, бик ауыр көрһөнөп, – күргәндән күрә алмагандар күп* (Я. Хамматов) 'Мне нельзя долго оставаться в зимовье, – сказал он тяжело вздохнув, – ненавидящих больше чем доброжелателей' (можно перевести: 'недрузгов больше, чем друзей'); *Хәреф таныгандар, күзе күргәндәр шунда ук кагыззы бер-беренә кыскырып укырға тотондо* (Н. Фәйетбай) 'Те, кто знал буквы (умел читать), у кого видели глаза, сразу же начали друг другу читать вслух'; *Калгандары шулар кушыуынса йәшәйзәр* (Ф. Дәүләтшин) 'Остальные (букв. оставшиеся) живут по их указке'.

Таким образом, причастия на *-ган* выполняют функции разных членов предложения: в основном, притяжательном, дательном-направительном, винительном и исходном падежах они обозначают субъект действия (действующее лицо или предмет) и выступают в предложении в роли подлежащего, определения и дополнения.

3. Причастие прошедшего времени в функции *имени действия*. На употребление причастия прошедшего времени в функции имени действия первым обратил внимание Н.К. Дмитриев. В частности, он пишет: «По своему смысловому содержанию форма с аффиксом *-ган* и т. д. весьма многогранна: это не только причастие прошедшего времени, о котором мы только что говорили, но и отглагольное имя, указывающее: а) процесс; б) результат действия. В качестве отглагольного имени эта форма обыкновенно осложняется еще аффиксами принадлежности: *алган-ым*» [Дмитриев 1948: 155].

Анализ примеров из художественной литературы дает основание утверждать, что именно причастия на *-ган* очень часто употребляются в функции *имени действия* и являются полноценными обозначениями действия, состояния, явления. Примеры: *Байтак вакыт күрешкәндәре юк* (Н. Алсынбаев) 'Они давно не виделись'; *Без был һүззең кайзан сыкканын беләбез* (С. Агиш) 'Мы знаем, откуда появилась эта весть'; – *Ниңә һин миңә кайза йөрөгәннеңде әйтмәйһең? – тине* (Һ. Дәүләтшина) 'Он спросил: «Почему ты мне не говоришь, где ты ходил (находился)?»»; – *Шулай за, һуңырак булһа ла аңлаганың һәйбәт* (И. Ноғманов) 'Однако хорошо, что ты, хоть и поздно, но понял'.

Исследования ученых показывают, что в кыпчакских языках форма на *-ган* функционирует и на правах глагольного имени, соотносясь с планом и прошедшего, и настоящего времени, а также имеет свойство принимать аффиксы принадлежности и падежные аффиксы, ср. памятник Абу-л-Гази *Män bulgänni* [Конов 1951: 164]. В частности, татарские языковеды Д.Г. Тумашева, Ф.М. Хисамова отмечают, что причастие на *-ган* может выступать и в качестве *имени действия* (глагольного имени) [Тумашева 1978: 141; СИГТЯ 1988: 457; ТГ 1997: 203;

Хисамова 2006: 230], однако в работах башкирских ученых такая информация не содержится [Зэйнуллин 2002: 202–203, 2018: 149; Ишбаев 2012: 389–390 и др.].

Имя действия на *-ган*, как и субстантивированная форма причастия, может изменяться по всем падежам (с аффиксами принадлежности и без них), принимать аффиксы множественного числа. Примеры:

а) в основном падеже: *Минең бер касан да бындай хат алганым булманы* (А. Абдуллин) 'Я никогда не получал такого письма' (букв. 'Моего получения такого письма не было'); *Шунан бирле барылган да юк* (Ф. Дәүләтшин) 'С тех пор и не ходил' (букв. 'С тех пор хождения не было').

б) в притяжательном падеже: – *Анау сакта газетага язгандың да осо сыкманы ахыры, – тип башлаган Хужа* (Ә. Вәли) 'Тогда и в газете писали, но ничего не вышло, – начал Хужа'; *Эсендә йыйылгандың барыһын да әйтте* (Ә. Вәли) 'То, что накопилось внутри, все высказал';

в) в дательном-направительном падеже: *Сәлих Йәғфәровтың кантонға күсеп килгәнәнә өс ай булып китте* (С. Агиш) 'Прошло три месяца как Салих Ягафарович переехал в кантон'; *Телеграммала вагон күрһәтелмәгәнә, улар составтың ике ягына йүгерзеләр* (С. Агиш) 'Так как в телеграмме не был указан вагон, они побежали в оба конца состава'; *Берәү бар – абынганга аяк сала, берәү бар – йығылганда тотоп кала* (поговорка) 'Есть люди, которые споткнувшемуся ставят подножку, другие удерживают, когда падаешь';

г) в винительном падеже: *Ул бер касан да уның шул хәтле ихлас, ярһыу итеп һөйләшкәнән ишеткәнә юк ине* (З. Бишпева) 'Он никогда не слышал, как он откровенно и возбужденно разговаривает'; *Күперзе аша сыкканда, берәүзең һыу инергә әзерләнгәнән күрзе* (С. Агиш) 'Когда переходил через мост, увидел, что один человек собирается купаться';

д) в исходном падеже: *Мәсеттә «Батиша Манифесын» укып ишеттергәнән һуң, Хәбибйәндең атаһы Сәмерхан беренсе булып алга сыккайны* (Ф. Акбулатова) 'После того, как в мечети огласили «Манифест царя», отец Хабибьяна Самархан первым вышел вперед';

е) в местно-временном падеже: *Бөйөк армия кыйралырга тейеш ине! – тине Позднев егетте ерләгәнә* (Ф. Акбулатова) 'Когда хоронили парня, Позднев сказал: «Великая армия должна была быть уничтожена!»'; *Кайтканда төн ине, аяз ине* (С. Агиш) 'Когда возвращались, было темно, безоблачно'; *Шул, Батырша тыкрыгын сыкканда миңә һөжүм ителәр* (С. Агиш) 'Когда выходили через переулочек Батырши, на меня напали'; *Элек яусылар кызга – кейәү, егеткә кәләш эзләгәнә, һиндә көмөш булһа, миндә алтын бар, тип «тауарзарын» мактагандар* (И. Абдуллин) 'Раньше сваты, когда искали девушке жениха, а жениху невесту, хвалили «свой товар»: мол, если у тебя есть серебро, то у меня есть золото'; *Дустың дус икәнә, бәлә килгәнә, беләнә* (поговорка) 'Друга узнаешь, когда приходит беда' (русский эквивалент: *Друзья познаются в беде*); в этой форме причастная группа обычно переводится как придаточное времени;

ж) причастие – имя действия, будучи подлежащим отрицательного предложения, может получать показатель множественного числа: *Улар был мәсьәләне кәрәкле тип уйлагандары ла юк* (Ф. Дәүләтшин) 'Они даже и не думали [= их думания и не было, думание-Pl-3Poss Ptcl отсутствие], что этот вопрос для них будет представлять какой-то интерес'; *Ул хакта һүз кузгаткандары юк* (А. Абдуллин) 'Такого, чтобы они поднимали этот вопрос, не было'.

Итак, причастие на **-ган** принимает падежные аффиксы как при *субстантивации*, так и при употреблении в функции *имени действия*; часто эти употребления формально ничем не отличаются друг от друга. Касательно этого вопроса Ф.М. Хисамова пишет, что субстантивированное причастие чаще всего встречается в формах основного и притяжательного падежей без аффиксов принадлежности, а в значении имени действия данная форма употребляется в основном падеже, как правило, в составе изафетного сочетания II или III типа и сравнительно редко выступает в форме притяжательного падежа. *Иртэ торган эшен бетергэн* (пословица) 'Кто рано встал, тот и работу завершил'; *Шул тиралэ утырганнар иң элек картка, аннары теге егеткэ карап алдылар* (Ф. Хөсни) 'Сидевшие сначала взглянули на старика, а потом на того парня'; *Белмэгәннең беләге авыртмый* (пословица) букв. 'Кто не знает, у того и рука не болит' [Хисамова 1997: 204, 2006: 232] (перевод наш. – М.У.). Как редкое оценивает такое употребление и грамматика Н.К. Дмитриева [Дмитриев 1948: 263].

Эти две функции причастия можно различить следующим образом: за *субстантивированной формой* причастия можно легко восстановить определяемое слово, например, в пословице *Абайламай һөйләгән ауырымай үлгән* (букв. 'Кто говорит не обдумывая, умирает не болея') в качестве определяемого существительного можно привести слово *кеше* 'человек': 'Тот человек, который говорит, не обдумывая, умирает не болея'. Приведем еще примеры: *Дуңгызга эйәргән – баткакка аунаган* (поговорка) 'Идущий за свиньей будет валяться в грязи' (эквивалент в русском: *С кем поведешься, от того и наберешься*); *Иртэ торгандың гүмере озон* (поговорка) 'Рано встающий долго живет' (эквивалент в русском: *Кто рано встает, тому бог подает*). В обоих случаях вслед за субстантивированным причастием подразумевается некий субъект действия («человек», или «тот, который»), при необходимости легко восстанавливаемый. Напротив, если причастие употреблено в значении имени действия, то определяемого слова быть не может: *Санаторийга килгәндең беренсе сәгәттәренән алып барган көндәлектәремде лә теркәнем* (М. Филәжев) 'Приобщил и дневник, который вел с первых часов прибытия в санаторий'.

В большинстве случаев имена действия принимают аффиксы основного, дательного-направительного, винительного и местно-временного падежей: (Осн.) *Ейәнмедән уянып, беззе сакырганы ишетелде* 'Послышалось, как внук проснулся и звал нас'; *Ундай һүззе ишеткәнем дә юксы...* (З. Бишева) 'Такого слова и не слышала'; (Дат.) *Ғүмәрөвтың политбүлеккә килгәнәнә бары егерме генә көн* (С. Агиш) 'Как приехал Гумеров в политотдел, (прошло) только двадцать дней'; (Вин.) *Минең баксанан алып кайтканымды кайзан белдең улайһа?* (Р. Ғабдрахманов) 'Так откуда же ты знал, что я из сада привез?'.

Причастие прошедшего времени на **-ган** в составе сложноподчиненного предложения может быть сказуемым придаточных предложений. При этом оно принимает падежные аффиксы и нередко употребляется с различными послелогами: *сакта*, *бирле* «от, с»; *һуң* «после»; *курә* «ввиду, вследствие того, что...; из-за того, что...»; *һайын* «по мере того, как...; каждый раз, как...; каждый раз ...

когда»; *тиклем* «до, вплоть до» и др. Примеры: *Алтынбикә был һүзәрән әйткәндә, сәсрәтә басып, ялан кәртәнән урамга сығып бара ине инде* (З. Биешева) 'Когда Алтынбика произносила эти слова, она уже решительными и быстрыми шагами выходила с загона во двор'; *Егет менән кыз театр алдындағы майзансыкка килеп сыкканда, тамашасылар әллә қасан таралышып бөткәйне инде* (И. Акьюлов) 'Когда парень с девушкой вышли на площадь перед театром, зрители уже давно разошлись'; *Ләкин әле ишеткән курқыныс хәбәр тураһында кемгә лә булһа әйтеү башына ла килмәне* (З. Биешева) 'Однако рассказать кому-нибудь о только что услышанной страшной вести и в голову не пришло'; *Мин цехка килгәндән бирле ошондай зур йыйылыш булғаны юк ине әле* (Ә. Бикчәнтәев) 'С тех пор, как я пришел в цех, такого большого собрания еще не было'; *Киевка әйләнеп кайтқандан бирле тәү тапқыр күңелем күтәрелеп китте* (И. Абдуллин) 'После того как я вернулся в Киев, первый раз у меня приподнятое настроение'; *Самауыр кайнап килгән сакта, Нурыйзы йоко бақа башлагайны* (С. Агиш) 'Когда закипал самовар, Нурый начал засыпать'; *Без ятқан ерзән алыс түгел урында ишимә аға, уның таштарға бәрелеп, көсһөз генә сылтырағаны ишетелә* (С. Агиш) 'Недалеко отсюда протекает родник, слышно, как, ударяясь о камни, он тихо журчит'; *Өфөнән киткәне бирле Филмандың Моратовты күргәне юк* (Н. Мусин) 'Гильман, после того как уехал из Уфы, Муратова не видел'.

Причастие на *-ган* может употребляться и с аффиксом *-дай (-дәй)*. В частности, профессор К.Г. Ишбаев, а затем и академик М.В. Зайнуллин в разное время отмечали, что при этом у причастия преобладает значение прилагательного [Ишбаев 1986: 232; 2012: 389; Зайнуллин 2002: 207]: *Төркәм-төркәм кыззлары – Барыһы ла һайлап куйғандай* (из эпоса) 'Кучками стоят девушки, как будто их подбирали' (перевод наш. – М.У.); *Бына шуны әйтһен әле ул безгә, – Ғариф, яуап көткәндәй, бер аз тынып торзо* (Б. Бикбай) 'Пусть он об этом нам и скажет, – Гариф, как будто ожидая ответа, некоторое время стоял молча'.

Следует отметить, что причастие на *-ган* с аффиксом *-дай (-дәй)* может употребляться и со вспомогательными глаголами *бул-, ит-*. При этом оно выражает значение предположительности, неопределенности. Примеры: *Төшлөк ягынан болот күтәрелгәндәй булды* (С. Агиш) 'Будто с юга облако появилось'; *Йыр тыугандай була күңелдә* (Р. Ғарипов) 'Будто в душе песня зародилась'; *Ә инде сәй эсеп алгандан һуң, короша башлаган тәне язылып, күңеле күтәрелә биргәндәй булды* (И. Ноғманов). 'А вот как попили чай, у него как будто тело распрямилось, настроение поднялось'; ...*Ошоно ономма! – тип, йылмайғандай итте* (И. Ноғманов) '...Сказав: «Это не забудь!» – как будто и заулыбалась' (или 'на лице отразилось некое подобие улыбки').

На основе причастия на *-ган* образованы слова, относящиеся к различным частям речи. В частности, некоторые причастия перешли

– в разряд прилагательных: *уңган* 'расторопный, деятельный'; *калган* 1. 'остальной, прочий'; 2. 'оставшийся, отложенный'; *калган-боскан* 1. 'оставшийся'; 2. 'остаток'; *көтөлгән* 'ожидаемый, желаемый'; *көтөлмәгән* 'неожиданный, нежданный, непредвиденный'; *тыуган* 'родной'; *кипкән* 'сушенный'; *еткән* 'совершеннолетний' и др.; при этом грамматические свойства глагола утрачиваются;

– в разряд существительных: *ойоткан* ‘варенец, катык’; *бөккән* диал., син. *бөйөрөк* ‘пирожок’; *бөрлөгән*: *кара бөрлөгән* ‘ежевика’, *кызыл бөрлөгән* ‘костяника’, диал. *бөлдөргән*, *балтырган* ‘борщевик’;

– в определенное местоимение *торганы* ‘как есть; совершенно’: *торганы бер ялкау* ‘отъявленный лодырь’; *торганы әсәһе* ‘он весь в мать’; *торганы менән ут* ‘он весь как огонь’; *торганы бер бала* ‘он как есть ребенок’. [БТһ 1993, т. 2: 370; БРС 1996: 621]; *Ғы, торганы ут инде улар!* ‘Хм, они как огонь!’ (М. Тажи).

– причастия на *-ган* с аффиксом местно-временного падежа выступают в функции наречий: *көтмәгәндә*, *уйламаганда* ‘неожиданно, нежданно-негаданно’;

– посредством аффикса *-лык* образуются имена существительные: *ойошканлык* ‘сплоченность, единство’, *уңганлык* ‘расторопность, проворство’;

– с аффиксом *-дәй* образовалось вводное слово *әйткәндәй* ‘к слову сказать, кстати’;

– причастие на *-ган* встречается в устойчивых сочетаниях: *тәү караганда* ‘на первый взгляд’; *дөрөсөн әйткәндә* ‘правду сказать (говоря)’; *онотканда бер* ‘изредка, иногда’; *әйтеп узылган*, *әйтеп кителгән* ‘вышесказанный, вышеупомянутый’; *әйткәнгә көс* ‘трудно тому, кто в глаза правду говорит’; *уйламаган ерзән* ‘нежданно-негаданно; ни с того ни с сего’; *аптырагандан бер һүз* прост. ‘брякнуть, ляпнуть’;

– устойчивые сочетания употребляются и как вводные слова: *атап әйткәндә* ‘конкретно говоря, в частности’; *бер уйлаганда (йәки уйлаһаң)* ‘если подумать’, *бер һүз менән әйткәндә* ‘одним словом’ и др.

По нашим наблюдениям, в последнее время в средствах массовой информации, в художественной литературе активно употребляется аффикс *-лык*, образуя на основе причастия на *-ган* (в значении имени действия) сложную форму *-ганлык*. Относительно этой формы известный баширский ученый А. Бейеш пишет, что «в башкирском народном языке такой двухслойный аффикс никогда не используется. А искусственно внедрять не имеющуюся в народном языке форму не очень-то хорошо» [Бейеш 1999: 60–61]. Действительно, само по себе имя действия уже подразумевает наличие действующего лица (агенса), и добавлять к существительному дополнительный имяобразующий аффикс *-лык* нет никакой необходимости. Например, в предложении *...бригадир карттың быға каршылык күрһәтмәгәнлеген уйлап, күңелен тынысландырҙы* (Б. Бикбай) имя действия уже включает указание на наличие агенса, а добавленный аффикс *-лек* не вносит ничего нового в смысловом плане, лишь удлиняя и осложняя слово и все предложение. В башкирском языке слова *күрһәтмәгәнлек* нет и его невозможно перевести на русский язык. Поэтому здесь наиболее подходящим было бы слово без аффикса *-лык*: *күрһәтмәгәннен*; перевод: «...бригадир, подумав, что старик этому не сопротивляется, успокоил душу». Точно так же в предложении *Низамизың мәсеткә йөрәмәгәнлеген, бер көн дә ураза тотмаганлығын бәтә ауыл белә* (И. Абдуллин) вместо слов *йөрәмәгәнлеген*, *тотмаганлығын* следовало бы употребить *йөрәмәгәннен*, *тотмаганын*; в предложении *Борсак элек әз сәселгәнлектән, уны йыйып алыу өсөн махсус техника юк ине* (Ә. Вәли) вместо слова *сәселгәнлектән* следовало писать *сәселгәндә*; в предложении *Фәтихов «сиселеп» барманы, байтак кына ақцияларҙың нисек эшләнгәннен, кемдәр башкарганлығын*

асып бирмәне (И. Абдуллин) вместо слова *башкарғанлығын* надо было использовать *башкарғанын* (переводы предложений приводятся ниже).

Следует особо отметить, что в речи носителей языка подобные формы слов со сложными аффиксами не употребляются, однако в письменной речи эти формы в последнее время встречаются регулярно. С чем это связано? На наш взгляд, причина кроется в незнании и непризнании того факта, что причастие прошедшего времени на *-ған* в языке может выполнять функции как *имени*, так и *имени действия*. Возможно также, что это искусственная попытка сохранить старую письменную традицию: такие формы с аффиксом *-ғанлык*, безусловно, в башкирском языке существовали, а Н.К. Дмитриев даже называет их распространенными и приводит примеры таких употреблений, некоторые из которых он находит в народных сказках: «*Егет һыу кызын алырға барғанлығын әйтә* (герой говорит о том, что идет добывать водяную деву), *үзенең кызын таз егеткә бирергә риза булғанлығын белдерә* (он сообщает, что согласен выдать свою дочь за плешивого йигита и т. д.)» [Дмитриев 1948, 2008: 243]. Однако многолетние наблюдения за речью носителей языка позволяют нам однозначно утверждать, что для современного состояния башкирского языка эти формы совершенно нехарактерны. Еще раз подчеркнем, что имяобразующий аффикс *-лык*, образуя от имени действия вторичное имя, не только осложняет само слово, но и ничего не добавляет в его значение в смысловом плане (имя действия) и даже образует несуществующие слова, неприемлемые для башкирского языка. В частности, в башкирском языке нет таких имен действия, как, например, *риза булғанлығын* (*белдерә*), *белгәнлеген* (*һөйләне*), *барғанлығын әйтә*, а есть только формы *риза булғанын* (*белдерә*) ‘сообщает о своем согласии’, *белгәннен* (*һөйләне*) ‘рассказал о том, что знает’ (букв. ‘о своем знании’), *барғанын* (*әйтә*) ‘говорит, что ходил’ (букв. ‘о своем хождении’). В предложении такие формы являются дополнениями. В этом вопросе мы полностью разделяем мнение известного башкирского ученого А. Бейеша, который считал, что «насильное образование вторичного имени с аффиксом *-лык* является большим недостатком письменного языка, заразительной болезнью» [Бейеш 1999: 59].

Далее приведем более правильный с точки зрения носителя языка вариант выбранных предложений и их перевод: *Низамизың мәсеткә йөрәмәгәннен, бер көн дә ураза тотмағанын бөтә ауыл белә* (И. Абдуллин) ‘Вся деревня знает, что Низами не ходит в мечеть и не постится’; *Борсак элек аз сәселгәнгә, уны йыйып алыу өсөн махсус техника юк ине* (Ә. Вәли) ‘Ввиду того, что раньше горох мало сеяли, специальной техники для уборки урожая не было’; *Фәтихов „сиселеп“ барманы, байтак кына акцияларзың нисек эшләнгәннен, кемдәр башкарғанын асып бирмәне*. (И. Абдуллин) ‘Фатихов не откровенничал, не рассказал, как были организованы многие акции, кто был исполнителем’.

Особого внимания заслуживает также употребление форм на *-ған* с модальными словами *бар* (‘есть; имеется’) и *юк* (‘нет; не имеется’). Этот вопрос в какой-то степени уже рассматривался учеными. В частности, академик М.В. Зайнуллин отмечает, что модальное слово *бар* ‘есть’, как и *юк* ‘нет’, в функции самостоятельного сказуемого сообщает о наличии, присутствии каких-либо пред-

метов и явлений действительности, и приводит следующие примеры: *Курәһең бит, һакалы ла юк, мыйык та сыкмаған* (С. Агиш) 'Видишь же, и бороды нет, и усов нет'; *Бына ағайыңдан хат бар, укып ишеттер* (Н. Дәүләтшина) 'Есть письмо от брата, прочти его'; однако в составе сложного сказуемого эти модальные слова, смыкаясь с ним на лексико-грамматическом уровне, выражают различные модальные значения: в сочетании с причастием на *-ған* они обозначают уверенное подтверждение совершения тех действий, которые выражены причастием: *Хәлимәнең был турала ишеткәне бар* (Н. Дәүләтшина) 'Халима, конечно, слышала об этом много раз' [Зәйнүллин 1981: 331; 2018: 149], т. е. слова *бар, юк* не выступают в этих фразах в роли простого сказуемого. Г.А. Исянгулова также считает, что модальное слово *бар* с причастием прошедшего времени на *-ған* образует сложное сказуемое, которое передает уверенность в совершении действия, названного в предложении: *Әсәрзәрегеззе укыганым бар* (Н. Мусин) 'Читал ваши произведения' (перевод наш. – М.У.). [Исянгулова 2018: 236].

Ф.М. Хисамова отмечает, что в сочетании с предикативными словами *бар* и *юк* причастие прошедшего времени выступает в роли сказуемого самостоятельных предложений и выражает прошедшее продолжительное или повторяющееся действие с оттенком очевидности: *Дилә белән бу урамнарда йөргәне бар аның* (А. Гыйләжев) 'Он когда-то ходил по этим улицам с Дилей' [Хисамова 1997: 210, 2006: 240].

В свою очередь, классик отечественной тюркологии Н.К. Дмитриев считал, что «форма принадлежности одинаково свойственна и именам, и глаголам: ср. *ат-ым* – мой конь (по-башкирски одно слово) и *барған-ым* – мое прошлое хождение, т. е. тот факт, что я ходил (по-башкирски тоже одно слово). Таким образом, *ат-ым бар* дословно означает: мой конь – наличен, *ат-ым юк* – мой конь – отсутствует. Для башкирского же языка в предложении *минең атым бар* подлежащим является слово *атым*» [Дмитриев 1948: 59]. Следуя этой аналогии, приводим собственные примеры для сравнения:

Минең дәфтәр+ем бар – в наличии тетрадь есть (имеется).

Минең дәфтәр+ем юк – в наличии тетради нет (не имеется).

Минең килгән+ем бар – дословно: факт моего прибытия (здесь) существует, имеется.

Минең килгән+ем юк – дословно: факта моего прибытия (здесь) не имеется.

Уның машина+һы бар – у него в наличии машина имеется.

Уның машина+һы юк – у него в наличии машины нет (не имеется).

Уның барған+ы бар – то, что он там бывал, факт имеется.

Уның барған+ы юк – то, что он там бывал, факта нет (не имеется).

Следуя вышеизложенным фактам, мы пришли к такому выводу: в башкирском языке имена действия на *-ған* с аффиксом принадлежности, обозначающие процесс (соответствующие в русском языке отглагольным существительным типа *хождение, чтение* и т. п.) в сочетании с модальными словами *бар* ('есть; имеется') или *юк* ('нет; не имеется') выражают факт наличия или отсутствия какого-то действия, явления в прошлом, т. е. констатацию действия. В приведенных предложениях *дәфтәр, машина* – это имена предметов, *килгән(ем), барған(ым)* –

имена действия, т. е. с точки зрения частеречной принадлежности они все являются именами; в предложении они выступают в роли подлежащих, а модальные слова *бар, юк* – в роли сказуемых. Приведем дополнительные примеры: *Ләкин ул хакта уға атаһы ла ҙйткәне бар* (А. Абдуллин) *букв.* ‘Достоверно известно, что ему об этом и отец говорил’ или *лит.* ‘Однако об этом ему и отец говорил’; – *Ғәфү итегез, мин һезҙең турала бер нәмә лә белмәйем һәм миңә берәү бер ауыз һүз ҙйткәне юк* (С. Агиш) *букв.* ‘– Извините, я ничего не знаю о вас, и фактически мне никто ни одного слова не сказал’ или *лит.* ‘– Извините, я ничего о вас не знаю, и мне никто ничего не говорил’.

Следует также отметить, что несмотря на то, что причастие прошедшего времени с аффиксом *-ған* является наиболее употребительным и универсальным, случаев неправильной замены его на причастие с аффиксом *-ыусы* все еще предостаточно. Например, в предложении *Һин берәй көй уйнаганда, үҙеңде шул көйҙө сығарыусы кеше урынына куй* (И. Абдуллин) речь идет о прошедшем времени, поэтому, согласно законам башкирского языка, причастие должно принимать аффикс *-ған*. Более правильно было бы сказать: *Һин берәй көй уйнаганда, үҙеңде шул көйҙө сығарған кеше урынына куй* ‘Когда ты исполняешь какую-нибудь мелодию, поставь себя на место человека, который сочинил эту песню’.

В действительности нет целостного аффикса *-ыусы*: есть аффикс *-ыу* – аффикс имени действия, и аффикс *-сы* – имяобразующий аффикс. Например, от имени действия *һат+ыу* ‘продажа’ с имяобразующим аффиксом *-сы* образовалось имя существительное *һатыу+сы* – ‘продавец’, подобным образом образованы слова *хат ташыу+сы* ‘почтальон’, *икмәк бешерәү+се* ‘пекарь’ – все это отглагольные существительные, а не причастия настоящего времени, о чем в свое время писали Н.К. Дмитриев, А. Бейеш [Дмитриев 1950: 204; Бейеш 1999: 81]¹. Обращаем внимание читателя на то, что во всех представленных ниже примерах действия происходят в прошлом, и они должны быть выражены причастием на *-ған*, однако писатели употребляют формы с аффиксом *-ыусы*, что регулярно приводит к стилистическим нарушениям.

Причастие прошедшего времени

Стилистически неправильное предложение

Аръяк менән тоташтырыусы ағас күперҙе бына-бына ағызып китергә итә (А. Баймөхәмәтов)

Нефть сығарырга килеүсе инженерҙар араһында ла буйзактар барзыр (И. Абдуллин)

Исправленный вариант

Аръяк менән тоташтырған ағас күперҙе бына-бына ағызып китергә итә ‘Соединяющий (букв. «который соединил») с противоположной стороны деревянный мост вот-вот унесет’.

Нефть сығарырга килгән инженерҙар араһында ла буйзактар барзыр ‘Наверное, есть среди инженеров, приехавших на разработку нефтяного месторождения, холостые’.

¹ См. подробнее об этом [Усманова 2018].

... зыян күреүселәрзең 3.9 процентының ғына страховкалау килешеүе булған („Башкортостан“ гәзите, 2016).

Унан агрегатты электр моторы менән **тоташтырыусы** рычагга бақты (Ф. Әсәнов).

Халык күбәйгәндән-күбәйзе, **яныусыларзы**, Фатихты тиз генә совхоз больницаһына озаттылар (Б. Ишемғол).

... зыян күргәндәрзәрзең 3.9 процентының ғына страховкалау килешеүе булған ‘Только у 3.9 процентов пострадавших был страховой договор’.

Унан агрегатты электр моторы менән **тоташтырган** рычагга бақты ‘Потом нажал на рычаг, соединяющий (букв. «который соединил») агрегат с электрическим мотором’.

Халык күбәйгәндән-күбәйзе, **янғандарзы**, Фатихты тиз генә совхоз больницаһына озаттылар. ‘Народ прибывал и прибывал, обгоревших и Фатиха срочно отправили в больницу совхоза’.

Следует также отметить, что аффикс **-ган** является многозначным (универсальным) аффиксом. Он участвует в образовании причастий не только прошедшего времени, но и настоящего, будущего и общего времени. Например:

а) настоящее время: *Шул сак уның күзенә Тимербайзарзың өйө янында барған сыр-сыу салынды* (З. Биешева) ‘В это время он заметил суматоху у дома Тимербая’ (букв. ‘В это время он заметил идущую (происходящую) суматоху у дома Тимербая’); *Бер аззан бөтә тирә-якты көсәйдә барған куйы караңғылык үз косагына алды* (Ғ. Дәүләтшин). ‘Через некоторое время все вокруг охватила все усиливающаяся густая темнота’. В свое время Н.К. Дмитриев отметил, что «исторически к числу причастий настоящего времени могло относиться и причастие на **-ган**, которое в современном языке обслуживает главным образом прошедшее время» [Дмитриев 1948: 191].

б) будущее время: *Алда башланмаган бер ай ял бар, ялкып бөтөрһөң* (Д. Исламов) букв. ‘Впереди есть целый месяц неначатого отдыха, еще он и надоест’; *Хөрмәтле сәнгәт һөйүселәр! Һеззе курайсы Роберт Юлдашевтың 12 майза Х. Әхмәтов исемендәге филармонияның зур залында булған концертына сакырабыз!* (из объявления) ‘Дорогие любители искусства! Приглашаем вас на концерт кураиста Роберта Юлдашева, который состоится 12 мая в большом зале филармонии имени Х. Ахметова’;

в) общее время (дөйөм заман): *Кунагын яратмаган хужа бесәйен әрләр* (пословица) ‘Хозяин, не любящий гостя, будет ругать своего кота’; *Абайламай һөйләгән ауырымай үлгән* (пословица) букв. ‘Кто говорит не обдумывая, умирает не болея’; *Күгәрәп тә яткан Урал тауы – Ете лә ырыу илдең төйәге* (народная песня) букв. ‘Вдали синеющая гора Уралтау – это родина семи родов (башкир)’; *Балаларга калдыра торған мирасстарзың иң киммәтлеһе – дин өйрәтәп калдырыу* (Ризаитдин Фәхретдин) ‘Самое ценное, что можно оставить в наследство детям – это научить их религии’.

Таким образом, в башкирском языке причастие прошедшего времени представлено единственной формой – формой на **-ган**, отрицательная форма образуется при помощи аффикса **-ма/-мә**, который ставится перед аффиксом **-ган**. Оно

может выступать в функции атрибута, имени носителя атрибута (субстантивироваться) и имени действия; при этом субстантивированное причастие и имя действия принимают аффиксы принадлежности, падежные аффиксы и аффиксы множественного числа. В сочетании с модальными словами *бар* ('есть; имеется') и *юк* ('нет; не имеется') причастие прошедшего времени выступает в роли подлежащего, а модальные слова – в роли сказуемого. Присоединение к аффиксу *-зан* аффикса *-лык* нельзя назвать продуктивным способом словообразования существительных, т.к. это не характерно для современного состояния башкирского языка.

Сокращения

букв. – буквальный перевод
 Вин. – винительный падеж
 Дат. – дательный падеж
 диал. – диалектная форма
 лит. – литературная форма
 Осн. – основной падеж
 прост. – просторечие

Литература

- Бейеш 1999 – *Бейеш Ә.* Тел хикмәтгәре. Өфө, 1999. {A. Beyesh. *The Wisdom of Language*. Ufa, 1999.}
 БРС – Башкортса-русса һүзлек. Башкирско-русский словарь. М., 1996. {Bashkir-Russian Dictionary. Moscow, 1996.}
 БТһ – Башкорт теленең һүзлеге. В 2-х томах. М., 1993. {Dictionary of the Bashkir language. In two volumes. Moscow, 1993.}
 Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.–Л., 1948. {N.K. Dmitriev. *Grammar of the Bashkir Language*. Moscow–Leningrad, 1948.}
 Дмитриев 1950 (2008) – *Дмитриев Н.К.* Башкорт теленең грамматикаһы. Л., 1950; Өфө, 2008. {N.K. Dmitriev. *Grammar of the Bashkir language*. Leningrad, 1950; Ufa, 2008.}
 Зәйнуллин 2002 – *Зәйнуллин М.В.* Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология. Өфө, 2002. {M.V. Zaynullin. *The Modern Bashkir Literary Language. Morphology*. Ufa, 2002.}
 Зәйнуллин 2018 – *Зәйнуллин М.В.* Кылым // Башкорт теле грамматикаһы. Морфология. Өфө, 2018. Б. 66–227. {M.V. Zaynullin. *The Verb*. // Grammar of the Bashkir language. Morphology. Ufa, 2018. PP. 66–227.}
 Исянгулова 2018 – *Исянгулова Г.А.* О звательных словах в современном башкирском языке. // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. №3. С. 812–815. {G.A. Isyangulova. *On the Vocative Words in the Modern Bashkir Language*. // Bulletin of the Bashkir University. 2018. Volume 23. #3. PP. 812–815.}
 Ишбаев 1986 – Современный башкирский язык (1986): учебник для студентов факультета начальных классов педагогических институтов / отв. ред. З. Г. Ураксин, К. Г. Ишбаев. Уфа: Башк. кн. изд-во. 400 с. {*The Modern Bashkir Language (1986): Manual for Students of the Primary School (Classes) Faculty of Pedagogical Institutes* / Executive editors: Z.G. Uraksin, K.G. Ishbayev. Ufa: Bashkir Publishing House. 400 pages.}
 Ишбаев 2012 – *Ишбаев К.Ф.* Кылым // Башкорт теле. Юғары укыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек. Өфө, 2012. Б. 353–397. {K.Gh. Ishbayev. *The Verb*. // The Bashkir Language. Manual for Students of Philological Faculties of Higher Educational Institutions. Ufa, 2012. PP. 353–397.}
 Кононов 1951 – Кононов А.Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках // Тюркологический сборник I. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951.

- С. 112–119. {A.N. Kononov. *Origins of Categorical Past Tense in Turkic Languages* // A Turcological Miscellany I. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of USSR, 1951. PP. 112–119.}
- СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. редактор Тенишев Э.Р. М.: Наука, 1988. {*Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. Morphology* / Executive editor: E.R. Tenishev. Moscow: Science, 1988.}
- ТГ 1997 – Татарская грамматика. Том II. Морфология. Казань, 1997. {*Grammar of the Tatar Language. Volume 2. Morphology*. Kazan, 1997.}
- Тумашева 1978 – Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле. Морфология. Казань, 1978. {D.G. Tumasheva. *The Modern Literary Tatar Language. Morphology*. Kazan, 1978.}
- Усманова 2018 – Усманова М.Г. Причастие настоящего времени и способы его выражения в башкирском языке: новый взгляд на проблему // Российская тюркология, 2018. № 1–2(18–19). С. 67–83. {M.G. Usmanova. *The Present Participle Active and ways of its expression in the Bashkir language* // Russian Turcology, 2018. # 1–2(18–19). PP. 67–83.}
- Хисамова 1997 – Хисамова Ф.М. Причастие // Татарская грамматика. Том II. Морфология. Казань, 1997. С. 199–223. {F.M. Khisamova. *Participle*. //Grammar of the Tatar Language. Volume 2. Morphology. Kazan, 1997. PP. 199–223.}
- Хисамова 2006 – Хисамова Ф.М. Татар теле морфологиясе. Югары укыу йортлары өчен дәреслек. Казань, 2006. {F.M. Khisamova. *Morphology of the Tatar Language. Manual for Higher Educational Institutions*. Kazan, 2006.}

**PAST PARTICIPLE OF THE BASHKIR LANGUAGE
AND ITS MEANS OF EXPRESSION:
A NEW OUTLOOK ON THE PROBLEM**

Minsylu Usmanova

Ufa

Summary: The article is discussing formation and functioning of **-ghan** participle in the Bashkir language. In the light of examples from literary and folklore texts and the vernacular language of Bashkir people one can prove the variability of **-ghan** participle in terms of its usage as different parts of speech, as well as several parts of sentence. The author challenges the conventional wisdom on the possibility of use of so called present participle's forms (**-yusy**) in the context of past tenses and also justifies inadmissability of the complex form with **-ghanlyq** in the modern Bashkir language.

Keywords: the Bashkir language, verb, participle, past tense, affixes, substantivation, verbal noun.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СТРАТЕГИЯ «СЧАСТЬЯ» ЗЮЛЬФЮ ЛИВАНЕЛИ: НАРРАТИВ И ВИЗУАЛЬНОСТЬ¹

А.В. Образцов, А.С. Сулейманова

г. Санкт-Петербург

Резюме: Статья посвящена художественному проекту Зюльфю Ливанели «Счастье», состоящему из трех одноименных частей: роман, фильм и саундтрек. Рассмотрев соотношение и взаимосвязи этих частей, авторы приходят к выводу о том, что они гармонично дополняют друг друга. Единство нарративной и визуальной частей обеспечивает саундтрек, выступающий контрапунктом. Сравнивая проект Ливанели с близкими по стратегии проектами Орхана Памука (Orhan Pamuk) и Ферзана Озпетека (Ferzan Özpetek), авторы делают вывод о тенденции проектного развития турецкой литературы.

Ключевые слова: Зюльфю Ливанели, «Счастье» (Mutluluk), нарратив, визуальность, художественный проект, массовая культура.

Омер Зюльфю Ливанелиоглу (20.06.1946, Ылгын) – известный турецкий композитор и исполнитель, режиссер и сценарист кино, литератор и публицист. Учился в консерватории в США, долгие годы провел в вынужденной эмиграции в Европе. Он широко известен за пределами Турции в интеллектуальных, творческих кругах и даже стал в 1996 г. послом ЮНЕСКО. Дружеские отношения связывают Ливанели с Микисом Теодоракисом, с которым они основали Общество греко-турецкой дружбы. Добавим к этому, что Зюльфю Ливанели (таков его творческий псевдоним) одно время активно занимался политикой. В 2002–2006 гг.

¹ Данная статья представляет собой расширенный вариант стендового доклада на Международном научном конгрессе: Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 28 – 30 апреля 2016 г.

Образцов Алексей Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доцент Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, e-mail: 0708ural@mail.ru

Сулейманова Алия Сократовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: suleymanova2001@mail.ru

Ливанели был депутатом парламента от Стамбула и членом Евросовета. Он собирався баллотироваться на пост главы Народно-республиканской партии (СНР), но из-за интриг партийного руководства не был выдвинут кандидатом. Разразился скандал, после которого Ливанели, по крайней мере на данный момент, ушел из политики.

Наибольших успехов Ливанели добился в музыке (Премия в Сан-Ремо в 1999 г.) – он автор более 300 композиций, в том числе на стихи Назыма Хикмета, Орхана Вели, Сабахаттина Али, и музыки к 30 фильмам. Значительны его достижения и в кинематографе – он режиссер 4 кинокартин, автор многочисленных сценариев. Среди его киноработ наибольшее признание получили «Стальная земля, медные небеса» (*Yer demir, gök bakır*), 1987 (приз в Сан-Себастьяне и конкурсный показ в Каннах), «Туман» (*Sis*), 1989 (приз в Валенсии, Монпелье и Анталье) и «Счастье» (*Mutluluk*), 2007 (призы в Анталье, Нюрнберге и Анкаре).

Несмотря на то, что литературное творчество Ливанели – особенно романы «Блеск гадючьих глаз» (*Engereğin gözündeki kamaşma*, 1997), «Кошка, человек, смерть» (*Bir kedi, bir adam, bir ölüm*, 2001), «Счастье», «Последний остров» (*Son ada*, 2008) – отмечено целым рядом национальных и зарубежных премий (Балканская литературная премия 1997, Премия им. Юнуса Нади 2001, Премия им. Орхана Кемалья 2009), в авторитетных турецких литературных справочниках его имя не встречается [Özkırımlı 2004]. Впрочем, имени Ливанели нет и в обзорах турецкой популярно-массовой литературы [Uğur 2013]. Между тем, его произведения переведены на 40 языков, роман 2013 г. «История моего брата» (*Kardeşimin hikâyesi*) стал самым продаваемым романом в Турции, а роман 2015 г. «Отель Константинополь» (*Konstantiniyye oteli*) в течение трех месяцев переиздавался более 80 раз.

Зюльфию Ливанели не единожды, правда, с разной степенью личной вовлеченности, демонстрировал склонность к проектному подходу. Так, его роман «Блеск гадючьих глаз» – в поздних изданиях «Глаза гадюки» (*Engereğin gözü*) – уже выходил в виде комиксов Чагры Джошкуну «Гарем» (*Harem*, 2012) и был экранизирован под названием «Страж гарема» (*Haremin Bekçisi, Guardian of the Harem*) в 2011 г. В титрах имя Зюльфию Ливанели встречается часто, однако он неоднократно отрицал свое прямое участие в создании данного фильма. Можно также говорить и об его участии в создании «Стража...» своей дочери Айлин, которая, вернувшись в Турцию в 2008 г., даже заявляла о создании своей киностудии [Milliyet]. Естественно, в планах заявлено и о создании сериалов по книгам отца, в том числе по «Счастью».

В данном случае нас интересует именно проект «Счастье», который на сегодняшний день включает роман [Livaneli 2002], фильм и саундтрек к нему, изданный отдельно. Все три составляющие проекта названы одинаково.

Первым появился в 2002 г. роман и сразу удостоился благожелательных отзывов как в Турции – Яшар Кемаль, Орхан Памук, Талат Халман и др., так и за рубежом – Тео Ангелополус, Микис Теодоракис, Жак Ширак, Джек Ланг и др. В одном из отзывов Ливанели был назван новым Орханом Кемалем. С 2005 по 2010 г. роман вышел в Греции, Швеции, Франции, США, Италии, Голландии, Израиле, Болгарии и Германии. В 2006 г. роман получил в Америке премию «Barnes & Noble», как новая книга-открытие [livaneli.gen; livaneli.net].

Основная сюжетная линия романа довольно проста и завязана на судьбах трех главных персонажей. Мерьем – девушка из анатолийской глубинки, изнасилована дядей-шейхом, родственник везет ее в Стамбул, чтобы убить и, тем самым, смыть позор с семьи. Джемаль – тот самый родственник, который должен восстановить честь семьи, двоюродный брат Мерьем, деревенский парень, только что вернувшийся из армии, где ему приходилось убивать «врагов государства» в горячих точках. Джемаль хотя и находится под давлением авторитета своего отца, никак не решается на убийство девушки. Ирфан – преуспевающий стамбульский профессор, крайне американизированный представитель интеллектуальной богемы. Каждый из героев переживает кризис, связанный с утратой привычной идентичности.

Роман начинается со сна-бреда Мерьем. Ей видится, что она обнаженная летит на волшебной белоснежной птице Зюмрююанка². Девушка чувствует себя счастливой. Мерьем снится, что птица прилетела именно за ней и подняла ее к небу. Она обращается к птице, называя ее «счастливой» (несущей благодать) (*mübarek*) и «благословенной» (*kutlu*). В полете девушка видит прекрасный город, «который называют Стамбулом». По рассказам бабушки, Анка нужно кормить молоком и мясом, иначе птица придет в ярость и сбросит на землю. Птица неожиданно просит пить. Девушка спрашивает, где ей взять молоко в небе, «опирающемся на 1001 опору». Птица настаивает, а девушка умоляет ее опуститься на землю, где она напоит ее «благоухающим молоком желтой коровы». Сжав свою грудь, Мерьем видит выступившую каплю молока, которого становится все больше. Напившись, птица взмывает ввысь и, на сей раз, требует мяса. Ситуация повторяется, девушка умоляющим голосом спрашивает, где взять мясо на «семи ярусах небосвода». Птица относит Мерьем на вершину огромной горы, «возвышающейся выше облаков». Девушка вдруг видит, что голова птицы становится угольно-черной и обрастает щетиной. Клюв превращается в кровавые клещи, которые проникают в ее влагалище. Девушка пытается бороться с птицей, но та продолжает рвать ее внутренности. В птице она узнает своего дядю. Мерьем просит вернуть вырванные куски ее мяса. Черная птица возвращает вырванную плоть, которая тут же прирастает. Девушка от ужаса просыпается, понимая, что испугалась не кошмара, а реальности.

² По распространенной версии, птиц Анка создал сам Аллах. Анка – огромная птица, способная поднять слона и живущая около 1700 лет. Они были созданы «совершенными» и вили гнезда на горе Каф. В мусульманской мифологии эта гора, если отвлечься от эзотерических толкований, мыслится либо как высочайшая вершина мира, либо как горный хребет, опоясывающий мир, как некая граница между миром людей и мирами хтонических чудовищ. Образ горы Каф восходит к мифологеме мировой горы, своеобразного «пула Земли», хорошо известной и тюркским народам (например, алтайский вариант – гора Сумер). По некоторым версиям, в основании Каф лежит зеленый изумруд / хризолит, цвет которого отражается небом. Видимо, поэтому в турецкой традиции принят вариант имени птицы «Зюмрююанка» / «Зюмрюанка» (Изумрудно-зеленая Анка), хотя в романе подчеркивается, в зависимости от ее ипостаси, белоснежный или угольно-черный цвет оперения. Считается, что все горы всех семи миров суть отроги «первогоры». Каф столь высока, что ее невозможно преодолеть.

Мифические птицы хорошо известны в культуре многих народов, выступая как обязательный элемент мифологической системы. Птицы могут выполнять разнообразные функции: они «могут быть божествами, демиургами, героями, превращенными людьми, трикстерами, ездовыми животными богов, шаманов, героев; тотемными предками и т. п. Они могут выступать как особые мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности, верха, неба, духа неба, солнца, грома, ветра, облака, свободы, роста, жизни, плодородия, изобилия, подъема, восхождения, вдохновения, пророчества, предсказания, связи между космическими зонами, души, дитяти, духа жизни и т. п.» [Птицы 1988: 346]. Часто сами мифологические персонажи обладают признаками птиц, причем это относится как к положительным, так и к отрицательным персонажам, что позволяет говорить об амбивалентности орнитологической символики. Характерен образ пери/пари, часто изображавшейся с птичьими лапами или наделенной способностью превращаться в птицу.

В романе Ливанели мы встречаемся в главе-прологе с огромной птицей Анка арабо-мусульманской мифологии. Анка благоволила людям: по поверью, человеку, на которого падала ее тень, суждено было в будущем стать царем³. Отсюда и счастье девушки, считающей себя избранной, и эпитеты птицы. Мотив избранности подчеркивается в образе героини: это и разноцветно переливающиеся глаза, и ее необычные способности, которые проявляются в состязаниях женщин, связанных с низовой телесностью, правда, односельчане оценивают непохожесть девушки негативно, называя Мерьем «приносящей несчастье». Анка со временем стали враждебны человеку. Мусульманская версия связывает этих птиц с кораническим народом асхаб ар-расс (25:38; 50:12)⁴, который был спасен пророком Ханзалой, уничтожившим птиц. Образ Анка сходен и с Фениксом, и с птицей Рух, и с Симургом, впрочем, имеется сходство и с прочими гигантскими птицами евразийских и американских легенд. Естественно, прежде всего, интересны черты сходства с Симургом – вещью орлоподобной птицей, превосходящей яркостью и прихотливостью расцветки и павлина, и фазана. У Симурга две натуры – хорошая и плохая, как и у птицы в романе. Иногда, вслед за Фирдоуси, говорят о разных Симургах. Хотя этимология «си мург», т. е. «30 птиц», и считается поздней рационализацией, в романе есть глухая ссылка именно на нее, когда на крик Анка на гору слетаются разнообразные пернатые, которые, реализуя амбивалентность орнитологической символики, то ли понуждают Мерьем к самоубийству, то ли подталкивают к бегству и спасению. В турецком фольклоре роль «птицы птиц», как точно отметила И.В. Стеблева, часто выполняет Орлица [Стеблева 2002: 29], как в сказке «Орлица подземной страны»⁵, где птица приносит героя с того света. Роль посредника между мирами наделяет птиц даром це-

³ Видимо, не случайно во время массовых гуляний было принято запускать воздушных змеев в виде этих мифологических птиц. В Стамбуле это документально зафиксировано в описании празднеств 1582 и 1836 гг. Изготовлением карнавальных птиц славился цех перинщиков (*tüyücü*).

⁴ Все ссылки на коранические тексты и цитаты даны по [Коран 2009].

⁵ Из собрания П.Н. Боратава [ТР 1986: 57–62].

лительства, вплоть до дара воскрешения⁶. Изнасилованную Мерьем находят на деревенском кладбище, что необходимо понимать как символ того, что девушка вернулась как бы с того света. Как и в сказках, в романе Ливанели куски девичьей плоти, которые съела Анка, а потом отрыгнула, тут же прирастают на свое место⁷.

Образ желтой коровы, молоком которой предлагает напоить птицу Мерьем и с которой девушка отчасти отождествляется, отсылает к Корану: «Воистину, говорит Он, что сплошь светло-желтая корова эта, приятного для глаз цвета» (2:69). В аяте речь идет о жертвенном животном, предназначенном к закланию, что может рассматриваться как метафора жизни самой Мерьем до чудесного спасения девушки в Стамбуле, куда брат привез ее для того, чтобы «заклать» во имя чести семьи. В турецком фольклоре образ этот весьма распространен, особенно благоприятным считается увидеть корову, правда, не всякую, во сне. Женщинам корова сулит скорую свадьбу, дойка коровы – обновление и счастливый случай, вымя коровы – неожиданное изобилие и благополучие. Собственно желтая корова обещает выздоровление от недугов и обретение благ. Именно это и произойдет с Мерьем в финале романа.

Локус действия пролога фантастичен, но сильно привязан к горному рельефу. Это, очевидно, восток Анатолии, поскольку названо озеро Ван. Но здесь же упомянут Стамбул, который, впрочем, оказывается обманкой. Попав в Стамбул реальный, точнее, в его трущобы, Мерьем придет в недоумение, как можно это место называть городом. Вне сомнения только то, что девушка и птица оказались на мифической горе Каф.

Наконец, символика, связанная с твердью небесной. Семи землям исламской космологии соответствуют семь небес. Согласно хадисам, первое небо изумрудно-зеленое или цвета воды / полированной стали. На нем обитают существа, созданные из огня и ветра, видом похожие на коров [Демидчик 2004: 88]. Поскольку Мерьем поит Анка своим молоком в полете, здесь имеет место сложная метафора через уподобление по сходству функций, что опять подчеркивает избранность девушки.

Только прочитав книгу, можно понять, что пролог является синопсисом самого романа. Прием, когда перед текстом произведения и/или его части дается краткое изложение предстоящих событий, не нов. Достаточно вспомнить Д. Дефо и его роман «Робинзон Крузо», полное название которого звучит как «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим».

Правда, в романе Ливанели сюжет разворачивается в линейной последовательности, а в прологе действия идут в обратной хронологии. Во сне Мерьем

⁶ Вспомним и возрождающегося Феникса, и птиц русских сказок, приносящих «живую» и «мертвую» воду.

⁷ В эпизоде, когда птица не убивает девушку и возвращает ее проглоченную плоть, реализован широко распространенный в фольклоре мотив «молочного родства», ср. турецкую сказку «Чан-Кушу, Чор-Кушу» [ТР 1986: 77 – 84].

идет/летит от счастья к насилию и символической смерти на кладбище. По сюжету же наоборот: от насилия и назначенной смерти от руки Джемалю к чудесному спасению при падении с эстакады и к безмятежному счастью в новой жизни. Можно отметить, что практически любой образ кошмара имеет параллель в сюжетных поворотах.

Поскольку пролог беден персонажами – фактически, это только Анка, Мерьем и стая птиц, каждый из персонажей пролога раздваивается, троится и т. д. в героях романа. Анка – это и Джемаль, который везет девушку на смерть, но невольно отпускает ее, даря тем самым спасение и счастье; это и Ирфан, знакомящий Мерьем со своим «миром» и помогающий ей найти свое место в нем. Образ Мерьем из основной части романа впитал в себя черты и функции Мерьем, избранницы высших сил, из пролога. Она помогает Джемалю начать избавляться от рабской покорности воле отца, она отдает ему деньги Ирфана, чтобы он мог начать иную жизнь и т. д. Мерьем дает возможность Ирфану осознать свой латентный гомосексуализм и найти себя. Она как бы оказывается той самой «желтой коровой», сулящей благополучие.

Это типичный постмодернистский прием, игра с зеркалами, где обыгрывается известный постулат о зеркальности мира «горнего и дольнего».

В каждой новой главе повествователь держит в фокусе одного из героев; действия двух других, если они находятся рядом, даны через восприятие третьего. Роман-путешествие, герои которого постоянно в пути, как правило, является разновидностью романа-воспитания, где каждый из героев должен пройти свой путь. Мерьем, попробовав светских развлечений и даже примерив бикини, вновь надевает традиционный турецкий наряд и уходит работать в ресторанчик, который начинает процветать благодаря ее кулинарным талантам. Там она находит себя, а возможно, и новую семью. Ирфан начинает преподавать в провинциальном университете. Джемаль, получив от сестры деньги Ирфана, остается на распутье.

Строго говоря, название романа в полной мере оправдывает только судьба Мерьем и, отчасти, Ирфана. Причем в обоих случаях обретение себя героями связано с возвратом к традиционным ценностям. Ирфан возвращается в дом матери, хотя раньше даже не пригласил родителей на свадьбу, стесняясь их заурядной «турецкости».

Простота главной сюжетной линии вуалируется множеством второстепенных персонажей, этакая стая птиц из пролога, и эффектными подробностями, от этнографических до гинекологических. Яркость эпизодов усилена авторской иронией в постмодернистском ключе: профессор собирается писать книгу о мифологии Восточной Анатолии, где сам ни разу не был и съездить куда он даже не собирается; случайная попутчица учит деревенскую простушку Мерьем пользоваться гигиеническими средствами, а сельский парень обучает профессора «военной хитрости», как женскими прокладками высушить обувь, и т. д.

Великолепен рассказ об инсценировке русско-турецких сражений времен Первой мировой войны, которую разыгрывают в деревне к национальному празднику. Роли турок получают более смуглые курды, а русских играют светлокоткие турки. Естественно, вопреки исторической правде, по сценарию должны победить «турки»-курды. Но однажды во время представления вспыхивает на-

стоящая драка, в которой побеждают, как и было в реальности, «русские»-турки. Истина восстановлена, но местное начальство впредь запрещает эти «потешные бои», хотя «победа» и досталась настоящим туркам. Еще один абсолютно постмодернистский фокус с зеркальными отражениями.

В 2007 г. выходит фильм режиссера Абдуллаха Огуза. Автор адаптации романа – Сырры Сюрейя Ондер, авторы сценария – Абдуллах Огуз, Элиф Айан и Кубилай Тунджер. Фильм собрал целый букет национальных и международных наград. К его выходу роман уже выдержал почти 40 переизданий. Вряд ли «Счастье» изначально задумывался поливидовым проектом. Скорее всего, такое развитие предопределила популярность романа. Ливанели значится в титрах лишь как автор литературной основы и как автор-исполнитель саундтрека, хотя он уже имел опыт успешной экранизации романа Яшара Кемаля 1963 г. «Стальная земля, медное небо». Напомним, что именно этот фильм принес режиссеру европейскую славу. Возможно, Ливанели первоначально намеренно дистанцировался от сценария, понимая его упрощенный мелодраматизм. Большинство призов фильм «Счастье» получил за музыку. Свои награды получили режиссер и исполнительница главной роли Озгю Намаль.

Если знать литературную основу, фильм, на первый взгляд, производит странное впечатление. Многие сюжетные линии урезаны: метания Ирфана в поисках себя; убогая жизнь семьи Якуба в трущобах Стамбула; становление характера и взросление, физическое и духовное, Мерьем. Другие линии отброшены: линия «правильного» стамбульского шейха; эпизоды с Бююк Ельчи (букв. «посол»); подавленный гомосексуализм Ирфана; линия курда Мемо; равно отброшены все сюжеты, связанные с рестораном, куда уходит Мерьем. Некоторые линии получают неожиданное развитие: кара, почти в религиозном смысле, настигает дядю-насилльника от руки его брата – отца Мерьем. Линия и характер второго главного мужского персонажа – профессора Ирфана, как и финал, полностью изменены. Фильм заканчивается банальной сценой, в которой влюбленные – Джемаль и Мерьем, – сидя на берегу моря, вглядываются в закат, пытаясь разглядеть свое будущее. Здесь мы сталкиваемся с еще одним постмодернистским отражением в зеркалах, но уже в диалоге между романом и фильмом. В книге Ирфан помогает Джемалю и Мерьем, полагая, что они скрывающиеся любовники, в фильме же они действительно пытаются осознать свои чувства друг к другу.

Справедливости ради отметим, что при всем многообразии персонажей, боковых линий и обилии колоритных эпизодов, центральная сюжетная линия и в романе, и в фильме – одна-единственная, так что выбора у сценаристов особого не было. Другое дело, что драматизм романа, сфокусированный на жизненных трудностях героини, подменен мелодраматизмом фильма. Из фильма исчезли все фольклорные элементы и этнографические подробности, которые так понравились критикам в романе: и инсценировка сражений Первой мировой, и соревнование деревенских женщин в обилии испражнений и пр.; отброшены все сказочно-мифологические эпизоды: сон о птице Анка, чудесное спасение и искупление «греха» Мерьем (отметим, что в фильме Мерьем от смерти спасает не чудо, а Джемаль) и др.; опущены все тяготы армейской службы Джемалю в горах Курдистана и т. д. Исчез даже символ избранности Мерьем – ее разноцветные глаза! Зато появляется анекдотичный эпизод, когда герой голыми руками разбрасывает

банду наемных убийц, посланных его отцом, который в фильме превратился из сельского шейха в мельника. Деревенский «дембель» с несколько травмированной психикой, каким Джемаль был в романе, предстает суровым бойцом спецназа.

Кажется, что нет ни одной болезненной темы, которая не была бы затронута в романе: от истории – поражение в Первой мировой войне, изгнание армянского населения – до современности – семейное насилие и подчиненное, почти бесправное, положение женщин; традиционно патриархальный уклад провинциальной жизни; чудовищное расслоение общества, живущего в разных мирах; турецко-курдское противостояние; «уличный» ислам и т. д. В фильме же многоплановый и «населенный» мир романа сведен к любовной истории с хэппи-эндом, эксплуатирующей расхожие подходы масскульта: счастье доступно всем, и любовь все побеждает. Поскольку Ливанели не только не снял своего имени с титров, но написал и исполнил саундтрек, можно предположить, что он был согласен с такой интерпретацией своего романа. Однако представляется, что в данном случае перед нами не просто не слишком удачная, но тем не менее восторженно принятая публикой (!) экранизация популярного романа, а именно проект. Это одна история, но рассказанная разными рассказчиками-нарраторами. Каждый из них выбирает не только язык близкого ему вида искусства, но и свою интерпретацию событий. Стремясь к целостности, каждый повествователь по-своему завершает сюжетные линии. Например, обоим нужно оправдать и объяснить «счастье» героини. Но для одного счастье Мерьем – это разрыв с патриархальной Анатолией, обретение своего дела в жизни, вплоть до осознания того, что именно она теперь будет решать, какое название выбрать для ресторана. Для другого рассказчика счастье Мерьем – это любовь и возможность почувствовать себя защищенной. Возникает вопрос, так ли уж важны детали, если в обоих случаях жизнь героини вполне наладилась? Причем в обоих финалах мы видим Мерьем в традиционном турецком женском наряде с платком на голове. Разные версии судьбы героини апеллируют к вкусам и представлениям разных групп, но это вовсе не означает, что «киносчастье» – это «счастье для бедных». Массовый кинематограф четко дифференцирован по жанрам – в мелодраме нет места комедии и постмодернистским играм в перевертыши. Ожидания массовой аудитории не должны быть обмануты, сюжет может быть примитивен и заезжен, но он должен быть крепко скроен и красиво подан.

Здесь уместно вспомнить известное высказывание В.П. Руднева, утверждающего, что в XX в. массовая культура заменила фольклор, перенимая его структурные схемы. Но поскольку и «массовая», и «элитарная» культуры в эпоху постмодерна апеллируют к архетипам коллективного бессознательного (эксплуатируют?) [Руднев 2009: 230–231], граница между этими культурами и, соответственно, творческими стратегиями и практиками становится иллюзорной.

Вербальный (роман) и визуальный (фильм) ряды не тождественны в плане содержания, но ведь они не тождественны и в плане выражения, т. е. на уровне перцепции. Контрапунктом вербальной и визуальной части становится звукоряд и саундтрек, которые, заметим, тоже не тождественны. Музыка, будучи самым абстрактным из искусств, легко вступает в отношения не только усиления, контраста, но и поглощения/нивелирования с произведениями в других видах творческих практик.

Саундтрек включает 12 композиций, которые, видимо, сочетают синхронно-изобразительный подход: «Рыдания Мерьем» (*Meryemin Ağıdı*), «Танцы на борту» (*Teknede Dans*), «Ты опозорилась, Мерьем» (*Sen Kirlendin Meryem*); объяснительно-выразительный: «Вот такая наша страсть» (*Böyledir Bizim Sevdamız*), «Одно одиночество на двоих» (*İki Başına Yalnızlık*), «Молчи, не говори» (*Sus Söyleme*), «К морю» (*Denize Doğru*), «Прощание» (*Veda*); и контрапунктно-выразительный: «Счастье» (*Mutluluk*), «Иногда солнце восходит» (*Bazen Güneş Doğar*), «День настает» (*Gün Olur*), «Янус» (*Janus*) (отсылает к одноименной симфонической поэме Ливанели 1996 г.). Наиболее известны «К морю» и «Ты опозорилась, Мерьем», т. е. поиски контрапункта особо не увлекли ни читателя, ни зрителя.

Проект «Счастье» Ливанели, в отличие от концептуального проекта «Музей невинности» (*Masumiyet müzesi*, 2008) Орхана Памука [Образцов, Сулейманова 2014] или проекта Фернана Озпетек «Стамбульский красный» (*İstanbul kırmızısı*, 2014) [Сулейманова 2015], является ситуативным. Однако, появившись почти одновременно, эти три проекта демонстрируют современную тенденцию в турецкой литературе: в разных видах искусства создаются произведения, дополняющие друг друга за счет визуализации и/или нарративизации, что усиливает общий эстетический эффект через обнаружение новых смыслов⁸.

Литература

- Демидчик 2004 – Демидчик В.П. Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв.: Закарийя ал-Казвини и жанр мирабиллий. М.: Восточная литература, 2004. {Demidchik V.P. 2004. *World of miracles in Arabic literature XIII–XIV centuries: Zakariya al-Qazwini and genre of mirabilii*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004.}
- Коран 2009 – Коран. Пер. с ар. и комм. М.-Н. О. Османова. – СПб.: ДИЛЯ, 2009. {Qur'an. Translation from Arabic and commentaries by M.-N.O. Osmanov. Saint-Petersburg: Dilya, 2009}
- Образцов, Сулейманова 2014 – Образцов А.В., Сулейманова А.С. Conceptual art Орхана Памука // Вопросы тюркской филологии. Вып. X: Материалы Дмитриевских чтений. – М.: ООО «Издательство МБА», 2014. С. 221–243. {Obraztsov A.V., Suleymanova A.S. 2014. *Conceptual art of Orhan Pamuk*. Voprosy tyurkskoy filologii. X: Materials of the Annual Dmitriev Readings. Moscow: ООО Izdatel'stvo MBA, Moscow, 2014. PP. 221–243.}
- Птицы 1988 – Птицы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2. – М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 346–349. {Birds. 1988. // Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. PP. 346–349.}
- Руднев 2009 – Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2009. {Rudnev V.P. 2009. *Encyclopedia of culture of the XX century. Main concepts and texts*. Moscow: Agraf, 2009.}
- Стеблева 2002 – Стеблева И.В. Очерки турецкой мифологии: по материалам волшебной сказки. – М.: Вост. лит., 2002. {Stebleva I.V. 2002. *Essays on Turkish mythology: according to the materials of the fairy tale*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002.}
- Сулейманова 2015 – Сулейманова А.С. Ферзан Озпетек: нарративизация визуального // Языки и литературы тюркских народов. Международная научная конференция, посвященная 180-летию кафедры тюркской филологии СПбГУ. 26–28.11.2015. Тезисы. – СПб., 2015. С.114–116. {Suleymanova A.S. 2015. *Ferzan Ozpetek: narrativizatsiya vizual'nogo*. [Ferzan Özpetek's narrativization of the visual world]. Yazyki i literatury tyurkskikh narodov. Mezhdunarodnaya konferentsiya

⁸ Не случайно некоторые авторы, например Максим Шаттам, заранее сообщают читателю, какие фильмы и какую музыку они смотрели и слушали при работе над текстом.

- posvyashchyonnaya 180-letiyu kafedry tyurkskoy filologii SpBGU. 26–28.11.2015. Saint-Petersburg, 2015. PP. 114–115.}
- TP 1986 – Турецкие сказки. Сост., пер. с тур., вступ. ст. и прим. *И.В. Стеблевой*. – М.: Наука, 1986. {Turkish fairy tale. Compiled, translated form Turkish, and complemented with introductory article and notes by I.V. Stebleva. Moscow: Nauka, 1986.}
- Livaneli 2002 – *Livaneli Z. Mutluluk*. – İstanbul: Remzi, 2002.
- Özkırmı 2004 – *Özkırmı A. Türk Edebiyatı Tarihi* (ansiklopedik). C. 1–2. – İstanbul: İnkilâp, 2004. {Özkırmı A. *History of the Turkish Literature (Encyclopedia)*. PP. 1–2. – Istanbul: İnkilâp, 2004.}
- Uğur 2013 – *Uğur V. 1980 Sonrası Türkiye’de Popüler Roman*. – İstanbul: Koç Üni., 2013.
- livaneli.gen – <http://www.livaneli.gen.tr>
- livaneli.net – <http://www.livaneli.net>
- Milliyet-<http://www.milliyet.com.tr/Ekonomi/HaberDetay.aspx?aType=HaberDetayArsiv&ArticleID=1030374&Kategori=ekonomi&b=Livaneli,%20Film%20Fabrikasi%20Kurdu,%20Haremi%20de%20cekecek>

STRATEGY OF “BLISS” BY ZÜLFÜ LIVANELİ: NARRATIVE AND VISUALITY

A.V. Obratsov, A. S. Suleymanova

S-Petersburg

Summary: The paper centers around Zülfü Livaneli’s artistic project “Bliss”, which comprises three parts with the same name: the novel, the film and the soundtrack. Giving thorough consideration to interrelation, correspondence and balance of the parts, the authors of the paper come to the conclusion that they are mutually complementary concerning the information they give. The unity of narration and visuality is underlined by soundtrack which becomes the counterpoint. Comparing Livaneli’s project with those of Orhan Pamuk and Ferzan Özpetek, which are strategically close, the authors conclude that “project” is the main tendency in the development of Turkish literature.

Keywords: Zülfü Livaneli, “Bliss” (Mutluluk), narrative, visuality, artistic project, mass culture.

**ИЗ ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА НАЧАЛА XX ВЕКА:
СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
И КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОЯ
(НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

Ф.Ш. Сибгаатов

г. Уфа

Резюме: До 20-х годов XX в. коранические мотивы были неотъемлемой частью литературы мусульманских народов, в т.ч. и Урало-Поволжского региона. Одновременно это был период распространения среди тюркских народов новых взглядов на образование и период приобщения к европейским ценностям. Писатели прекрасно осознавали, что для развития культуры, литературы и экономики необходимо опираться на лучшие достижения восточной и западной культур. Следствием этого стало преломление коранических традиций (М. Гафури, Ш. Бабич) и формирование новой концепции литературного героя (произведения Р. Фахретдинова, З. Хади).

Ключевые слова: Урало-Поволжский регион, сюжет, ислам, концепция героя, башкирская литература, тюркоязычные народы.

Как известно, начало XX в. было удивительным временем в истории российских мусульман: стены медресе (мусульманских школ), организованных просветителями-джадидистами, покинула плеяда талантливых поэтов, писателей и журналистов, ставших впоследствии гордостью тюркских народов Российской империи, а затем и страны Советов. В творчестве большинства из них присутствуют коранические и религиозные мотивы, что имеет свое объяснение: ислам до 20-х гг. XX века был неотъемлемой частью самосознания и культуры мусульманских народов страны. Он упорядочивал почти все стороны жизни общества и определял его духовно-нравственные ценности, представляя во многом целостную и гармоничную религиозно-философскую и духовно-бытовую систему, имеющую практическое применение. Распространение ислама дало импульс возникновению и развитию различных жанров религиозно-дидактической литературы, которая оказала существенное влияние на этическое сознание народа.

В конце XIX в. стало заметно отставание мусульманского сообщества Российской империи в экономике, науке и образовании от Запада, как и народов Ближнего и Среднего Востока. Как ни парадоксально, именно религия, которая в X–XV веках дала мощный толчок к развитию культуры и науки, названная

Сибгаатов Флюр Шарифуллович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Башкирского государственного университета, e-mail: jamachta@mail.ru

А. Мецем (1869–1917) «мусульманским Ренессансом» [Мец 1973], позднее превратившись в затверделую догматику и способствовала социально-экономическому закату. Поэтому ряд мыслителей, опираясь на ранние традиции ислама, справедливо полагали, что социально-экономическую неразвитость можно преодолеть с его же помощью. Естественно, эти идеи нашли свое отражение и в культурно-литературном процессе. Можно с уверенностью говорить о том, что появился новый взгляд на ислам. В глобальном смысле он был связан с деятельностью Мухаммеда Абдо (1849–1905) и Джемаль-ад-Дина аль-Афгани (1839–1897), а в тюркском мире – крымско-татарского просветителя И. Гаспралы (1851–1914), татарских деятелей Ш. Марджани (1818–1889) и К. Насыри (1825–1902), башкирских просветителей Р. Фахретдинова (1859–1936) и М. Уметбаева (1841–1907). Эти передовые умы эпохи одними из первых осознали, что для развития экономики, культуры и литературы необходимо опираться на все наилучшие достижения восточной и западной культур.

Рост национального сознания мусульманских народов подтолкнул ряд представителей мусульманства к получению хорошего образования и изучению русского языка. Незнание языка ограничивало людей в карьерном росте: они могли работать лишь в медресе и в редакциях тюркских газет, а занимать государственные должности уже не имели права. Поэтому представители образованных и обеспеченных слоев общества стремились отдавать своих детей на обучение в русские гимназии.

Эти события нашли отражение и в литературе, например, в творчестве таких писателей, как Мажит Гафури (1880–1934), Ризаитдин Фахретдинов и других.

Начало XX в. ознаменовалось периодом создания первых национальных поэм. Они основывались либо на фольклорном материале – Б. Мирзанов (1892–1941) «Инкилаб» («Переворот»), «Ен туйы» («Бесовская свадьба»), М. Гафури «Бикле хазина» («Сокрытый клад»), – либо на религиозном: Ш. Бабиç (1895–1919) «Газазил» («Газазил»), М. Гафури «Эзэм үә Иблис» («Адам и Иблис»), «Рисаләт» («Пророчество»), Б. Мирзанов «Илсе» («Посланник»). В произведении «Корбан байрамы мөнәсәбәте илә» («По случаю курбан-байрама») Ш. Бабиç также умело использовал сюжетно-композиционную форму коранической легенды [Сибгатов 2001: 78].

На наш взгляд, обращение к мифологическим истокам является общепризнаваемым для мировой культуры. Как писал Е.М. Мелетинский, «Мифология – весьма архаическая и, вместе с тем, очень живучая форма творческой фантазии. Она выступает доминантой духовной культуры в первобытных и отчасти древних обществах... Мифология составляет почву и арсенал ранних форм как религии, так и поэзии» [Мелетинский 1977: 23].

Такую же картину наблюдаем и в татарской литературе начала XX в. Например, в центре поэмы «Хызыр» (1917) Г. Сунагати, как и в поэмах «Илсе» Б. Мирзанова и «Рисаләт» М. Гафури, стоит образ пророка. В 20-е гг. Хади Такташ в трагедии «Жир уллары трагедиясе» («Трагедия сыновей земли») основывается на коранической легенде о Кабиле и Хабиле.

Коранические сюжеты стали основой для произведений «Менла Гибәтулла бин шәйх Зәйнулла ән-Нәкшбәнди хәзрәтләре мәрсиәсе» («Элегия о почтеннейшем мулле Хибатулле бин шейх Зәйнулла ан-Накшбанди», 1903), «Эзэм үә Иб-

лис» (1910, «Адам и Иблис»), «Хэзрэт рәсул (салаллаһу гәләйһи үә-ссәләм) үә дүрт хәлифә» (1912, «Его сиятельство посланник Аллаха (да благословит его Аллах) и четыре халифа»), «Рисәләт» («Пророчество») М. Гафури, «Ғазазил», «Корбан байрамы мөнәсәбәте илә» («По случаю курбан-байрама») Ш. Бабича.

Кисса «Адам и Иблис» включает в себе четыре коранических легенды. С первых строк автор рисует картину сотворения мира, его величие и грандиозность, которая выполняет роль экспозиции. В Коране приводятся разные версии описания процесса сотворения человека: «из звучащей глины» [Коран 1986 – 15: 26¹], «сотворил его лучшим сложением» [Коран 1986 – 95: 4]; о сотворении из сгустка [Коран 1986 – 9: 1–2], сгустка крови [Коран 1986 – 22: 5]. М. Гафури останавливается на версии сотворения из сгустка крови и, опираясь на суру «ат-Тин», показывает процесс приобретения человеком нынешнего облика: «Создал Аллах Адама, плоть и кровь ему дал / По истечении многих лет, Аллах Адаму душу дал / Говорят, Хода изначально сотворил Адама на земле / Лежал Адам там, войдя в обличье человечь» (подстрочный перевод. – Ф. С.).

На протяжении всего произведения М. Гафури не отходит от сюжета коранической легенды. В следующей части поэмы, основанной на легенде об Иблисе и его изгнании из рая в ад, он также следует ей, а монолог Иблиса, просившего сохранить ему жизнь, почти полностью созвучен с легендой. В V главе книги, показывая читателю, что им не были изменены сюжетно-композиционные особенности преданий и слова его не вымышлены, автор ссылается на старые религиозные книги. Последняя XI глава в композиционном плане играет роль эпилога. Здесь автор делает краткий обзор последующей истории человечества, упоминая и о пророках, посланных Аллахом на землю. После такого небольшого экскурса М. Гафури связывает историю с современностью.

В центре многих произведений М. Гафури находятся проблемы утверждения мусульманских идеалов, духовного и нравственного воспитания. С этой целью автор ведет кропотливую работу по внушению, назиданию и наставлению. Побудительный пафос проявляется и в повторении из текста в текст одних и тех же образов и предписаний: о пользе чтения Корана, возвеличивания Всевышнего, о прощении за грехи, о дозволенности и запрете для мусульман, о брэнности земного существования, необходимости исполнения предписаний шариата, картины рая, ада и Судного дня. Повторяемость тем, сюжетов, образов и поэтических троп связано с традициями Корана и всей последующей арабской литературы, для которых «...повторы, ретардации, постепенное нагнетание интенсивности были чрезвычайно характерны» [Шидфар 1974: 59].

В советский период, используя религиозные предания, М. Гафури не приписывает им положительную коннотацию, что было связано с адаптацией к новой политической обстановке. В стихотворении «Небесные песни», написанном в 1927 г., как и в поэме «Адам и Иблис», мы встречаем тех же двух героев – Адама и Иблиса, а также образ рабочего. Можно считать, что это произведение является назирой (спором) с кыссой «Адам и Иблис». В повести «Черноликие» (1927) также заметно влияние серии кысса о Гали-батыре. Например, в повести есть

¹ Первые цифры – порядок расположения сур, вторые, после двоеточия, порядок расположения аятов.

сюжетная линия, связанная с образом мальчика Гали. Возвращаясь вечером домой, встреченные на пути сорняки и крапиву он представляет войском, а себя – праведным халифом, полководцем Али. Мальчик вообразил, что в его руках не обычная палка, а волшебный меч Зульфакар, который, по преданию, имел волшебное свойство то увеличиваться, то уменьшаться.

В поэме «Газазил» Ш. Бабича не соблюдается сюжетно-композиционная последовательность. Для автора важнее основная идея – тема коранической легенды, поэтому он не останавливается на истории сотворения Адама, а начинает с середины коранической легенды – с обращения Аллаха к ангелам и с требования подчинения воле первочеловека.

Таким образом, мы наблюдаем влияние послекоранических преданий. На это указывает тот факт, что здесь главного героя произведения зовут не Иблис, а Газазил. «Послекораническое предание уделяет большое внимание различным вариантам истории Иблиса до его падения. Рассказывается, что звался «Азазил или ал-Харис и был послан с небес, чтобы подавить на земле мятеж джиннов. Возгордившись своей победой и тем, что он господствовал над всей землей (отсюда еще одно его имя – ал-Хакам), он и ослушался приказа Аллаха» [Ислам 1981: 82].

Отметим также хорошее знание Ш. Бабичем содержания «Шахнаме» Фирдоуси. Как повествуется в произведении, в давние времена на земле фасийцев жил властолюбивый человек по имени Зохах. Однажды к нему пришел Иблис и сказал: «Над солнцем возвышу я главу твою, // Если ты вступишь со мной в союз». При его помощи Зохах убил своего отца и овладел престолом. После этого Иблис превратился в прекрасного юношу. Таким образом, он может менять свое обличье, чтобы не отпугивать людей [Сибгатов 2011: 989].

Сюжет распространения первогреха в поэме получает совсем другую трактовку. По мнению автора, грех начинается не с плодов запрещенного растения, как повествуется в послекоранических легендах, а от волосинок бороды и усов Иблиса. Он сумел соблазнить людей рассказом об их божественном происхождении.

Начало XX в. отличается преломлением известных коранических мотивов. Если до этого основное внимание было направлено на моральное «надавливание» на слушателей и читателей, на их бескорыстное служение духовным идеям, то сейчас писатели-просветители стремятся заинтересовать читателей высокими материальными благами, которых можно достичь только при помощи знаний. В этих условиях новые взгляды, концепции и нормы переосмыслены через призму ислама в привычных для народа образах и сюжетах. Это отражено в новых формах, в которых теперь написаны произведения М. Гафури, Р. Фахретдинова, З. Хади.

В повести «Сәлимә йәки Гиффәт» (1904; «Салима, или Целомудрие») Р. Фахретдинов создает образ свободной, образованной и богатой мусульманской девушки из Египта, которая может стать примером для подрастающего поколения. Таким способом просветители в своих произведениях старались создать концепцию «совершенного человека» («ал-инсану-л камил»), выступая против концепции абсолютной предопределенности судьбы человека. Он свободен в своих действиях, поступках и сам осуществляет свой выбор. При этом в произведениях «Салима, или Целомудрие» Р. Фахретдинова и «Мәгсум» (1906; «Магсум»), «Йыһанша хәзрәт» (1908; «Зиганша-хазрет (Почтеннейшей Зиганша)»,

«Яңы эсхәбе каһеф» (1908; «Новые пещерные люди») Закира Хади наряду с обще-мусульманскими традициями уделяется огромное внимание традиционной культуре башкирского народа.

Джадидизм оказал заметное влияние на тюркоязычную литературу, и на его основе формируется новая концепция литературного героя, нашедшая отражение во многих произведениях начала XX в.

Например, у Закира Хади есть очень интересное произведение – «Зиганша-хазрат», главного героя которого в советский период трактовали как отрицательного. Но это весьма поучительное произведение. Когда-то Зиганша был обычным деревенским мальчиком из крестьянской семьи, которому отец постоянно говорил: «Будешь хорошо учиться, станешь муллой».

Особое впечатление на мальчика произвела сцена, когда отец пригласил деревенского хазрата для совершения одного из ритуалов. Мальчик решил понаблюдать из-за занавески за гостем и отцом. Они вместе попили чай, затем мулла почитал Коран и получил от отца вознаграждение. Вот тогда семилетний мальчик открыл для себя простую, но весьма важную истину: оказывается, «труд муллы намного легче труда мужика». Именно это заставило его учиться: он блестяще окончил медресе в своей родной деревне, а затем в соседней. Когда отец сказал, что у него нет возможности обучать его дальше, мальчик принимает решение учить состоятельных шакирдов², чтобы зарабатывать деньги для продолжения своего обучения. В результате он окончил медресе в Бухаре. Через какое-то время вернулся в родные края в должности хальфы³. В конце произведения автор представляет его в качестве имам-мухтасиба⁴. Таким образом, его мечта сбылась...

Это произведение очень показательное: оно говорит о том, что для одних людей в приоритете духовное, а для других – материальное. Но в жизненной реалии иногда, даже часто материальное превалирует над духовным, что и хочет показать автор.

Похожая идея находит отражение и в произведении «Счастливая девушка» Закира Хади. Главный герой отправляется учиться в Казань, а возвращается в родную деревню на тройке лошадей. В чем суть произведения? Ислам запрещает получать прибыль нечестным путем и рекомендует довольствоваться малым. Закир Хади и другие писатели провозглашают идею того, что если человек получает блестящее образование, то с его помощью может претендовать на изменение своего социального и материального статуса.

В произведении Шайхзаде Бабица «Башкорт халкына көйле хитап» (1919, «Поэтическое обращение к башкирскому народу») литературные традиции (жанр, мотивы) и элементы народного творчества гармонично переплетаются,

² Шакирд – ученик (в медресе).

³ Хальфа – преподаватель.

⁴ Имам-мухтасиб (*подсчитывающий*) – 1) Служащий, следящий за претворением в жизнь исламских моральных норм. Обладал правом налагать за провинности различные виды наказания. Составной частью работы мухтасиба была профилактика правонарушений, для чего они проводили кампанию по просвещению населения. 2) Руководитель территориальной мусульманской общины, куда входят несколько мечетей.

нося в себе новую смысловую нагрузку. Жанр своего произведения автор вынес в заглавие, обозначив его как *хитаб* (обращение). В произведении, кроме содержания и тематики, можем указать еще на один факт, связанный с арабомусульманскими традициями. В преисламской Аравии одной из категорий лиц, обладавших значительным влиянием, были *ша'иры* (поэты). «В тех аятах Корана, где говорится, что окружающие видели в Мухаммаде кахина, назван и ша'ир [52, 29–31]. Подобно тому, как кахин вопреки часто принятому переводу слова – не жрец, ша'ир – далеко не просто „поэт“. Ша'ир тоже одна из фигур, „общавшаяся“ с потусторонним миром, но стоявшая в общественной иерархии много ниже, чем кахин. Ша'иры свои связи с высшим миром использовали для магических действий на пользу сородичам» [Пиотровский 1984: 7].

Шайхзада Бабич для башкирского и татарского народов был не просто поэтом, но и достаточно известным и почитаемым человеком, своего рода национальным лидером. Кроме того, с древних времен башкиры с особым почитанием и уважением относились к *сэсэнам* (поэтам-импровизаторам). Возможно, Ш. Бабич сочетал в себе поэта (*ша'ира*) и *сээна* (импровизатора) в одном лице. Поэтому слушатели воспринимали его именно как *ша'ира* в первоначальном, сакральном значении. В этом и заключалась та могучая идеологическая сила и вера людей в магическое влияние его стихов, которая заставила перейти солдат и офицеров башкирского национального движения со стороны войск Белой армии на сторону Красных.

В годы Гражданской войны жанр «хитаб» получил широкое распространение в башкирской и татарской литературе. Поэты противоборствующих сторон активно использовали широко апробированные в предыдущие годы поэтические нормы и формы для изъяснения политических целей и задач, призывая граждан встать под знамена. Особенно преуспели в этом направлении поэты-большевики. Здесь мы наблюдаем интересный синтез традиционных форм, языковых средств и символики с идеологией коммунистов. Это нашло отражение в произведениях Г. Гиззатуллина, К. Карипова, И. Кушаева, Г. Матросова, Ф. Мажита и др.

Таким образом, литература начала XX в., синтезирующая в себе художественные традиции национального фольклора и арабо-тюрко-мусульманской культуры, занимает особое место в духовном наследии башкирского народа. На этом богатейшем материале воспитывалось не одно поколение читателей, его эстетико-художественные традиции были продолжены в прозе и поэзии последующих поколений. Это наследие явилось основой национальной литературы, истоком творчества крупнейших писателей и поэтов начала XX в. – М. Гафури, Ш. Бабича, середины и второй половины XX века – М. Карима, Н. Наджми и др.

Литература

- Ислам 1981 – Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1981. {Islam. Encyclopedic Dictionary. M.: Science, 1981.}
- Коран 1986 – Коран / Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, 1986. {Quran. Translation and Comments by I.Yu. Krachkovsky. Ed. 2. M.: Science, 1986.}
- Мелитинский 1977 – Мелитинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система. М.: Наука, 1977. {Melitinsky E.M. Myth and historical poetics of folklore // Folklore. Poetic system. M.: Science, 1977.}

- Мец 1973 – *Мец А.* Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1973. {*Metz A.* The Muslim Renaissance. M.: Science, 1973.}
- Пиотровский 1984 – *Пиотровский М.Б.* О природе власти Мухаммада // Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах. История и современность. Сборник статей. – М.: Наука, 1984. {*Piotrovsky M.B.* On the nature of power of Muhammad // State power and socio-political structures in Arab countries. History and modernity. Digest of articles. – M.: Science, 1984.}
- Сибгаатов 2011 – *Сибгаатов Ф.Ш.* Отражение восточных поэтических традиций в произведениях «Газазил» и «По случаю курбан-байрама» Ш. Бабича // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3–1. С. 989–991. {*Sibagatov F.Sh.* Reflection of Eastern poetic traditions in the works “Gazazil” and “On the Occasion of Kurban Bairam” by Sh. Babich // Bulletin of the Bashkir University. 2011. Vol. 16. №3–1. PP. 989–991.}
- Сибгәтов 2001 – *Сибгәтов Ф.Ш.* Башкорт эзбиәтендә Коръән мотивтары = Коранические мотивы в башкирской литературе. Уфа: Гилем, 2001. {*Sibagatov F.Sh.* Quranic motifs in Bashkir literature. Ufa: Science, 2001.}
- Шидфар 1974 – *Шидфар Б.Я.* Образная система арабской классической литературы (VI–X века). М.: Наука, 1974. {*Shidfar B.Ya.* The figurative system of Arabic classical literature (VI – X century). M.: Science, 1974.}

**ON MUSLIM TURKIC LITERATURE OF URAL-VOLGA REGION
IN THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY:
ASPECTS OF PLOT AND COMPOSITION
AND THE SO-CALLED CONCEPT OF HERO
(THROUGH AN EXAMPLE OF THE BASHKIR LITERATURE)**

Flur Sibagatov

Ufa

Summary: Until the 1920s, Koranic motifs were an integral part of the literature of Muslim peoples, including the Ural-Volga region. At the same time, it was a period of spreading of new views and ideas on education and familiarization with European values among the Turkic peoples. Writers understood perfectly well that in order to develop culture, literature and economics, it was necessary to rely on the best achievements of Eastern and Western cultures. As a result, we see the refraction of traditional Koranic forms (M. Ghafuri, S. Babich), the formation of a new concept of a literary hero (works by R. Fakhretdinov, Z. Hadi).

Keywords: Ural-Volga region, plot, Islam, the concept of hero, Bashkir literature, Turkic peoples.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПЕСНЯ-БАЛЛАДА «БИЙНЁГЕР» И КИРГИЗСКИЙ ЭПОС «КОЖОЖАШ» (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Адильхан Адильоглу

Турция

Резюме: Различные верования, связанные с охотой, нашли широкое отражение в фольклоре древних тюрков. Карачаево-балкарская баллада «Бийнёгер» и киргизский эпос «Кожожаш» рассказывают об охотниках, которые были наказаны духом-хранителем диких животных за безжалостное уничтожение зверей. В статье проводится сравнительный анализ двух легенд, определяются сходство и различие, приводится вывод об их происхождении.

Ключевые слова: карачаевцы, балкарцы, киргизы, эпос, легенда, баллада, охота, покровитель охоты.

Как и у других тюркских народов, у карачаевцев и балкарцев, проживающих на Северном Кавказе, существовала вера в покровителя диких животных, в частности оленей и туров, Апсаты. Он представлялся в образе белого тура, а позднее – как старец с длинной белой бородой, восседавший на троне высоко в горах. Согласно охотничьим поверьям, Апсаты не позволял без особого разрешения охотиться на животных, находящихся под его покровительством, а тех, кто нарушал его запреты, жестоко наказывал. Поэтому в Карачае и Балкарии перед охотой проводили различные ритуалы в честь Апсаты: приносились жертвы, возносились молитвы и т.д.

Верования, связанные с охотой, нашли широкое отражение в этнографии и фольклоре карачаевцев и балкарцев. Так, эпическая песня «Бийнёгер» является одним из лучших образцов охотничьей поэзии. Как повествуется в балладе, юноша Бийнёгер был известным в округе охотником. Он ежедневно охотился на оленей, туров и убивал их больше, чем это было ему необходимо. Это вызвало недовольство Апсаты, и он решил наказать его.

Однажды Бийнёгеру сообщают, что его старший брат смертельно болен. Ведуньи аула, где жил Бийнёгер, сказали ему, что больного может излечить только молоко белой оленихи, и Бийнёгер отправляется в горы. Встретившись с белой

Адильхан Адильоглу – кандидат филологических наук, доцент кафедры турецкого языка и литературы литературного факультета Университета Акдениз, г. Анталья (Турция), e-mail: adilhanadiloglu@hotmail.com.

оленихой, он много дней преследует ее и оказывается на вершине высокой, отвесной скалы. В течение пятнадцати дней Бийнёгер находится на скале, в смертельной опасности, без еды и питья. Понимая, что спуститься со скалы он не сможет, Бийнёгер, чтобы избежать мучительной смерти, по совету своей возлюбленной бросается со скалы. Олениха, которая заманила его на скалу, оказалась дочерью Апсаты – Фатимой. Таким образом, Бийнёгер погиб за то, что безжалостно уничтожал животных Апсаты.

Одним из первых исследований легенды «Бийнёгер» в Турции является статья известного языковеда Саадет Чагатай «Охотник Бийнёгер в карачаевской народной литературе». В этой статье она подчеркивает: «Карачаевская народная поэма... несомненно, имеет очень древнее происхождение. Возможно, данная поэма предстает перед нами как одно из редких сокровищ, появившееся из древнеиндийских сказаний и впитавшее в себя характерные черты буддизма, христианства и ислама» [Çağatay 1953: 102].

В своей работе С. Чагатай проанализировала и имена Апсаты и его дочери Фатимы. Она указала и на сходство мотивов «Бийнёгера» с древнеуйгурской буддистской легендой «Дантипала». И в том, и в другом произведении главным героем является охотник. Король Дантипала, осмелившийся убить священного оленя несмотря на то, что убийство животных считалось грехом, сталкивается с невиданным наказанием. По мнению С. Чагатай, данная легенда при посредстве буддизма перешла из древнеиндийских сказаний к древним уйгурам. Также в статье она сравнивает отдельные мотивы легенды «Бийнёгер» со сказаниями других тюркских народов и образцами европейской народной литературы [Çağatay 1953: 92–102]. Позднее она опубликовала и другую статью: «Некоторые мотивы, связанные с оленем, в народной литературе тюрков», – в которой также обращается к этому произведению и сравнивает его с тюркскими легендами, в которых присутствуют мотивы, связанные с оленями [Çağatay, 1956: 153–177].

О балладе-легенде «Бийнёгер», помимо вышеуказанных работ С. Чагатай, имеются и исследования карачаево-балкарских ученых: это и краткие аннотации к публикациям различных вариантов «Бийнёгера» в фольклорных сборниках, и отдельные статьи, в которых ученые в ходе исследования мифологии, охотничьей поэзии и других жанров фольклора карачаевцев и балкарцев привлекают и варианты «Бийнёгера» [Хабичев 1984; Mızılani 1988; Малкондуев 1990; Хаджиева 1994; Карчаева 1996; Töppelanı 2007 и др.].

В своих исследованиях С. Чагатай провела сравнение баллады о Бийнёгере со многими легендами тюркских народов. Но в ее работах нет ссылок на эпос «Кожожаш», так как в тот период, к сожалению, в Турции не было публикаций этой киргизской легенды. Мы в своей статье попытались сравнить «Бийнёгер» и «Кожожаш» и тем самым внести свою лепту в изучение карачаево-балкарской баллады «Бийнёгер», начатое С. Чагатай.

Эпос «Кожожаш» несет в себе отражение тотемических верований киргизов, а также отражение жизни охотников-скотоводов. По мнению большинства киргизских исследователей, легенда «Кожожаш», которая является одним из видов малого эпоса, древнее более известного эпоса «Манас».

В легенде описывается противостояние Кожожаша и покровителя гор, оленей и туров Сур-Эчки – одна из традиционных тем мирового фольклора: противо-

стояние человека и природы. Кожожаш, смелый и удачливый охотник, чтобы прокормить свое племя, почти все свое время проводит в горах. Он настолько удачлив в охоте, что почти уничтожил всех оленей в округе, и за это заслужил проклятие Сур-Эчки. Чтобы погубить охотника, покровитель оленей заманил его на вершину горы, расположенную среди неприступных скал. Оказавшись в безвыходной ситуации, Кожожаш бросается со скалы [Cumakupova 2000: 75–76; Köse 2002: 9–10, 61, 101, 118].

Известный исследователь киргизского фольклора А.К. Исаева пишет: «Ч. Айтматов в своем диалоге с японским философом Дайсаку Икэда, касаясь проблемы Аральского моря, обращает внимание собеседника на философскую концепцию кыргызского эпоса «Кожожаш», где он отмечает, что противостояние природе, насилие над ней в конечном итоге приводит к исчезновению самого человека. Поэма «Кожожаш», возникшая на позициях антропоморфизма, раскрывает конфликт как противоборство двух персонажей. Здесь человек и антропоморфный образ Сур-Эчки – это вечные антагонисты, которые никогда не смогут прийти к общему согласию» [Исаева 2008: 281].

В Турции все исследования по эпосу «Кожожаш», за исключением нескольких статей и аннотаций, принадлежат Нерин Кёсе. Ею опубликовано много статей по данной тематике, а также объемное исследование «Легенда Кожожаш» (текст-анализ), в котором изложены варианты сказания по Осонбаеву, Конокбаеву, Джеентаеву [Köse 2002].

Как и все фольклорные произведения, за время своего бытования «Бийнёгер» и «Кожожаш» претерпевали определенные изменения. Различными в обеих легендах являются названия местности, где происходили эти события и жили герои, окружающая обстановка меняется в зависимости от культуры народа и географии. Героем одного сказания является Бийнёгер, другого – Кожожаш, место действия одной легенды – Кавказские горы, события другой легенды разворачиваются в горах Кыргызстана. Но содержание обеих легенд одинаково: характеристики героев, их страсть к охоте, развитие событий, и, что самое важное, причина появления данных легенд, их смысл идентичны.

С точки зрения содержания это не просто охотничьи рассказы, обе легенды очень архаичны и несут в себе большой информационный материал. «Институт охоты, занимавший важное место в социальной жизни древних тюрков, строился на очень жестких правилах, согласно которым нельзя было охотиться, когда захочешь и как захочешь. Нельзя было охотиться весной и осенью, когда животные размножаются и растут. Забота о сохранении видов животных, охота только по необходимости, уважение к природе и к духам-покровителям составляли базу института охоты у древних тюрков» [Roux 1994: 180–184].

Проведя исследовательский анализ содержания этих произведений, мы можем сказать, что «послание», переданное в данных сказаниях, связано с идеей охраны равновесия в природе. Содержание данного «послания» очень хорошо сформулировала одна из исследователей «Кожожаша» Гульзура Джумакунова: «Кто бы это ни был, даже если это любимый народом герой, если он совершает поступок против законов природы, он будет наказан. Исходя из этого, можно сделать вывод, что никто не имеет ни права, ни могущества нарушать законы природы. Данный вывод основывается на послании из глубины веков от наших

предков, которые хотели бережного отношения к животным, которые стоят на грани уничтожения» [Cumakunova 2002: 161–162]. В обоих произведениях основным мотивом является противостояние человека и сил природы и содержится предупреждение об опасности, которая грозит тем, кто осмелится выступить против нее, – подтверждением тому является трагическая судьба героев.

Анализ текстов показал, что за исключением некоторых различий в содержании и мотивах, «Бийнёгер» и «Кожожаш» очень схожи: характеристики героев, страсть к охоте, безжалостное истребление оленей, встреча с их покровителем, проклятие, заточение героев на вершине скалы, попытки родственников спасти героев и способ смерти, к которому они вынуждены прибегнуть, бросившись со скалы, в обеих легендах излагаются одинаково. И даже описание такого архаического мотива, как встреча героев с Покровителем Оленей, преподносится почти одинаково: оба героя, преследуя оленя, забираются на вершину горы, и это является первым шагом к той беде, которая их ждет. Исчезновение оленя в тумане в обоих сказаниях совершенно идентично. Далее повторная встреча с оленем, прощение героя и просьба оставить преследование излагается в них одинаково. Помимо этого, нельзя не заметить, что Бийнёгер встречает «трехногую» олениху, а Кожожаш – раненного в ногу Сур-Эчки, т.е. в обоих случаях обращается внимание на хромоту оленя. В тексте легенды о Бийнёгере часто употребляется выражение «хромая Фатима», а в сказании о Кожожаше – «хромой олень».

С. Чагатай в своей статье несколько иначе объясняет выражение «*трехногая Фатима, дочь Апсаты*». Согласно ее мнению, трехногие животные характерны для европейской народной литературы, и данный мотив связан с верой в воскрешение умерших – трехногий олень олицетворяет животных, убитых Бийнёгером ранее. С. Чагатай отмечает вероятность того, что трехногий олень и еще несколько мотивов были привнесены в культуру карачаевцев и балкарцев из Европы или с христианством [Çağatay 1953: 97–98]. Но причиной того, что Фатима предстает перед героем трехногой или хромой, может быть и то, что Бийнёгер во время предыдущей охоты ранил в ногу любимца Апсаты – оленя с ветвистыми рогами. В одном из вариантов легенды Покровитель оленей решает наказать Бийнёгера именно после того, как тот ранил этого оленя. Любимый олень Апсаты может быть и его «трехногой» дочерью Фатимой, о которой упоминается почти во всех вариантах «Бийнёгера». Возможно, автор легенды с целью придания большей таинственности не упомянул в начале сказания о том, кем являлся раненный олень. Этим С. Чагатай объясняет отсутствие в легенде некоторых строк.

Кожожаш, будучи на охоте, убил детей (оленят) и жену Сур-Эчки, Алабаш, а также ранил его самого в ногу. Но в тот момент Кожожаш еще не знал, кто такой Сур-Эчки. Только при второй встрече он узнает, что Сур-Эчки – Кайберената (покровитель оленей и туров). Таким образом, если в легенде о Кожожаше хромота Покровителя оленей имеет причину, то в сказании о Бийнёгере «трехногость» Фатимы объясняется ее необычностью и сверхъестественными особенностями. Согласно пояснениям, приведенным выше, высока вероятность того, что раненный Бийнёгером олень и есть Фатима, но со временем эти строки сказания были забыты и утеряны, и позднее «трехногость» Фатимы объяснялась сказителями как особенность ее сверхъестественной природы. С. Чагатай пишет: «Дан-

ное сказание за многие столетия смешалось из-за существовавших различных вариантов изложения» [Çağatay 1953: 102].

Подобная схожесть этих двух эпических песен не может быть случайностью или простым совпадением, ибо идентичность содержания прослеживается почти во всем. С нашей точки зрения, подобная схожесть объясняется тем, что обе легенды исходят из единого источника, то есть основой обоих текстов послужила одна очень древняя легенда, разделившаяся в неизвестный нам момент времени на две ветви. Даже если, как утверждает С. Чагатай, источником сказания о Бийнёгере послужили индийские легенды, мы можем считать, что в древности существовала только одна легенда, которая и легла в основу последующих произведений.

Статью Адильхана Адильоглу с турецкого языка перевел Ю.Э. Ботаев.

Литература

- Исаева 2008 – *Исаева А.К.* Трансляция малых эпосов «Кожожаш», «Эр-Тоштук», «Жаныл-мырза» // Известия вузов Кыргызстана. № 5–6. Бишкек, 2008. С. 280–284. {*Isaeva A.K.* Broadcasting of small epics “Kozhozhash”, “Er-Toshtuk”, “Zhanylmyrza” // News of universities of Kyrgyzstan. No. 5–6. 6 Bishkek, 2008, P. 280–284.}
- Карчаева 1996 – *Карчаева Х.* «Бийнегер» // «Минги-Тай». № 2. Нальчик, 1996. С. 206–212. {*Karçalani H.* “Biynöger” // “Mingi-Tau”. № 2. Nalçik, 1996. PP. 206–212}
- Малкондуев 1990 – *Малкондуев Х.Х.* Древняя песенная культура балкарцев. Нальчик, 1990. {*Malkonduev Kh. Kh.* The ancient song culture of the Balkarians. Nalchik, 1990.}
- Хабичев 1984 – *Хабиçлан М.* Биынöгер. Çerkessk, 1984.
- Хаджиева 1996 – *Хаджиева Т.М.* Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия. Нальчик, 1996. {*Khadzhieva T.M.* Karachay-Balkar folklore. Reader. Nalchik, 1996.}
- Çağatay 1953 – *Çağatay S.* “Karaçay Halk Edebiyatında Avcı Bineger”. Fuat Köprülü. Armağanı, İstanbul, 1953.
- Çağatay 1956 – *Çağatay S.* “Türk Halk Edebiyatında Geyiçe Dair Bazı Motifler”, Türk Dili Araştırmaları Yıllığı – Belleten, 1956.
- Cumakunova 2002 – *Cumakunova G.* “Kırgız Destanlarından Kococaş Destanı”. Uluslararası Türk Dünyası Halk Edebiyatı Kurultayı Bildirileri. Ankara, 2002.
- Köse 2002 – *Köse N.* Kococaş Destanı. İnceleme-Metin. Ankara, 2002.
- Mızılanı 1988 – *Mızılanı K.* “Biynöger” // “Mingi-Tau”. № 3. Nalçik, 1988.
- Roux 1994 – *Roux J.-P.* Türklerin ve Moğolların Eski Dini, Çeviren: Aykut Kazancıgil. İstanbul, 1994.
- Töppelani 2007 – *Töppelani A.* Uvçu Törelе, Miflе, Tavruhla // “Mingi-Tau”. № 2. Nalçik, 2007. С. 37–64.

Karachay-Balkar ballad song “Biynöger” and the Kyrgyz epic “Kozhozhash”

Adilhan Adiloğlu

Turkey

Summary: In the culture of the ancient Turks various beliefs associated with hunting were widely reflected in folklore. The Karachay-Balkar ballad “Biynöger” and the Kyrgyz epic “Kozhozhash” tell us about hunters who were punished by the guardian spirit of wild animals for their ruthless destruction of animals. The article provides a comparative analysis of the two legends, identifies the similarities and differences, and concludes about their origin.

Keywords: Karachays, Balkars, Kyrgyz, epic, legend, ballad, hunting, patron of the hunt.

СОВРЕМЕННЫЙ ХАКАССКИЙ ФОЛЬКЛОР: ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ¹

*Н.С. Майнагашева, В.В. Субракова, Ю.И. Чаптыкова,
Л.В. Челтыгмашева, Н.С. Чистобаева*

г. Абакан

Резюме: Статья посвящена описанию бытования современного фольклора хакасов и анализу языкового и фольклорно-этнографического материала, собранного во время экспедиции сотрудников Хакасского НИИЯЛИ в 2018 г. в Бейский район Республики Хакасия. Современный фольклор хакасов в населенных пунктах данного района представлен малыми жанрами, ситуативно-импровизационной лирической песней *тахлах*, несказочной прозой. Собранный материал свидетельствует о том, что за последние тридцать лет традиционные фольклорные жанры хакасов претерпели значительные перемены: одни уже исчезли, а другие все более утрачивают свои позиции.

Языковой материал, записанный от носителей бельтырского говора сагайского диалекта, а также койбальского говора качинского диалекта, говорит о значительном сужении в настоящее время функций этих диалектов, как и хакасского языка в целом.

Ключевые слова: фольклор, хакасы, жанры фольклора, тахпах, легенды, предания, хакасский язык, диалект, бельтырский говор, койбальский говор.

Хакасский фольклор, исторически сложившийся к XX в., накапливался не только годами, но и тысячелетиями. Формы народного традиционного творчества до нас дошли в виде героического эпоса, легенд, преданий, сказок, песен, малых жанров и обрядового фольклора. В данной статье предметом рассмотрения является вопрос функционирования этих традиционных форм фольклора в современном хакасском обществе.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-012-00695/18-«а».

Майнагашева Нина Семеновна – вед. науч. сотр. сектора лит-ры ГБНИУ РХ «Хакасский НИИЯЛИ», канд. филол. наук, e-mail: Nina_71@inbox.ru;

Субракова Вия Васильевна – ст. науч. сотр. сектора языка ГБНИУ РХ «Хакасский НИИЯЛИ», канд. филол. наук, e-mail: subrakova@mail.ru;

Чаптыкова Юлия Иннокентьевна – ст. науч. сотр. сектора фольклора ГБНИУ РХ «Хакасский НИИЯЛИ», канд. филол. наук, e-mail: yuliya-hakasiya@mail.ru;

Челтыгмашева Лариса Викторовна – вед. науч. сотр. сектора лит-ры ГБНИУ РХ «Хакасский НИИЯЛИ», канд. филол. наук, e-mail: cheltygmasheval@mail.ru;

Чистобаева Надежда Степановна – зав. сектором фольклора ГБНИУ РХ «Хакасский НИИЯЛИ», канд. филол. наук, e-mail: Chistobaeva-76@mail.ru.

Создатели фольклора хакасского народа, мудрые, талантливые, духовно богатые люди – это не просто «мудрецы-сказители, сказочники, тахпахчи и их слушатели, а «коллективные создатели вековых, тысячелетних художественно-духовных ценностей народа, ответственные за жизнь народа» [Майнагашева 2015: 198]. Хакасскими собирателями фольклора, начиная с 1944 г. и по сей день, собраны сотни томов текстов народного творчества. «Фольклор – это могучий корень, питающий гуманитарное просвещение, культуру, всю духовность, все хакасские гуманитарные науки, искусство Хакасии», – продолжает исследователь мысль о духовном богатстве своего народа [Майнагашева 2015: 198].

Что же в традиционной культуре хакасов сохранено или возрождено и живет в социально-бытовой сфере, а что ушло в прошлое и сохранилось в исторической памяти народа в условиях современности? Как духовное наследие народа, созданное в прошлом, влияет на этническую идентичность хакасов сегодня? Ответы на эти и другие вопросы дает анализ современного состояния народной культуры. Проблема сохранения национальных языков, культур народов России и вопрос об этнической идентификации стоит достаточно остро в эпоху унифицирующей глобализации. В силу всего этого вопрос о бытовании жанров фольклора хакасов как одного из малочисленных народов актуален для современной науки. В круг анализируемых нами проблем вошли формы бытования традиционного фольклора в народной среде. Материал был записан от информантов – носителей традиций².

Степень сохранности хакасского фольклора на территории республики в настоящее время различна. В сельской глубинке, где компактно проживает коренное население республики, бытуют элементы традиционной обрядности хакасов

² В 2018 г. при грантовой поддержке РФФИ состоялась экспедиция в Бейский район Республики Хакасии, где общая численность населения составляет более 21 тыс. человек. Было охвачено 12 населенных пунктов (села Большой Монок, Малый Монок, Верх-Киндирла, Усть-Киндирла, Усть-Сос, Уты, Койбалы, Красный Ключ, Куйбышево, Маткечик, Чаптыков, Шалгинов), в которых компактно проживают представители коренного населения. Общая численность населения в данных селах составляет чуть более 3400 человек. Данный район был выбран в связи с предполагающимся переселением коренных жителей из-за увеличения числа угольных разрезов вблизи данных населенных пунктов.

Установлено, что трансляторами традиционных знаний, быта, уклада жизни родного народа в Бейском районе Хакасии чаще всего являются информанты 1925–1928 и 1930–1940 годов рождения. В ходе проведенной экспедиции было опрошено 65 человек, носителей традиционных знаний народа и хакасского фольклора, в возрасте от 42 до 93 лет. Самые пожилые информанты проживают в аале Койбалы (Чебоचाкова Нина Афанасьевна 1925 г.р.), в аале Маткечик (Карачакова Мария Егоровна 1927 г.р., Чебодаева (Чучунова) Елена Албановна 1928 г.р.), в аале Красный Ключ (Тохтобин Григорий Терентьевич 1927 г.р., Сагалакова (Тиспирекова) Арина Апсаговна 1931 г.р.), в селе Куйбышево (Алахтаева (Шалгинова) Зинаида Петровна 1929 г.р.), в аале Чаптыков (Чаптыков Алексей Андреевич 1930 г.р.), в аале Усть-Киндирла (Сагалакова Евдокия (Кея) Тарасовна 1931 г.р.), в селе Большой Монок (Челтыгмашев Александр Гаврилович 1933 г.р.), в аале Малый Монок (Нербышев Антон Егорович 1936 г.р.), в аале Верх-Киндирла (Кайдачакова (Кокова) Нина Афанасьевна 1937 г.р.).

(кормление духа огня, свадебный, родильный, похоронный обряды и др.), исполняются песни-тахпахи (импровизационные песни), используются в быту пословицы, поговорки, благопожелания, рассказываются предания о роде, *сеоке*, об истории семьи и рода, топонимические предания, рассказы о сказителях, шаманах, о духах, хозяевах гор, рек и местностей. Во многих селах фольклорные традиции угасают, уходят из повседневной жизни народа. Так, живое исполнение *алыптыг ныхмах* (героического сказания) практически безвозвратно ушло в прошлое. В 1970 г. В.Е. Майногашева писала, что *алыптыг ныхмах* бытуют в живой традиции и в народе имеются хорошие знатоки-исполнители – *хайчи-ныхмахчи*, которые имеют «потребность исполнять их перед аудиторией, нести свои знания и духовное богатство родному народу» [Майногашева 1970: 96]. У народа была потребность слушать героические сказания, и слушатели практически «осаждали» *хайчи-ныхмахчи* просьбами исполнять по вечерам *алыптыг ныхмах*, поддерживая тем самым его творчество. К началу 2000-х гг. не осталось ни одного «настоящего сказителя, который бы знал хотя бы 3–4 алыптыг ныхмаха и пел бы хаем в сопровождении чатхана» [Майногашева 2015: 201]. В 2001 г. сотрудниками сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН в Хакасии были записаны фрагменты героических сказаний *алыптыг ныхмах*, в том числе в сопровождении чатхана [Алексеев, Солдатова 2002: 110]. Еще во второй половине XX в. в Бейском районе Хакасии общенародным признанием пользовались такие известные мастера сказительских импровизаций, как М.К. Добров (1903–1969), С.И. (Сохаң) Конгаров (1914–1994), О.Ф. (Сарга) Трояков (1870–?), А.А. Шулбаев (1909–?) и др. В памяти народа до сих пор живут образы сказителей, которые запомнились своим исполнением эпических сказаний. Так, информант В.И. Тутатчикова 1944 г.р. помнит Василия (Писилия) Кыстоякова из аала Куйбышево, который исполнял героические сказания в сопровождении музыкального инструмента чатхана в то время, когда она была ребенком. Также он был мастером по изготовлению народных музыкальных инструментов. К сожалению, годы жизни сказителя неизвестны, также не удалось хотя бы кратко восстановить сюжеты его сказаний. Представители старшего поколения жителей сел Усть-Киндирла, Малый Монок, Большой Монок, Красный ключ помнят сказителя Сагалакова Пабыя (Павла), но репертуар, сюжеты, имена героев его сказаний также не сохранились. По традиции, Пабый Сагалаков выступал со сказаниями по приглашению и в других селах, например, через горный перевал на лошади он добирался до хакасской деревни Улуг Арбыйт (Большие Арбаты).

В сознании современных хакасов устойчиво сохраняется мысль о том, что сказители были избранными, особо почитаемыми в обществе людьми, что их предназначение – служить искусству исполнения героического эпоса, зачастую несмотря ни на материальный недостаток, ни на сложную судьбу. По сей день в народе бытует мнение о том, что исполнение героического эпоса в сопровождении горлового пения не только несет в себе художественно-эстетическую функцию, но и имеет магическое воздействие на окружающий мир: природу, духов, хозяев гор, рек, а также на судьбы людей. Считалось, что владение древним вокальным искусством – умение «петь горлом» – дарует *хай ээзи* ‘хозяин горлового пения *хай*’. Подобные сведения уже давно известны фольклористам. В. Е. Майногашева отмечала, что сказители были убеждены в том, что избраны хозяином

хая, поэтому считали себя обязанными неукоснительно выполнять его волю, а «само сочетание в сказителе художественно-поэтического дара с верой в его предопределенность недвусмысленно свидетельствует о глубоком синкретизме не только содержания, но и бытования древнего народного искусства пения алыптыг нымахов» [Майногашева 2015: 38].

Нередко сказитель также славился как шаман или лекарь. Так, Василий (Писилий) Кыстойков был не просто сказителем, но еще и шаманом-знахарем, применявшим народные методы лечения и местные лекарственные травы. Например, при возникновении гнойных образований при стригущем лишае он высекал огонь огнивом и произносил заговор – *отых сахчаң* (букв. ‘высекал огниво’). К сожалению, на сегодняшний день тексты заклинаний мало сохранились в народе, так как врачеватели проговаривали их про себя. В народе нисколько не сомневаются, что Василий Кыстойков был «избранником духов», получившим шаманский дар по наследству. Зачастую он скрывал свои способности, но люди регулярно обращались к нему за помощью. Со временем шаманские задатки стали проявляться и у его дочери. Отец намеревался провести обряд посвящения в шаманы, но она категорически отказалась связывать свою жизнь с шаманским служением. После смерти отца шаманский дар проявился и у сыновей, но никто в семье не провел обряд инициации, поэтому наследственная линия шаманского рода прервалась. Однако в народе считается, что быть шаманом – это особая миссия, и не нужно от нее отказываться.

В 1960–1970 гг. в аале Усть-Киндирла проживал хайджи-нымахчи Айал апсах (его фамилия не известна, т. к. в народе его звали только по имени). Он был носителем койбалского говора и исполнял героические сказания под аккомпанемент *хомыса*. В памяти народа живет образ и другого импровизатора народного творчества – Алексея (Аахах) Сагалакова (примерно 1890 г.р.), который родился и всю жизнь прожил в аале Койбалы. Одним из известных хайджи-нымахчи с обширным репертуаром, которого помнит старшее поколение и о котором говорит с почтением, был Макар Константинович Добров (1903–1969) из рода Ах хасха, проживавший в аале Шалгинов. Сказитель Добров, как и многие хакасские сказители, исполнял произведения разных жанров: от тахпахы до героического эпоса. Он был знатоком древних обычаев и обрядов хакасов. В его репертуаре более 30 героических сказаний, 12 из которых хранятся в Рукописном фонде Хакасского НИИЯЛИ.

Услышать живое исполнение древнего хакасского сказания можно и в наши дни. В аутентичной среде сказание известного сказителя П. В. Курбижекова исполняет музыкант, скульптор Вячеслав Николаевич Кученов (1969 г.р.), достигший достаточно высокой степени исполнительского мастерства. Сказание «Ай-долай» исполняется им более трех часов. О себе Вячеслав Кученов говорит, что он – «не хайджи-сказитель, а реаниматор традиции». И, так как в памяти хакасов сохраняются фрагменты этого фольклорного жанра, то возможна его актуализация. Проведение в республике Региональной общественной организацией по сохранению и развитию хакасского языка «Ине тілі» ежегодного конкурса-фестиваля среди учащихся школ на знание героического эпоса *алыптыг нымах* и на исполнение небольших отрывков сказаний также способствует популяризации героического эпоса среди молодого поколения.

Героический эпос оказал огромное влияние на развитие жанра поэмы в национальной литературе хакасов. Наиболее яркими примерами являются тексты поэтов, аналогичные по идее, содержанию и структуре героическим сказаниям и определяемые самими авторами как «богатырские сказания»: «Алып Пил Тараан» («Богатырь Пил Тараан») М. Е. Кильчичакова (1919–1990) [Кильчичаков 1969 1962?], «Хан Тöнiс» («Хан Тонис») М. Р. Баинова (1937– 2001) [Баинов 1994]; «Сибен Арыҕ» («Сибен Арыг») А. В. Курбижековой (1951 г.р.) [Курбижекова 2011]. Все три автора родились и выросли в среде талантливых сказителей, певцов и сказочников, сыгравших важную роль в формировании и развитии их поэтического таланта. Конечно, в современной сложившейся социокультурной ситуации поэты лишь ориентируются на этническую культуру народа, и в таком контексте практически не приходится говорить о сохранении эпических традиций в чистом виде, а лишь о фрагментах утраченных богатых традиций прошлого. Кроме того, сегодня, когда хакасский язык активно теряет свои позиции, *алыптыг ныхах* остается одним из важнейших факторов его сохранения и развития, так как именно в нем мы усматриваем мощный внутренний потенциал родного языка. Безусловно, мы должны быть благодарны сказителям, которые, усвоив весь словесный фонд языковой системы родного народа и сохранив эмоционально-ценностное отношение к нему, сквозь века донесли до нас это богатство.

Высокой степенью сохранности в наше время обладает жанр *тахпах* – импровизационной лирической песни. Этот жанр всегда был одним из самых любимых в народе и по сей день остается одним из наиболее активно бытующих форм фольклора хакасов. Искусство исполнения тахпах в импровизационном песенном состязании заключается в том, что партнеры обмениваются вопросами и ответами – *тахпахтазарга, айтызарга* ‘петь/беседовать между собой’ (отсюда и название конкурса исполнителей тахпах – *айтыс*). По содержанию тахпах весьма разнообразны: о любви, о родной земле, о судьбе-доле человека или родного народа, о войне и мире и т. д. Старики и сейчас утверждают, что раньше тахпах пели все: и стар и млад. М. А. Унгвицкая, говоря о любви народа к тахпаху и его значимости для народа, отмечала, что в 1940–1970 гг. в каждом хакасском селении непременно жили «трое-четверо одаренных тахпахчи-певцов, известных и за пределами своего селения» [Унгвицкая 1980: 19].

Почти в каждой семье исполняли тахпах. Также тахпах использовали для общения между собой супруги, близкие и дальние родственники: то, что нельзя было сказать в простой беседе, можно было передать через тахпах. В этих песнях нашла свое выражение художественная одаренность народа. Как отмечала М. Унгвицкая, только в 1940 гг. было записано свыше тысячи текстов тахпахов [Унгвицкая 1980: 196]. Экспедиции Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории разных лет по сбору фольклора внесли огромный вклад в дело сохранения и исследования тахпах. Материалы слетов сказителей и тахпахчи публиковались на страницах газеты на хакасском языке «Ленин чолы» (Ленинский путь) и альманаха «Ах тасхыл» (букв. Беловершинная гора). Эти тексты стали образцами традиционного хакасского тахпах, сегодня фонд активно пополняется новыми. Традиционные тахпах входят в репертуар артистов филармонии, фольклорных ансамблей, кружков художественной самодеятельности, в народной среде исполняются на свадьбах и праздниках, в неко-

торых школах исполнять тахпах обучают детей. Например, в с. Куйбышево Бейского района учитель хакасского языка и литературы Чебодаева К.С., будучи сама знатоком фольклора, обучает детей искусству исполнения тахпаха. Подобных примеров немало.

Как видим, тахпах сегодня существует в аутентичной и неаутентичной среде. В памяти народа длительное время живут имена талантливых исполнителей-импровизаторов этих лирических песен, и многие информанты без затруднения могут назвать известных в районе тахпахчи. Во многих селах исследуемого района испокон веков люди славились своим мастерством исполнения тахпаха. Люди еще помнят в недавнем прошлом таких тахпахчи, как Петруха Сабанович Чебодаев, Анна Егоровна Чичинина, Семен Владимирович Алахтаев, супруги Полина Андреевна Артонова и Петр Федорович Капсаргин, Вера Федоровна Кыс-тоякова, Марфа Егоровна Чичинина, и многих других.

В понимании современных хакасов певцом-тахпахчи «нужно родиться»: талантливые певцы-тахпахчи считаются такими же «избранными», как и сказители. Певцы, как обладатели певческого импровизаторского дара, пользовались особым уважением народа. Поэтому в народе помнят не только красивые, самобытные голоса, но и манеру исполнения, богатство словесно-поэтического содержания песенных импровизаций. Многие тахпахчи активно принимают участие в «Айтыхсах», где в своеобразном певческом диалоге участники стараются превзойти друг друга в исполнении тахпаха. Народная любовь к тахпаху и его исполнителям-певцам велика, поэтому и востребованность праздника «Айтыхс» высокая. Этот фестиваль-конкурс возрожден в 2009 г. в с. Большой Монок Бейского района. Каждый тахпахчи считает важным для себя принять участие в этом состязании. Свидетельством тому служат и материалы экспедиции 2018 г. Среди наших информантов в конкурсе принимали участие тахпахчи Л. В. Ачитаева (1955 г.р.), Н. П. Чичинина (1957 г.р.), К. С. Чебодаева (1959 г.р.), Л. А. Шулбаева (1963 г.р.), А. П. Кайдачакова (1965 г.р.), И. И. Чебодаева (1969 г.р.) и др.

На современном этапе тахпах можно обнаружить в соцсетях в интернете, где некоторые авторы выстраивают в форме тахпаха свои высказывания или определенный спор (например, поэт Сибдей Том и музыкант Олег Чебодаев и др.). Тахпах продолжает бытовать в современном культурном пространстве и способствует выражению этнической идентичности. Многие певцы уверены в том, что важно иметь свой тахпах, петь о родине, о своем роде, о своих предках. Исполняя тахпахи о родной земле, современные тахпахчи так же, как и старшее поколение, активно используют выражения, ставшие своеобразным клише, формулой: *ах чазы* белая степь', *көк чазы* зеленая степь', *агыр суз* извилистая река', *игір суз* изогнутая река' и др. В народе по-прежнему бытует мнение о том, насколько важно хранить в памяти тахпахи старших родственников и перед исполнением рассказывать, кто и при каких обстоятельствах их пел, исполнять тахпахи, передающиеся от поколения к поколению. Молодые редко исполняют тахпах; как правило, исполнители тахпаха – это певцы старше среднего возраста, которые, усвоив тахпах в детстве от старших, к зрелому возрасту начинают воспринимать его как значимую часть жизни. Тахпах является одной из самых стабильных форм фольклора хакасов, сохраняется на протяжении многовековой истории народа, обладает потенциальными возможностями развития в современных ус-

ловиях и является для хакасов одним из факторов этнокультурной идентичности в современном социокультурном пространстве.

Активно функционирующими жанрами обрядового фольклора современных хакасов является *алгас* 'благопожелание', 'благословение', исполняющийся в календарных, хозяйственных, семейно-бытовых, родильных и свадебных обрядах, а также в похоронном обряде. Благопожелания являются неотъемлемой частью праздников, застолий, встреч родственников.

Со слов информантов, наряду с благопожеланиями обязательен ритуал кормления *От инези* ('Мать-огонь') во время проведения национальных праздников (*Чыл пазы* 'Начало года', *Тун пайрам* 'Праздник первого молока' и др.), свадеб, рождения ребенка, «разрезания пут», во время забоя скота, новоселья и т. д. Здесь обязательно произносятся благопожелания, содержащие в себе пожелание-просьбу о здоровье, благополучии, достатке для всего рода. Естественно, что основными носителями обрядовых традиций являются люди зрелого возраста. Ни одно важное событие не обходится без ритуального кормления духа огня. К древнему антропоморфному образу духа-хозяина огня хакасы продолжают обращаться на всех этапах жизненного пути: поклонение огню занимает центральное место при проведении родильного обряда, свадебного и похоронного. Спустя полвека образ духа огня в представлении народа изменился мало. В изданной в 1958 г. монографии «Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.)» этнограф К.М. Патачаков среди обрядов, проводимых хакасами с целью доброго расположения к себе духов-хозяев различных стихий, первым называет обряд, связанный с культом огня [Патачаков 1958: 122]. Сегодня значимость ритуала поклонения огню сохраняется, как и несколько десятилетий назад. Например, мать вместе с новорожденным, когда впервые приходят в дом, обязательно совершают обряд поклонения огню *отха пазырары*: родители с ребенком на руках и хозяйка дома вместе три раза кланяются очагу, хозяйка дома подкидывает в огонь кусочки хлеба со сметаной или маслом и другую ритуальную пищу, просит у хозяйки огня здоровья и благополучия для ребенка. Считается, что при несоблюдении обряда поклонения *От ине* «Мать-огонь» может «притянуть» у матери грудное молоко.

По представлениям современных хакасов, дух огня имеет женский образ – *От ине* (букв. 'Мать огонь'), и именно этот дух воздействует на многие сферы жизни народа. Поэтому, чтобы задобрить его, выразить ему свое почтение, хакасы проводят обряд кормления огня, произнося при этом благопожелания. Есть благопожелания, произносимые на семейно-бытовых обрядах: подбросив в огонь кусочки пищи, обращаются к духу огня, спрашивая здоровье и счастливую судьбу для новорожденного, любви, достатка и крепкого союза для молодоженов, благополучной жизни в ином мире для усопших и т. д. Как правило, в качестве ритуальной пищи используются национальные блюда *талган* 'мелко смолотый обжаренный ячмень или пшеница', масло, самодельный сыр *пызылах*, жирное мясо, чай с молоком и др. Во время кормления огня современные хакасы благодарят мать-огонь, произносят слова благословения, просьбу о благосклонности к кормящему огонь и его близким. Например, жительница с. Отты Аскизского района Татьяна Марковна Побызаква (1958 г.р.) говорит: «Отыс тістіг от іче, хырых тістіг хыс іче!» («Имеющая тридцать зубов мать-огонь, имеющая сорок зубов дева-мать!»). Но в основном современные хакасы духу огня поклоня-

ются без метафорически богатого образного ее описания и восхваления, как было у предков, но все с тем же глубоким чувством уважения и почитания. Подбрасывая в огонь кусочки пищи, обращаются к духу огня со словами «От инези» («Мать огня»), переходят к так называемой просительной части обряда, в которой испрашивают добра, достатка, здоровья, удачи для себя и своего рода. При этом находим, что ранее использовавшийся текст ритуала практически забыт. Например, А. Н. Качелорова в качестве благопожелания духу-хозяйке огня произносит следующие слова: «От Инези, азыран, хозяйканың пыласпа, астабин чөр!» («Мать-огонь, поешь, не отбирай у хозяйки, ходи всегда сытой!»). Старшие родственники учили ее и тому, что матери-огню нужно при кормлении «дарить» одежду, т. е. сжигать кусочек ткани и приговаривать: «Чылаас чөрбе, тонанчыгтыг чөр!» («Не ходи раздетой, ходи одетой!»). Отметим, что подобное сжигание кусочка ткани не встречается в других районах Хакасии. Подобные фрагменты благопожелания, сохранившиеся до наших дней, свидетельствуют о том, что дух огня в сознании народа имеет антропоморфный облик. Являясь одним из самых важных и устойчивых культов в культуре хакасов, дух огня *От инези* и сейчас считается главным духом, от поклонения которому зависит счастье, достаток и благополучие семьи, рода и всего народа. Языческие верования не утрачены в современном хакасском обществе и органично сосуществуют с православными традициями в сознании носителей культуры.

Таким образом, именно обрядовая поэзия, передаваясь из поколения в поколение, донесла до нас бесценные свидетельства народного мировосприятия, взгляды предков на природу и попытки воздействовать на нее силой слова. Она является составляющей традиционной культуры, одной из этнических характеристик, которая сохранилась до наших дней и бытует наряду с явлениями современной цивилизации. Уклад жизни сельских жителей естественным образом поддерживает некоторые традиции, в том числе и поклонение духу огня.

Из малых жанров в народе бытуют пословицы и поговорки. В народе всегда есть люди, которые хранят в памяти мудрые изречения старших родственников, активно применяют их в своей речи, по жизненным наблюдениям создают новые. Так, например, Казыгашева Екатерина Антоновна (1935 г.р.), жительница с. *Улуг Нонын* (Большой Монок) помнит поговорку матери: *Хыстыг кизи хыйын чатча, ооллыг кизи ойда чатча.* (букв. 'У кого дочь есть, тот на боку лежит, у кого сын есть, тот на спине лежит'), что означает «имея сына или дочь, можно надеяться на беззаботную старость». Здесь видим отражение традиционного менталитета и уклада жизни хакасов, подразумевающий уважение и ответственность перед родителями со стороны взрослых детей. Другая поговорка – о невнимательности и несобранности человека: *Сизиги чох среда, оңдайы чох вторник* 'Среда невнимательная, бестолковый вторник' (о невнимательных, бестолковых людях) – в данном случае наблюдается факт смешения в речи двух языков.

Наши наблюдения свидетельствуют о затухании жанра сказки, безвозвратно уходящей из повседневного обихода хакасов. Многие представители старшего поколения не могут припомнить, какие сказки они слышали в детстве и могли бы пересказать. Изредка в народе возможно услышать некоторые легенды и предания, чаще топонимические и родовые, например, как образовался тот или иной род, кто был основателем рода, имеются рассказы о славных предках. Многие

подобные рассказы нередко обрастают легендой. Сюда же можно включить былички, рассказы о людях с коровьими ногами, о священных местах и др. На сегодняшний день несказочная проза является одной из наиболее объемных и содержательных составляющих фольклорного наследия хакасов. В каждом селе активно рассказывают о *таг ээзи* ('хозяин горы'), *таг кизилери* ('горные люди'), которые хранятся в памяти народа испокон веков, люди нередко повествуют о своих встречах с ними. Как правило, горные люди заманивают людей в горы и тайгу, где они блуждают, а вернувшись домой, либо теряют ум, сознание, либо убегают обратно в горы и т. д. Перед охотой или заготовкой ягод и орехов необходимо просить хозяина тайги не наказывать человека за то, что он пришел в тайгу и просить «поделиться» с ним богатствами тайги.

Рассуждая о степени сохранности фольклора, о его функционировании нельзя не сказать о состоянии хакасского языка в республике. Уровень владения хакасами языком как родным, например, в Бейском районе, как и по всей республике, стремительно падает. Бейский район является местом компактного проживания таких этнических групп хакасов, как качинцы (*хаас*), койбалы (*хойбал*), бельтыры (*пультір*). По нашим наблюдениям, в селах на родном языке разговаривают преимущественно представители старшего и среднего поколения (они же – носители фольклора), а представители младшего поколения переходят или перешли на русский язык, и лишь в отдельных малых селах язык еще сохраняется.

В современном мире очень быстро происходят процессы консолидации, т. е. объединения языков и диалектов, ассимиляции, т. е. уподобления языков малочисленных народностей языкам более крупных народностей и переход на эти языки. Процессы эти объективны, остановить их вряд ли представляется возможным. В условиях угрозы исчезновения языков и диалектов возникает острая необходимость в сборе, накоплении, фиксации языковых данных для выявления их фонетических, лексических, морфологических, синтаксических особенностей. Создание фонда накопленных данных в будущем может быть основой для возрождения и дальнейшего изучения утраченного языка или диалекта. Основную часть этих задач могут решать комплексные лингвистические экспедиции. Например, в имеющейся научной литературе звуковая система бельтырского говора сагайского диалекта, а также койбальского говора качинского диалекта отражена недостаточно, поскольку ранее описывалась субъективным слуховым методом со свойственными ему искажениями, ошибками, неточностями. В дальнейшем мы считаем необходимым исследовать речь носителей данных говоров с применением методов экспериментальной фонетики. Объективный экспериментально-фонетический материал позволит более полно описать специфику консонантизма говоров хакасского языка на фоне опорных диалектов хакасского литературного языка. Функционирование койбальского диалекта в настоящее время значительно сузилось. Уже очевидно, что с уходом старшего поколения судьба койбальского говора предопределена: всего через два-три десятка лет койбальский говор исчезнет. В школах преподается современный хакасский литературный язык. Из-за такого положения вещей возникает ощущение, что перспектив сохранения функций койбальского диалекта не остается. Он может сохраниться только в отдельных семьях, где родители разговаривают с детьми на родном диалекте и рассказывают им сказки, воспитывают посредством пословиц и поговорок на диалекте.

Таким образом, одни жанры фольклора продолжают активно функционировать, сочетая в себе традиционные элементы и инновации, другие переживают процесс угасания, постепенно вытесняясь из повседневной жизни народа и занимая нишу в его культурно-исторической памяти. Тахпах, благопожелания, несказочная проза, малые жанры хакасского фольклора обогащаются новыми реалиями жизни, сохраняя при этом основные свойства традиционного. В современной культуре хакасов наблюдается актуализация традиций сказывания героического эпоса, что постепенно становится значимым фактом в жизни народа, отвечающим его духовным запросам. Основными носителями фольклора являются представители старшего и частично среднего поколения. Слабое знание или полное незнание молодым поколением народного творчества непосредственно связано с невладением языком родного народа.

Литература

- Алексеев, Солдатова 2002 – Алексеев Н.А., Солдатова Г.Е. О комплексной фольклорно-этнографической экспедиции 2001 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2002. № 3. С. 110–111. {Alekseev N.A., Soldatova G.E. *On the complex scientific-ethnographic expedition of 2001*. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk, 2002. №3. PP. 110–111.}
- Баинов 1996 – Баинов М.Р. Хан Тонис. Богатырское сказание. Абакан, 1994. {Bainov M.R. *Khan Tonis. The Heroic Epos*. Abakan, 1994.}
- Кильчичаков 1962 – Кильчичаков М.Е. Живая кровь. Сборник стихов на хакасском языке. Абакан, 1962. {Kil'chichakov M. *Lively Blood. A Book of Poetry in Khakass*. Abakan, 1962.}
- Курбижекова 2011 – Курбижекова А.В. Сибен Арыг. Героическое сказание на хакасском языке. Абакан, 2011. {A.V. Kurbizhekova. *Siben Arygh. Heroic Epos in Khakass*. Abakan, 2011.}
- Майногашева 1970 – Майногашева В.Е. О традиционном бытовании хакасского героического эпоса – алыптыг нымаха // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XIV. Абакан, 1970. {V.E. Maynogasheva. *On Existence of Traditional Epos of Khakass People – Alyptygh Nymakh* // Uchenye zapiski KhakNIYaLI. Vol. XIV. Abakan, 1970.}
- Майногашева 2015 – Майногашева В.Е. Хакасский фольклор: современное значение, особенность бытования и проблема его сохранения // Майногашева В.Е. Хакасский героический эпос алыптыг нымах: поиски исторических реалий и периодизация (избранные труды). Абакан, 2015. {V.E. Maynogasheva. *The Khakass Folklore: The Modern Significance, Features (Aspects) of its Existence and the Problem of its Saving* // Maynogasheva V.E. *Khakass Heroic Epos Alyptygh Nymakh: an Inquiry into Historical Realities and Periodization (Selected Works)*. Abakan, 2015.}
- Патачаков 1958 – Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан, 1958. {K.M. Patachakov. *Culture and Everyday Life of the Khakass People in the Light of Historical Connections with Russian People (18th–19th centuries)*. Abakan, 1958.}
- Унгвицкая 1980 – Унгвицкая М. А. Хакасские народные тахпахи. Абакан, 1980. {M.A. Ungvitskaya (Ungviczkaja). *The Takhpakhs of the Khakass People*. Abakan, 1980.}

MODERN KHAKASS FOLKLORE: FEATURES AND ASPECTS OF EXISTENCE

Nina Maynagasheva, Viya Subrakova, Yuliya Chaptykova,

Larisa Cheltygmasheva, Nadezhda Chistobayeva

Abakan

Summary: The article describes the existence of modern Khakas folklore and the analysis of the language and the folklore and ethnographic material collected during the expedition in

2018 in Beyskiy district of the Republic of Khakassia. The modern folklore of Khakas in the settlements of this district is represented by small genres, situational and improvisational lyrical song takhpakh, non-fairy-tale prose. The collected material shows that over the past thirty years, traditional folklore genres of Khakas have undergone significant changes: some have already disappeared, and others are losing their positions. Language material written by native Beltir (Belyr) and Sagaisk dialect, as well as Koibal dialect of Kachinsk type, tells about a significant narrowing in the present time of the function of these dialects as Khakas language in General.

Keywords: folklore, Khakas, genres of folklore, takhpakh, legends, legends, Khakas language, dialect, Beltir dialect, Koibal dialect.

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

О НОВЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯКУТСКИХ ЛИНГВИСТОВ

Ф.Н. Дьячковский, Н.И. Попова

г. Якутск

Резюме: В статье отражены наиболее важные результаты деятельности отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН за последние пять лет. Отмечается важность введения в научный оборот материалов, привносящих значительный вклад в тюркологию.

Ключевые слова: якутский язык, лексикология, лексикография, функциональная грамматика, диалектология, социолингвистика.

На ежегодных сессиях РКТ традиционно происходит обмен информацией о последних научных достижениях региональных тюркологических центров. Ниже представлен краткий обзор результатов научно-исследовательской деятельности якутских лингвистов за последние несколько лет.

Изучение якутского языка в рамках деятельности Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН является традиционным и проводится в разных направлениях: грамматическом, лексикологическом, лексикографическом, диалектологическом. В последние два десятилетия утвердились исследования по социолингвистике.

После издания академической грамматики современного якутского языка в двух книгах (1982, 1995) в отделе якутского языка разрабатывались вопросы структурно-семантической организации элементарного простого и полипредикативного предложений, исследовались словоизменительные категории имени и глагола; в течение последних десяти лет грамматические исследования были направлены на изучение функционально-семантических категорий языка. В области лексикологии и лексикографии проводилось системное изучение лексико-фразеологического состава якутского языка, в том числе в ареально-историческом

Дьячковский Федор Николаевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: fedjatschkov0801@mail.ru

Попова Наталья Иннокентьевна – кандидат филологических наук, директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: nat.popova@rambler.ru

аспекте, а также лексикографическое описание всего его словарного состава на базе трехмиллионной академической картотеки Института.

В ряду основных достижений якутских лингвистов последнего времени достойное место занимают две обобщающие монографии старейшего сотрудника института, диалектолога С.А. Иванова «Морфологические особенности говоров якутского языка» [Иванов 2013] и «Лексические особенности говоров якутского языка» [Иванов 2017]. Как известно, усилиями якутских диалектологов в 2004–2010 годах увидел свет «Диалектологический атлас якутского языка: фонетика, морфология и лексика» (в двух частях), в котором нашли отражение территориальные особенности якутских говоров по всем четырем диалектным зонам. Он представляет собой сводные лингвистические схемы-карты, составленные на основе четырех региональных «Диалектологических атласов якутского языка»: «Часть I: Центральная группа говоров» (1980); «Часть II: Северо-восточная группа» (1985); «Часть III: Северо-западная группа говоров» (1995); «Часть IV: Олёкма-вилуйская группа говоров» (2000). Этот труд явился фундаментальной базой для дальнейшего теоретического осмысления и описания диалектов якутского языка.

В монографиях С.А. Иванова представлена общая характеристика морфологических и лексических расхождений якутских говоров. При описании диалектной лексики особое внимание уделено аффиксальным и неаффиксальным способам словообразования, а также особенностям словоизменения. Ценность исследования заключается еще и в том, что автор для сравнительно-сопоставительного изучения привлекает богатый материал из тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Исследователем установлены значительные количественные и качественные диалектные расхождения в говорах: 20 в именах и свыше 30 в глаголах, за исключением различных модели словообразования и семантические сдвиги.

Что касается диалектных особенностей лексики, то они сформировались в результате того, что якутский язык развивался изолированно от основной массы тюркской этнической общности в условиях субстратно-адстратного влияния или суперстратного наслоения лексических единиц. Этим обусловлено содержание в говорах, кроме исконно тюркских слов, многочисленных монголизмов, изрядного количества эвенкизмов и других лексических вхождений. В работе проведен специальный анализ лексико-семантических групп, таких как «Небесные тела», «Атмосферные явления», «Ландшафт», «Животный мир», «Жилище и другие хозяйственные постройки», по признаку лексико-семантического сходства или различия, с привлечением обширного материала сравнительно-сопоставительного характера. Результаты, полученные автором в ходе исследования, позволили ему высказать собственную точку зрения по многим вопросам происхождения, территориального размещения и функционирования грамматических расхождений в якутской диалектной системе. Труды С.А. Иванова – заметное явление не только в якутском языкознании, но и в тюркологии в целом.

Интерес для грамматистов могут представлять три коллективные монографии, посвященные функционально-семантическим категориям якутского языка. Это «Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность» (Новосибирск: «Наука», 2013), «Функционально-семантические категории в якутском языке. Способы выражения» (Ново-

сибирск: «Наука», 2014), «Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база» (Якутск, 2017). В них нашли отражение лексические и грамматические средства выражения темпоральности, обусловленности, персональности, качественности, определенности-неопределенности и дистрибутивной глагольной множественности. Материалы и результаты исследования данных категорий для якутского языка могут служить основой для развития сравнительно-типологических изысканий в области изучения функциональных категорий в других тюркских языках.

Следует отметить, что определенные успехи достигнуты нами и в области социолингвистики, о чем свидетельствуют такие работы, как коллективный труд «Современная этноязыковая ситуация в республике Саха (Якутия): социопсихологический аспект» (Новосибирск: «Наука», 2013) и авторская монография Н.И. Ивановой «Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты» (М., 2017). В коллективной монографии подробно описаны индикаторы современного состояния языка: языковая идентичность; языковая компетенция; функциональная дистрибуция государственных и официальных языков в основных коммуникативных сферах (семейном общении, социально значимых сферах); речевое поведение в сфере публичной коммуникации и личном коммуникативном пространстве; ориентации в сфере образования, потребления визуальной информации. Уделяется внимание и этноязыковому самочувствию населения в республике, отражающемуся в вопросах межэтнического, межъязыкового сосуществования; особенностям функционирования языков в различных социально-демографических группах.

В работе Н.И. Ивановой рассматриваются процессы и закономерности взаимодействия различных форм функционирования якутского языка на материале устной и письменной речи в г. Якутске, тем самым, отображается реальная языковая ситуация в условиях глобализации, стандартизации и унификации. В монографии в полной мере отражены основные показатели этноязыковой ситуации, характеризующие языковую лояльность носителей языка – этноязыковая идентичность и уровень владения языком, раскрыты проблемы функционирования якутского языка в коммуникативном пространстве столичного города на материале опроса носителей якутского языка, определены факторы, способствующие решению проблем языкового внутриэтнического взаимодействия в период социокультурных трансформаций, выявлены потенциальные возможности языка для осуществления интеграционной и системовозрождающей функции в регионе [Иванова 2017: 17]. Представлен также широкий спектр мнений и оценок экспертного сообщества по актуальным проблемам сохранения и развития якутского языка как государственного языка Республики Саха (Якутия), выработаны практические рекомендации по совершенствованию языковой политики, деятельности республиканских СМИ, активизации общественных инициатив. В приложениях монографии дана подробная информация об использованных материалах, расшифровка текстов телепередач национальной вещательной компании «Саха» и СМИ.

Безусловным достижением якутских языковедов является завершение полувекового проекта – Большого Толкового словаря якутского языка (БТССЯ), уни-

кального по типу и принципам построения; словаря, XV-й заключительный том которого увидел свет в конце 2018 года. Основная идея этого титанического труда заключается в стремлении показать и всесторонне охватить многовековой лексический и фразеологический фонд якутского языка со всеми его лексико-семантическими особенностями и оттенками, с переводом словарных дефиниций на русский язык. Словарь снабжен развернутыми стилистическими, функциональными, грамматическими системами помет, указывающими на многообразие и богатство словоупотреблений и словообразования якутского языка.

Благодаря заслугам идейного вдохновителя создания БТСЯЯ д. филол. н., проф. П.А. Слепцова, на протяжении всей работы над словарем был использован исходный картотечный академический лексический фонд, насчитывающий более 3 миллионов цитатных карточек из лучших произведений якутской литературы, учебно-педагогических, научно-популярных текстов, а также из произведений устного народного творчества, начиная от А.Я. Уваровского (автора первого литературного памятника на якутском языке (1848) до наших дней. Академическая картотека якутского языка призвана служить основой не только для составления словарей разного типа, но и надежным источником для проведения разнообразных научных изысканий в области якутской филологии.

С прошлого года лексикографы параллельно приступили к составлению «Монгольско-якутско-русского словаря»; также идет подготовка словарных статей однотомного толкового словаря, который будет надежным и оперативным справочным пособием для редакционных и издательских работников, преподавателей и студентов вузов, широких слоев якутского населения.

В области лексикологии продолжается исследование парадигматики и синтагматики лексических и фразеологических единиц якутского языка. Проводится классификация донаучных прототерминов, пополнение электронного каталога топонимов Республики Саха (внесено около 3500 наименований местностей бассейна реки Индигирка), составление словарных статей этимологического словаря якутского языка. Издано 10 терминологических словарей по различным отраслям знаний.

Надо сказать, что помимо своей основной исследовательской деятельности Институт в целях апробации новых знаний, а также популяризации достигнутых результатов, проводит научные и научно-практические мероприятия различного формата. В 2018 году состоялся целый ряд научно-практических конференций, основная часть которых была посвящена юбилейным датам. По результатам мероприятий были подготовлены и изданы сборники научных статей:

– к 100-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора, директора Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР в 1963–1984 гг. Е.И. Коркиной – сборник «Евдокия Иннокентьевна Коркина: биографика и интерпретация научного и творческого наследия»;

– к 90-летию со дня рождения зачинателя ономастических исследований в Республике Саха (Якутия) М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ – сборник «Имя. Язык. Этнос», затрагивающий проблемы топонимики, антропонимики, языка, истории и этнической культуры;

– к 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, старшего научного сотрудника отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН С.А. Иванова – сборник «Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты». Статьи, вошедшие в сборник, посвящены актуальным вопросам диалектного многообразия языков коренных народов РС (Я): особенностям территориальных диалектов и говоров, отражению диалектов в лексикографии и ономастике, социальным и культурным диалектам в условиях полиэтничности.

Сотрудники института поддерживают постоянные научные контакты со многими научно-исследовательскими учреждениями РФ и тюркологическими обществами зарубежных стран. Работы якутских языковедов публикуются и в зарубежных изданиях.

Институт издает свой научный журнал «Северо-Восточный гуманитарный вестник», который выходит 4 раза в год с 2010 г. На страницах журнала освещаются последние достижения в области археологии, истории и филологии, а также перспективы дальнейшего развития исследований в этих областях, публикуются обзоры, рецензии, информационные сообщения, освещается научная жизнь в стране и за рубежом. С содержанием журналов, а также с условиями публикации в нем статей можно ознакомиться на сайте института.

Литература

- Данилова, Попова 2018 – Данилова Н.И., Попова Н.И. Высокая школа любви к науке // Северо-восточный гуманитарный вестник. Научный журнал. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2018. № 3 (24). С. 79–86 {Danilova N.I., Popova N.I. *High School of Love for Science* // Northeast Humanitarian Journal. Science Magazine. Yakutsk: IGIPMNS SB RAS, 2018. No. 3 (24). P. 79–86. }
- Иванов 2013 – Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 147 с. {Ivanov S.A. *The morphological features of the Yakut dialects*. Novosibirsk: Nauka, 2014. }
- Иванов 2017 – Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 390 с. {Ivanov S.A. *The lexical features of the Yakut dialects*. Novosibirsk: Nauka, 2017. }
- Иванова 2017 – Иванова Н.И. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты. – М.: Языки народов мира, 2017. {Ivanova N.I. *Sociolinguistic aspects of the functioning of the Yakut language in the city of Yakutsk: figures and facts*. M.: World Languages, 2017. }
- Современная этноязыковая ситуация – Современная этноязыковая ситуация в республике Саха (Якутия): социопсихологический аспект. – Новосибирск, Наука, 2013. {*The modern ethno-linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): sociopsychological aspect*. Novosibirsk: Nauka, 2013. }
- Функционально-семантические категории 2013 – Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность. – Новосибирск, Наука, 2013. {*Functional-semantic categories in the Yakut language: causativeness, evidentiality, iteration*. Novosibirsk: Nauka, 2013. }
- Функционально-семантические категории 2014 – Функционально-семантические категории в якутском языке. Способы выражения. – Новосибирск, Наука, 2014. {*Functional-semantic categories in the Yakut language. Ways of expression*. Novosibirsk: Nauka, 2014. }
- Функционально-семантические категории 2017 – Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. {*Functional-semantic categories in the Yakut language: grammatical and lexical base*. Yakutsk: IGIPMNS SO RAN, 2017. }

ON LAST YEAR'S RESEARCH RESULTS OF YAKUT LINGUISTS

Fedor Diachkovskiy, Natalia Popova

Yakutsk

Summary: The paper presents the research results of the Department of the Yakut Language, Institute of Humanities and Problems of Indigenous Peoples of the North, SB RAS. The main focus is the review of works published in 2018 and over some years before that time. The importance of introducing and employing these materials in the scientific community is emphasized, with many of them being of great significance for the study of Turkic languages.

Keywords: the Yakut language, lexicology, lexicography, functional grammar, dialect studies, sociolinguistics.

ПРОТОКОЛ Годичного собрания Российского комитета тюркологов

26-27 января 2019 г.

(Москва, Институт языкознания РАН)

Присутствовали: члены бюро РКТ: *Кормушин И.В.* – председатель РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Дыбо А.В.* – заместитель председателя РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН; *Телицин Н.Н.* – Восточный факультет СПбГУ, к.ф.н., доц.; *Экба З.Н.* – ученый секретарь РКТ, Институт языкознания РАН, к.ф.н.; члены РКТ: *Алишина Х.Ч.* – Центр тюркологии ТюмГУ, д.ф.н., проф., академик АН РТ; *Бавуу-Сюрюн М.В.* – ТувГУ, д.ф.н.; *Дьячковский Ф.Н.* – ИГИИПМНС СО РАН, к.ф.н.; *Кызласов И.Л.* – Институт археологии РАН, д.и.н., проф.; *Кызласова И.Л.* – Хакасский гос. университет им. Н.Ф. Катанова, к.ф.н., доц.; *Майнагашева Н.С.* – ХакНИИЯЛИ, к.ф.н.; *Мудрак О.А.* – РГГУ, д.ф.н., проф.; *Невская И.А.* – Институт филологии СО РАН / университет г. Франкфурт, Германия, д.ф.н., проф.; *Оганова Е.А.* – ИСАА МГУ, к.ф.н.; *Хаджиева Т.М.* – ИМЛИ им. М. Горького РАН, к.ф.н., проф.; *Хисамитдинова Ф. Г.* – ИИЯЛ УФИЦ РАН, д.ф.н., проф.; *Шенцова И.В.* – Институт филологии СО РАН, д.ф.н.; сотрудники региональных институтов и приглашенные участники: *Даржа У.А.* – Институт довузовского образования Тувинского гос. университета, к.ф.н.; *Зимин М.М.* – Институт языкознания РАН, исследователь-лаборант; *Кара-оол Л.С.* – Тувинский гос. университет, к.ф.н.; *Коровина Е.В.* – Институт языкознания РАН; *Кочакаева З.К.* – Институт языкознания РАН, к.ф.н.; *Крылов С.А.* – Институт востоковедения РАН, д.ф.н.; *Латфуллина Л.Г.* – МПГУ, к.ф.н., доц.; *Легусина У.Н.* – Институт языкознания РАН, аспирантка; *Мушаев В.Н.* – Калмыцкий гос. университет, д.ф.н., проф.; *Напольнова Е.М.* – университет Оэйгин, Стамбул, к.ф.н.; *Пустогачева О.Н.* – Институт языкознания РАН, к.п.н.; *Пюрбеев Г.Ц.* – Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Серээдар Н.Ч.* – Тувинский институт гуманитарных наук, к.ф.н.; *Трофимова С.М.* – Калмыцкий гос. университет, д.ф.н., проф.; *Усманова М.Г.* – БГПУ им. М. Акмуллы, д.ф.н., проф.; *Шаров А.В.* – Институт языкознания РАН, аспирант; *Шеймович А.В.* – институт языкознания РАН; *Юсупова А.Ш.* – Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ, д.ф.н., проф.

ПРОГРАММА НАУЧНОЙ СЕССИИ РКТ-2019

Регламент 15 мин. (10 мин. – доклад, 5 мин. – дискуссия)

26 января, начало в 12.00

Организационная часть

И.В. Кормушин, д.ф.н., проф., председатель РКТ, г. Москва

О проблемах и задачах по изданию журнала «Российская тюркология»

Сообщения из региональных центров об итогах работы за 2018 г.

1. **Дьячковский Федор Николаевич**, к.ф.н., зав. сектором лексикологии и лексикографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

О научной деятельности отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН

2. **Майзина Аржана Николаевна**, к.ф.н., с.н.с. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск (заочное участие)

О научно-исследовательских проектах БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С.Суразакова» в 2018 г.

3. **Мушаев Владимир Наранович**, д.ф.н., проф., зав. каф. калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого гос. университета, **Трофимова Светлана Менкеновна**, д.ф.н., проф. кафедры общего языкознания КалмГУ, г. Элиста

О деятельности КалмГУ как опорном региональном университете

4. **Ознова Айана Алексеевна**, к.ф.н., с.н.с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск (заочное участие)

О работе сектора языков народов Сибири

5. **Телицин Николай Николаевич**, к.ф.н., доцент, зав. кафедрой тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского гос. университета

О работе кафедры тюркской филологии

6. **Юсупова Альфия Шевкетовна**, д.ф.н., проф. кафедры общего языкознания и тюркологии Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ, г. Казань

Тюркология в Казанском университете: современное состояние

7. **Алишина Ханиса Чавдатовна**, д.ф.н., проф., директор Центра тюркологии Тюменского гос. университета, г. Тюмень

О научной деятельности д.ф.н., проф. И.В. Кормушина (к 80-летию со дня рождения)

27 января

Утреннее заседание, начало в 11.00

1. Васильев Дмитрий Дмитриевич, к.и.н., проф., рук. Отдела истории Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва (заочное участие)

Тюркологические мероприятия и труды Института востоковедения РАН в 2018 г.

В рамках программы научных мероприятий, посвященных 200-летию института, кроме докладов на серии юбилейных конференций, совместно с Генеральной дирекцией Гос. архивов Турецкой Республики была проведена выставка документов XVI–XX вв., освещающая историю российско-турецких отношений на материалах турецких архивов. В открытии выставки приняли участие экс-министр иностранных дел Турции Яшар Якыш, председатель Организации Исламская конференция Экмелэддин Ихсаноглу, Посол Турецкой республики в Москве, Директор Института им. Юнуса Эмре и Турецкого культурного центра в Москве, а также другие официальные гости. Копии документов переданы в дар Институту востоковедения РАН.

Докладчиком были представлены опубликованные труды и другие научные мероприятия, проведенные сотрудниками ИВ РАН в 2018 г.

2. Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, д.ф.н., проф., науч. рук. Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра УО РАН, г. Уфа

Об этимологическом словаре башкирского языка

В 2018 г. башкирские языковеды завершили подготовку и издание «Академического словаря башкирского языка» (АСБЯ) в 10 томах и приступили к разработке «Этимологического словаря башкирского языка» (ЭСБЯ) в 3 томах. Авторским коллективом в 2018 г. была разработана инструкция и составлен словник. Выступление докладчика представляет собой краткое изложение инструкции по составлению этимологического словаря башкирского языка. Автором представлены цели и задачи, структура и словник словаря, описаны источники и материалы для его составления, указаны особенности словарных статей. Внимание уделено особенностям подачи исконной и заимствованной лексики, а также представлена схема словарных статей и образцы этимологизации.

3. Дыбо Анна Владимировна, д.ф.н., проф., **Коровина Евгения Владимировна**, аспирантка ИЯз РАН, г. Москва

Лексикостатическая классификация тюркских и тунгусо-маньчжурских языков и возможности картографии

4. Селендили Лемара Сергеевна, д.ф.н., проф. кафедры крымско-татарской и восточной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь (заочное участие)

Проблемы глоссирования крымскотатарских текстов

5. Есипова Алиса Васильевна, д.ф.н., доцент, г. Новосибирск (заочное участие)
Словообразовательное средство конверсии

В докладе на материале шорского языка рассматривается дискуссионная проблема о наличии нулевого словообразовательного аффикса в современных тюркских языках. Существует мнение, что нулевой аффикс является словообразовательным средством конверсии. Однако, как показали наши исследования, словообразовательным средством конверсии предпочтительнее считать не нулевой словообразовательный аффикс, а другое средство.

6. Кара-оол Любовь Салчаковна, к.ф.н., доцент, зав. кафедрой теории и методики языкового образования и логопедии, Тува

Лексика родовых обрядов и магических действий в тувинском языке

Лексика, связанная с родовыми обрядами, в тувинском, как и в других тюркских языках, представляют собой относительно замкнутую и обособленную лексико-семантическую группу, которая складывалась веками, но многие лексемы со временем стали уходить или исчезать из активного словарного запаса современного тувинского языка, а другие ограничили территорию распространения или стали вытесняться описательными новообразованиями. В представленном докладе анализируется лексика традиционных родовых обрядов на основе полевых материалов, собранных во время диалектологических экспедиций по ареальным зонам тувинского языка, а также с привлечением материалов из рукописного фонда ТИГПИ и художественной литературы. Лексика родовых обрядов и магических действий рассматриваются в контексте описания самих обрядов.

7. Кочакаева Зарема Калабзаровна, к.ф.н., **Зимин Марк Михайлович**, Институт языкознания РАН, г. Москва

Фонетические особенности Кунбатарского говора караногайского диалекта ногайского языка (по данным экспедиции 2018 г.)

В докладе анализируются общие сведения о караногайской фонологии и аллофонии. Проведены следующие виды работ:

- Акустический анализ полученных опросов (по сравнительно-историческому кыпчакскому опроснику О.А. Мудрака) в программной среде Praat.
- Сравнение фонетики носителей с базой эталонных произнесений согласных, что позволяет составить примерную модель работы органов речевого аппарата.
- Проанализированы нижеследующие признаки:
 - реализации согласных фонем:
 - интервокальные реализации фонем /r, j, ɲ, k~Q, n/;
 - конечные реализации фонем /r, j/;
 - реализации свистящих фонем;
 - свойства артикуляции звонких и глухих согласных;
 - типы огубленности гласных;
 - реализации гласных фонем: 1) перед носовыми, 2) перед глухими смычными, 3) перед звонкими смычными.

Транскрипции выполнены по стандартам Международной фонетической ассоциации: Международный фонетический алфавит – редакция 2018 г.

Выводы:

- на материале приведенных примеров можно утверждать, что начальный слог слова, состоящий из одной гласной фонемы, на фонетическом уровне выглядит как сочетание ларингального согласного и гласного звука;
- однако определить распределение между употреблением начальной смычки и начального глайда пока не представляется возможным, необходимо провести массовое обследование карангайских полевых записей и сравнить полученные данные с тюркской этимологической базой, опубликованной в «Этимологическом словаре алтайских языков» (EDAL).

8. Крылов Сергей Александрович, д.ф.н., в.н.с. Института востоковедения РАН, г. Москва

Опыт экстраполяции Лейпцигского стандарта нотации на сферу базовой лексики

9. Кызласов Игорь Леонидович, д.и.н., в.н.с. Институт археологии РАН, г. Москва

Новости тюркской археологии. Саяно-алтайское открытие Европы XI–XII вв.

Речь идет об историко-культурном явлении евразийского масштаба, не освещенном летописными данными, но надежно прослеженного изучением материальной культуры раннего средневековья. Большая серия находок так называемой аскизской археологической культуры указывает на овладение южносибирскими всадниками трассой сухопутного Великого Сибирского пути, на постоянные их приезды в Восточную Европу и долговременное пребывание на землях Волжской Булгарии и Киевской Руси в предмонгольское время – с середины XI по первую четверть XIII в. В это время хорошо заметно воздействие аристократической всаднической культуры Саяно-Алтайского нагорья на металлообработку и воинскую культуру финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья и Прикамья. Условия обнаружения сибирских древностей позволяют думать, что прибывающие в Европу князья и их дружины поступали на службу к местным правителям. Вполне вероятно, что распространение имени династийного рода Древнехакасского государства «кыргыз» к западу от Урала произошло еще в домонгольское время. Археологическая наука выявляет следы двухстороннего движения по Сибирскому пути: в лесостепной и степной части Западной Сибири на памятниках XII – начала XIII вв. к востоку от Иртыша присутствуют древности приуральских финно-угров, восточных славян, западноевропейские находки.

10. Кызласова Инга Людовиковна, к.ф.н., зав. кафедрой хакасской филологии Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Средства выражения итеративности в хакасском языке

Исследуя разные темпоральные и аспектуальные формы в хакасском языке, автор выявляет, что итеративность в хакасском языке выражается следующими формами: аналитическая форма *-ып тур* обозначает регулярную итеративность нецелостных действий, аналитическая форма *-ып чөр* обозначает нерегулярную итеративность нецелостных действий, синтетическая форма *-адыр* обозначает

итеративность целостных ситуаций в плане настоящего времени, синтетическая форма *-чан* обозначает итеративность целостных ситуаций в плане прошедшего времени.

11. Майнагашева Нина Семеновна, к.ф.н., в.н.с. сектора литературы Хакасского НИИ языка, литературы и истории, г. Абакан

О функционировании хакасского тахпах в современном культурном пространстве и о некоторых результатах фольклорной экспедиции в Бейский район летом 2018 г.

Тахпах – четырех-, восьми- и реже двенадцатистишная лирическая песня, рождающаяся спонтанно, экспромтом и основанная на единоначалии строк (ассонанс, аллитерация) и художественном параллелизме. Особенностью тахпах также является то, что это состязательная песня, обращенная к кому-либо или выступающая в качестве ответа на тахпах партнера. Тематика тахпах разнообразна, она освещает все сферы жизни человека. Из всех жанров фольклора, традиционных и современных, тахпах является наиболее активно бытующим в современном культурном пространстве: тахпах исполняют в народе, в семьях, на национальных праздниках, а республиканский конкурс «Айтыс» и фольклорные ансамбли активно популяризируют этот жанр народного творчества. Экспедиция филологов Хакасского НИИЯЛИ 2018 г. в Бейский район подтвердила это. В народе немало исполнителей традиционного тахпах, и членами экспедиции были сделаны видео- и аудиозаписи исполнения тахпах от людей разного возраста. Именно тахпах позволяет говорить о процессе живого восприятия и воспроизведения фольклора в современном обществе.

Вечернее заседание, начало в 15.00

12. Невская Ирина Анатольевна, д.ф.н., проф., г.н.с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (соавт. **Тыбыкова Л.Н., Вавулин М.В.**), г. Новосибирск

Первые итоги трехмерной документации рунических надписей Алтая

Рунические надписи Горного Алтая очень трудны для исследования, в частности, из-за того, что они часто написаны очень тонкими линиями на поверхностях, которые использовались для нанесения петроглифов, граффити и надписей на протяжении нескольких тысячелетий. Линии надписей и рисунков часто пересекаются или накладываются друг на друга. Детальная трехмерная фиксация поверхностей с руническими надписями позволяет различить разные типы линий и определить, которые из них относятся к надписи. Трехмерная фиксация рунических надписей началась на Горном Алтае в 2017 г. и уже принесла важные результаты, в частности, сделала возможным новое прочтение надписи Бичиктуу-Боом-III, которое отталкивается от ее трехмерной документации, позволившей уточнить состав ее рунических знаков. Как оказалось, в этой надписи имеется очень редкое для Алтая использование одного из религиозных терминов, который дает возможность пролить свет на историю религиозных течений на Алтае во времена создания этой надписи.

13. **Нуриева Фануза Шакуровна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории татарского языка и общего языкознания Приволжского федерального университета, г. Казань (заочное участие)

Просторечие поэта Я.Е. Емельянова и татарский литературный язык XVIII–XIX столетий

14. **Псянчин Юлай Валиевич**, д.ф.н., проф. кафедры языкознания Российского исламского университета ЦДУМ России, г. Уфа (заочное участие)

Функционально-стилевые особенности духовной поэзии на башкирском языке (на примере творчества Рауиля Бикбаева)

Духовная поэзия башкирского народа, сформированная творчеством поэтов разных художественных направлений и эпох, имеет свои специфические функционально-стилистические особенности. В свое время в качестве авторов разных жанров духовной поэзии выступили Ш. Заки, Х. Салихов, М. Акмулла, М. Уметбаев, А. Каргалы, М. Гафури, Ш. Бабич и другие. В постсоветское время, которое включает период с конца 90-х гг. XX в. по настоящее время, очень активно проявили себя башкирские поэты и поэтессы Р. Бикбаев, А. Кашфуллин, Г. Ситдикова и другие. Автором поставлена задача определения функционально-стилевых особенностей жанров этой поэзии в плане принадлежности их к конкретным стилям и подстилям. Решение этой задачи предполагает выявление не только стиливых черт, но и средств их усиления. Но главной целью работы следует считать функционально-стилевое назначение хадисов, написанных народным поэтом Башкортостана Р. Бикбаевым.

15. **Пюрбеев Григорий Церенович**, д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН, г. Москва

Компаративные конструкции в калмыцком фольклорном тексте

16. **Сибгаатов Флюр Шарифуллинович**, к.ф.н., доцент кафедры журналистики Башкирского гос. университета, г. Уфа (заочное участие)

Тюрко-мусульманская литература Урало-Поволжского региона начала XX века: сюжетно-композиционные особенности и концепция героя

До 20-х годов XX века коранические мотивы были неотъемлемой частью литературы мусульманских народов, в т.ч. и Урало-Поволжского региона. Одновременно это был период распространения среди тюркских народов новых взглядов на образование и приобщения к европейским ценностям. Писатели прекрасно понимали, что для развития культуры, литературы и экономики необходимо опираться на наилучшие достижения восточной и западной культур. Вследствие этого на примере башкирской литературы можно обнаружить преломление традиционных коранических традиций (М. Гафури, Ш. Бабич, Б. Мирзанов), формирование новой концепции литературного героя (произведения Р. Фахретдинова, З. Хади).

17. **Серээдар Надежда Чылбаковна**, к.ф.н., в.н.с., зав. сектором языка и монголоведения Тувинского института гуманитарных, прикладных и социально-экономических исследований, г. Кызыл

Модели элементарных простых предложений (ЭПП) в тувинском языке

Ядро всей системы простых предложений тувинского языка составляют модели двусоставных предложений с глагольным и именным сказуемым. Данная система разделяется на две подсистемы, противопоставленные друг другу глагольным и именным сказуемым. Глагольные модели, в целом более многочисленные и частотные по сравнению с именными, представляют свои пропозиции как процессы; пропозиции именных ЭПП статичны. Выявлены базовые и периферийные модели, которые образуют систему простого предложения тувинского языка. Периферию системы представляют модели простых предложений фразеологизированной и частично фразеологизированной структуры. На крайней периферии этой системы находятся устойчивые синтаксические структуры несерийного типа.

18. **Усманова Минсылу Губайтовна**, д.ф.н., проф. Башкирского гос. университета им. Акмуллы, г. Уфа

Причастия настоящего времени в башкирском языке и способы их выражения: новый взгляд на проблему

В башкирском языкознании принято считать, что для выражения причастия настоящего времени используются две формы: простая форма образуется при помощи аффикса **-ыусы**, ср. *языусы* 'писатель', *йәшәүсе* 'житель'; *озатыусы* 'провожающий', и сложная форма, образующаяся посредством сочетания деепричастия на **-а** и вспомогательного глагола **тор-** в форме причастия на **-ган**, ср. *шәл бәйләй торган (әнә)* 'спицы, которыми вяжут шаль'.

Относительно аффикса **-ыусы** существует и другая точка зрения. Ученые Н.К. Дмитриев и А. Бейеш считают, что от имени действия на **-ыу** и аффикса **-сы** образуются отглагольные имена существительные: *тегеүсе* 'портниха', *бейеүсе* 'танцор', *укуысы* 'учащийся', *алыусы* 'получатель', *караусы* 'смотритель', *һатыусы* 'продавец'. Автор выступления также придерживается этого мнения.

В своем выступлении автор убедительно доказывает, что причастие настоящего времени в языке башкир действительно имеет две формы образования – простую и сложную, однако они в корне отличаются от тех, которые традиционно представлены в башкирском языкознании. Простая форма образуется при помощи аффикса **-ган**: *Ауылда йәшигән әсәйемде һағынам* 'Скучаю по маме, которая живет в деревне'; сложная форма образуется сочетанием деепричастия на **-п** или на **-а** со служебным глаголом на **-ган**: *Инде баланы табырға өмөттәрен өзгәндә генә кар астынан сығып торган бер тукыма киçәген күрөп калалар.* (М. Кәримов) 'В тот момент, когда уже отчаялись найти ребенка, они увидели кусок материи, торчащий из-под снега'.

19. **Хаджиева Танзиля Мусаевна**, к.ф.н., в.н.с. Отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва

Фольклорно-лингвистическая экспедиция А.Н. Самойловича, Б. Чобан-Заде и А.Б. Биджиева в Балкарию (1929 г.)

После выхода в 1912 г. «Краткого очерка грамматики горского языка болгар» Н.А. Караулова А.Н. Самойлович опубликовал рецензию на эту работу, в кото-

рой подверг сомнению не только научные выводы автора, но и сам анализируемый материал: «Делать какие-нибудь определенные выводы о прошлом болгар на основании данных языка их, обнаруженных Н.А. Карауловым, к сожалению, не приходится, так как записи его ни в коем случае нельзя признать вполне надежными».

Караулов в своей работе указывал на то, что в ней он использовал Чегемский диалект карачаево-балкарского языка, записанный им в Балкарии, в Чегемском ущелье. И когда у А.Н. Самойловича появилась возможность, через 17 лет он поехал по следам Караулова. «Летом 1929 года, – пишет Б. Чобан-заде, – по командировке Северо-Кавказского Исследовательского Института, мы с акад. А.Н. Самойловичем и д-ром А.Б. Биджиевым обследовали значительную часть того же Чегемского ущелья и собрали достаточный материал по диалекту чегемцев. Кроме того, в 1930-м году издана “Грамматика Карачаево-балкарского языка” и в течение 10-тилетия Советизации Северного Кавказа выпущен ряд книг учебного и популярно-научного характера, наконец, карачаево-балкарская печать дает нам полную возможность проверить факты, сообщаемые Н.А. Карауловым в своей грамматике о балкарском языке».

20. Шенцова Ирина Витальевна, д.ф.н., г.н.с. Института филологии СО РАН, г. Новосибирск

Системное описание шорского лексикона

Шорский лексикон представлен в классических тюркско-русских словарях В.В. Радлова и В.И. Вербицкого (конец XIX в.). В конце XX в. выборку шорских лексем из данных словарей провели Э.Ф. Чиспяков и В.И. Рассадин. Небольшие по объему словари написаны Ф.Я. Апонькиным и Н.Н. Курпешко, Чульжановым, Г.В. Косточаковым. Тем не менее, большое количество материала из шорских текстов не нашло пока отражения в лексикографической практике.

Актуальность полной фиксации шорского лексикона обусловлена не только его исторической значимостью, но и процессами ревитализации шорского языка. В 3-м тысячелетии шорский язык развивается как литературный. Национальные авторы создают на родном языке произведения разных жанров. Молодое поколение шорцев имеет доступ к письменным памятникам родного языка и современной шорской литературе.

Современные потребности в оперировании языковой информацией в процессе коммуникации на шорском языке (при построении устных и письменных текстов), а также в процессе лингвистических изысканий предполагают «полевую» презентацию лексикона с расширенным указанием функционирования лексем в контекстах. В качестве примера «полевого» описания шорского лексикона рассматривается одно из семантических ядер тематического поля «Звучание» – концепт «Пение».

Новым в данном подходе являются: принцип организации лексических единиц – на основе ассоциативного признака; отражение в словарной статье словообразовательных дериватов лексемы и межязыковых параллелей; указание сочетаемостного потенциала лексемы с указанием моделей словосочетаний и текстовых примеров. Результаты исследования могут быть использованы для создания электронной базы шорского лексикона.

Слушали: выступление д.ф.н., проф. Х.Ч. Алишиной о выдвижении председателя РКТ, д.ф.н., проф. И.В. Кормушина на присвоение ему звания «Заслуженный деятель науки РФ» за выдающиеся достижения в тюркологии и в связи с 80-летним юбилеем.

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН с 2007 г. возглавляет ученый с мировым именем, доктор филологических наук, профессор Игорь Валентинович Кормушин. И.В. Кормушин с 1965 г. работает в системе РАН: сначала в Ленинградском отделении ИЯз РАН, затем в его московской части. Он внес неопределимый вклад в развитие тюркской рунологии, написал и издал около 15 монографий, более 200 научных статей, подготовил более 10 кандидатов наук. Провел более 30 экспедиций в районы Дальнего Востока, Хакасии, Тувы и Монголии. Участвовал в ряде проектов по программам фундаментальных исследований президиума и отделения историко-филологических наук РАН. С 1987 г. является членом редколлегии журнала «Советская тюркология», в настоящее время – главный редактор журнала «Российская тюркология». Много сил и энергии И.В. Кормушин отдает организации и руководству работой Российского комитета тюркологов, в который входит 67 человек из многих регионов РФ, где проживают тюркские народы. За многолетний добросовестный труд, большие заслуги перед российской наукой и в связи с 80-летием со дня рождения просим наградить И.В. Кормушина почетным званием «Заслуженный деятель науки РФ».

Постановили: обратиться с ходатайством в Российскую Академию наук о присуждении председателю РКТ, д.ф.н., проф. И.В. Кормушину звания «Заслуженный деятель науки РФ».

Протокол составлен и подготовлен к печати
Ученым секретарем РКТ, к.ф.н. Эмба З.Н.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Рецензия на книгу: «Адилгерий Соттаев. жизнь и творчество: литературные произведения, статьи, письма А.Х. Соттаева. Документы, статьи, воспоминания, очерки о А.Х. Соттаеве»
(сост., предисл. А.Т. Додуевой. – Нальчик: Эльбрус, 2019. – 840 с.: ил.)

Т.М. Хаджиева

г. Москва

Аннотация: статья представляет собой рецензию на книгу об известном балкарском ученом, писателе и просветителе, общественном деятеле, первом кандидате педагогических наук А.Х. Соттаеве. В книге собраны документальные материалы, воспоминания современников ученого, фотографии, использованы архивные источники. Она может представлять интерес для всех, кто интересуется историей, языком и культурой балкарского народа.

Ключевые слова: А.Х. Соттаев, балкарцы, балкарский язык и литература, балкарский фольклор, карачаево-балкарская лингвистическая школа.

Без надежды – надеюсь.

Адилгерий Соттаев

В 2019 г. кабардино-балкарское издательство «Эльбрус» выпустило книгу «Адилгерий Соттаев. Жизнь и творчество», посвященную известному балкарскому лингвисту, фольклористу, писателю, кандидату педагогических наук А.Х. Соттаеву (1910–1979), с именем которого связано становление карачаево-балкарской лингвистической школы. Он стоял у истоков создания кафедры языкознания Кабардино-Балкарского государственного педагогического института (1932) и отдела карачаево-балкарского языка Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

В судьбе этого талантливого и героического человека, как в зеркале, отразилась жизнь балкарского народа середины XX столетия. После окончания 2-го Северо-Кавказского пединститута в г. Орджоникидзе А.Х. Соттаев прошел аспирантуру при Институте языка и мышления АН СССР в Ленинграде (1937–1939 гг.).

Хаджиева Танзиля Мусаевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел фольклора, Институт мировой литературы им. М. Г. Горького РАН; e-mail: tanzila@mail.ru

После аспирантуры был направлен в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, где до 1941 г. занимал должность ученого секретаря Института и заведовал сектором балкарского языка.

С 1941 по 1945 г. Адильгерий Хаджимуссаевич Соттаев участвовал в Великой Отечественной войне, имел ранения и контузии, был награжден тремя медалями «За отвагу», медалями «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией». В 1945 г., после демобилизации из армии, он поехал в Среднюю Азию, куда в марте 1944 г. был депортирован балкарский народ. Оттуда Адильгерий Соттаев написал письмо И.В. Сталину, в котором «осуждал акт насильственного выселения народов, ставил вопрос о необходимости скорейшего возвращения балкарского народа на родину и требовал наказания всех причастных к неправомерной акции» [Аккиева, Сабанчиев 2014]. За это письмо фронтовик А.Х. Соттаев был осужден на 25 лет и отправлен отбывать наказание в Верхоянский район Якутской АССР, в самый северный лагерь ГУЛАГа – поселок Батагай. Спустя шесть лет, после смерти И.В. Сталина, А.Х. Соттаев был полностью реабилитирован. После возвращения на родину он был назначен заместителем министра культуры КБАССР, затем перешел на работу научным сотрудником в Кабардино-Балкарский НИИ.

Историк-архивист Д.В. Шабаев писал об А.Х. Соттаеве: «Жизнь, отданная народу, – так можно сказать о жизни Адильгерия Хаджимуссаевича Соттаева, человека суровой судьбы, первого балкарца – кандидата педагогических наук, офицера, участника Великой Отечественной войны, спецпереселенца, «лагерника», ученого, просветителя своего народа» [Шабаев 1990: 218].

Составление, подготовка текстов, редактирование и предисловие рецензируемой книги «Адилгерий Соттаев. Жизнь и творчество» – заслуженного работника культуры КБР А.Т. Додуевой. Она также является автором историко-биографического очерка «Адилгерий Соттаев: портрет на фоне времени» (с. 652–830) и «Краткого обзора научных и научно-педагогических публикаций А.Х. Соттаева» (с. 553–592) и составителем «Библиографии изданных работ А.Х. Соттаева» (с. 831–835).

А.Т. Додуева провела непростую и кропотливую работу по выявлению не только изданных трудов А.Х. Соттаева, но и большого числа еще не опубликованных материалов о его жизни и научной деятельности, хранящихся в личном архиве А.Х. Соттаева, в фондах Центрального государственного архива КБР, научного архива Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

В результате сложилась объемистая книга (840 с.), в которой с максимальной полнотой, но строго на документальной основе воссоздан жизненный путь А.Х. Соттаева, представлено его научное и художественное наследие, отмечен его вклад в подготовку нового поколения балкарских филологов. Но самое главное – составителю удалось в полной мере раскрыть личность героя, ставшего символом негибкого мужества и высокой человечности.

Книга состоит из шести разделов. Первый раздел посвящен литературному творчеству А.Х. Соттаева (с. 11–356). Здесь опубликованы его рассказы, легенды, стихи, четыре пьесы. Большинство из них, как указывает А.Т. Додуева, сохранились в рукописном виде в личном архиве автора.

Важная составляющая литературного наследия А.Х. Соттаева – его лагерные записи, представленные в книге под условным названием «Из верхоянских тетрадей»: «Письма» А. Кавказского (псевдоним А. Соттаева) и рассказ «Сосна», также публикуемые впервые. Особо следует выделить «Письма», характеризующие их автора не только как мужественного человека, но и как патриота своей Родины и своего народа. Можно только сожалеть, что литературное наследие А.Х. Соттаева так поздно возвращается к народу, но очень важно, что оно, наконец, становится составной частью и достоянием его национальной культуры.

Во втором разделе помещены статьи из обширного научного наследия ученого (с. 357–428), раскрывающие разные стороны многогранной деятельности А.Х. Соттаева. Примечательно, что в рецензируемой книге опубликованы материалы, ранее не издававшиеся, и переизданы некоторые труды А.Х. Соттаева, ставшие библиографической редкостью.

В разделах «Письма» и «Документы» (с. 429–462) впервые представлен ряд документов и писем, отразивших важнейшие периоды жизни А.Х. Соттаева.

В пятый раздел книги вошли статьи, очерки, воспоминания об А.Х. Соттаеве (с. 463–651). Из 28 материалов, представленных здесь, 19 написаны по просьбе А.Т. Додуевой специально для этой книги.

В данный раздел включена статья доктора филологических наук М.Б. Кетенчиева «Вклад А.Х. Соттаева в развитие карачаево-балкарского языкознания и лингводидактики», которую дополняет «Краткий обзор научных и научно-педагогических публикаций А.Х. Соттаева», подготовленный А.Т. Додуевой.

В статье М.Б. Кетенчиева впервые подробно охарактеризован вклад А.Х. Соттаева в развитие карачаево-балкарского языкознания и лингводидактики: «Особо следует отметить грамматические исследования А.Х. Соттаева. Так, им была опубликована монография “Имя существительное в карачаево-балкарском языке” [Нальчик: Эльбрус, 1968]» (с. 47). Объектом исследования ученого стала и интернациональная лексика, заимствованная в карачаево-балкарский язык через русский. Некоторые работы А.Х. Соттаева связаны с изучением синтаксических основ карачаево-балкарского языка.

Делом жизни А.Х. Соттаева стало изучение основных проблем карачаево-балкарской лингводидактики: «Методика балкарского языка в начальной школе» (Нальчик, 1940); «Некоторые вопросы методики преподавания балкарского языка» (Нальчик, 1962); «Синтаксис простого предложения балкарского языка и основы методики его преподавания» (Нальчик, 1968); «Русский язык в балкарской школе» (Нальчик, 1940); «К вопросу преподавания русского языка в балкарской начальной школе» (Нальчик, 1960). А. Х. Соттаев проявил себя и как популяризатор лингвистической науки и карачаево-балкарского языка: «Русско-кабардинско-балкарский разговорник» (Нальчик: Эльбрус, 1972, 1983).

Очерк А.Т. Додуевой «Адильгерий Соттаев: портрет на фоне времени», – можно назвать «книгой в книге» (с. 652–830). Работа написана на основе архивных материалов, воспоминаний родственников и коллег А.Х. Соттаева. В ходе работы были уточнены факты биографии, даты важных событий в жизни ученого, искаженные в ранее опубликованных материалах о нем. Это обстоятельство придает книге, составленной А.Т. Додуевой, особую основательность, достоверность и убедительность.

А.Т. Додуева буквально реконструирует жизнь А.Х. Соттаева, его научную и творческую деятельность и приводит много новых, ранее неизвестных сведений о личности и судьбе ученого. А.Х. Соттаев предстает как разносторонняя личность – известный спортсмен, ученый-лингвист, автор учебников для начальной школы и первый автор работ по методике преподавания балкарского и русского языков в балкарской школе, собиратель и исследователь карачаево-балкарского фольклора, педагог, общественный деятель, просветитель, публицист, поэт, прозаик и драматург. Показана роль А.Х. Соттаева и в подготовке преподавательских кадров для балкарских школ, и в организации школьного образования в Балкарии после возвращения балкарского народа из депортации.

Особое внимание уделено научной деятельности А.Х. Соттаева: очерчен широкий круг его научных интересов, показано его деятельное участие в решении научных проблем карачаево-балкарского языкознания, высвечена его роль в сборе, научной обработке и публикации карачаево-балкарского фольклора; впервые анализируется литературное творчество А.Х. Соттаева, освещаются его научные связи с ведущими языковедами-тюркологами страны: А.К. Боровковым, Н.А. Баскаковым, Э.В. Севортьяном, Е.И. Убрятовой и др.

А.Т. Додуева сумела рассказать о судьбе и творческой деятельности А.Х. Соттаева в социально-культурном контексте его эпохи. Ей удалось показать и научное окружение А.Х. Соттаева, оказавшее большое влияние на его формирование как человека и ученого.

Работа сектора карачаево-балкарского языка и литературы КБНИИ после возвращения из депортации охарактеризована А.Т. Додуевой с широким привлечением архивных материалов, газетных публикаций, различных документов и источников, что позволило ей воссоздать картину научной жизни этого сектора в 60-х–70-х гг. XX в. и при этом воздать должное ученым, так много сделавшим в деле возрождения и дальнейшего развития карачаево-балкарской филологической науки, – таким, как Ахмат Юсупович Бозиев, который с 1958 по 1967 г. заведовал сектором балкарского языка, литературы и устного народного творчества КБНИИ. В секторе тогда работали только два сотрудника – он и А.Х. Соттаев.

А.Ю. Бозиев высоко ценил А.Х. Соттаева как ученого: «Трудно назвать какой-либо существенный вопрос из области балкарской языковедческой и методической практики, в разрешении которого не было бы заметной доли труда А.Х. Соттаева» (с. 781). Когда в КБНИИ подводили итоги работы сектора с 1959 по 1965 г., А.Ж. Будаев, зав. кабинетом балкарского языка Кабардино-Балкарского института усовершенствования учителей, сказал: «Для двух сотрудников сектора за семь лет очень много сделано. Я особенно хочу подчеркнуть, что товарищи Бозиев и Соттаев сделали для министерства (просвещения. – А.Д.) и Института усовершенствования учителей больше, чем штатные сотрудники этих учреждений» (с. 800).

А.Х. Соттаев принимал активное участие в российских, всесоюзных и международных симпозиумах, сессиях и конференциях. После работ Н.А. Караулова, В. Прёле, А.Н. Самойловича, Б. Чобан-заде, А.К. Боровкова, В.И. Филоненко, У.Дж. Алиева он одним из первых обратился к изучению истории карачаево-балкарского языка: «Некоторые вопросы истории балкарского языка» (Нальчик, 1959); «Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка (Нальчик, 1959).

Последняя статья была зачитана А.Х. Соттаевым в качестве доклада на научной сессии по проблеме этногенеза балкарцев и карачаевцев и вызвала значительный интерес. В работе сессии принимали участие представители научных учреждений Кавказа, Москвы и Ленинграда: Н.А. Баскаков, В.И. Абаев, З.В. Анчабадзе, Е.П. Алексева, Б.А. Алборов, У.Б. Алиев, А.И. Робакидзе, Э.Б. Бернштейн, Х.А. Поркешян и др.

20–23 июня 1962 г. в Нальчике проходила Объединенная научная сессия Института языкознания АН СССР и КБНИИ по проблемам частей речи и сложно-подчиненного предложения в языках Северного Кавказа и Дагестана. В ее работе приняли участие крупнейшие языковеды страны: С.Г. Бархударов, Б.А. Серебренников, А.С. Чикобава, Ю.Д. Дешериев, Н.А. Баскаков, С.Е. Крючков, Э.В. Севортян, Г.В. Рогава, У.Б. Алиев и др.

А.Х. Соттаев выступил на сессии в секции тюркских языков с докладом «К проблеме придаточных предложений в карачаево-балкарском языке» и принял участие в обсуждении зачитанного профессором Ю.Д. Дешериевым коллективного доклада «О роли русского языка как языка межнационального общения народов СССР и некоторые вопросы развития и функционирования языков Северного Кавказа и Дагестана» (с. 786).

«16 октября 1962 г. на заседании сектора начального обучения НИИ национальных школ АПН РСФСР, на котором, кроме сотрудников сектора А.М. Валитовой и Л.А. Варковицкой и соискателя А.Х. Соттаева, присутствовали приглашенные Р.Б. Сабаткоев из сектора русского языка, Н.Б. Экба из сектора общих вопросов учебно-воспитательной работы и др., состоялось обсуждение работ А.Х. Соттаева, а также отзывов и рецензий на них... Было вынесено решение: „рекомендовать тов. Соттаеву А.Х. по теме «Вопросы преподавания родного и русского языков в балкарской школе» представить к защите на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, опубликованные им книги «К вопросу преподавания русского языка в балкарской начальной школе» (изд. 1960 г., г. Нальчик), «Некоторые вопросы методики преподавания балкарского языка в начальной школе» (изд. 1962 г., г. Нальчик)»¹. В качестве официальных оппонентов были рекомендованы профессор С.Е. Крючков и кандидат педагогических наук Н.Б. Экба, а требуемую третью рецензию на труды А.Х. Соттаева решено было получить из Кабардино-Балкарского ИУУ» (с. 790–791).

21 декабря 1962 г. в НИИ общего и политехнического образования Академии педагогических наук РСФСР А.Х. Соттаев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы преподавания родного и русского языков в балкарской начальной школе». Все члены Ученого Совета проголосовали «за» единодушно (с. 790–792).

А.Т. Додуева в своем очерке показала Соттаева сильным духом, мужественным человеком. Говоря о человеческих качествах Адильгерия Хаджимуссаевича, в своих воспоминаниях все, кто знал его, отмечают, что в любой жизненной ситуации он сохранял оптимизм, веру в жизнь и прекрасное чувство юмора. Именно эти качества характера помогли этому мужественному человеку с честью выдержать испытания войной, депортацией, ГУЛАГом. Даже в самые страшные,

¹ Научный архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 30.

безысходные дни он жил по принципу: «Без надежды – надеюсь». В своем письме из заполярного лагеря, адресованном самым близким друзьям – писателям Ж.Ж. Залиханову, С.О. Шахмурзаеву, К.С. Отарову, К.Ш. Кулиеву, языковеду У.Б. Алиеву, – он писал: «Единственное, чего я жажду, – это свободы. С помощью мужества, терпения и упорства я в конце концов добьюсь ее. Когда возвращаюсь, я не знаю. На грани между жизнью и смертью я всегда сохраняю ясность рассудка и твердую уверенность в том, что все кончится благополучно» (с. 651).

Яркой иллюстрацией жизненного и творческого пути А.Х. Соттаева служат и представленные в книге фотографии Адильгерия Хаджимуссаевича с родственниками и известными деятелями науки и культуры. Большинство фотографий публикуются впервые.

А.Х. Соттаев всю жизнь много и плодотворно трудился в науке, он совмещал исследовательскую работу в секторе балкарского языка КБНИИ с преподавательской деятельностью и активным участием в жизни Кабардино-Балкарского государственного университета, Кабардино-Балкарского Института усовершенствования учителей, общеобразовательных школ республики. Долгие годы он руководил Федерацией легкой атлетики КБАССР (с. 810).

Многогранная деятельность А.Х. Соттаева как ученого, писателя, общественного деятеля отмечена рядом наград КБР.

Книга А.Т. Додуевой об Адильгерии Хаджимуссаевиче Соттаеве – первая научно-биографическая работа о деятелях науки и культуры балкарского народа.

Литература

Аккиева, Сабанчиев 2014 – Аккиева С.И., Сабанчиев Х.-М. А. Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.): к 70-летию насильственного выселения балкарского народа. Нальчик, 2014. {*S.I. Akkiyeva, Kh.-M. A. Sabanchiyev. The Balkar people during the War and Deportation (1941–1957): to the 70th anniversary of the forcible Deportation of the Balkar people. Nal'chik, 2014.*}

Шабает 1990 – Шабает Д.В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1990. {*D.V. Shabayev. The Truth about the Deportation of Balkars. Nal'chik, 1990.*}

A review of the book: “Adilgeriy Sottayev. Life and work: Literary pieces, articles, letters of A.Kh. Sottayev. Documents. Articles, memoirs, and essays on A.Kh. Sottayev.”

(Edition and foreword by A.T. Doduyeva. – Nal'chik: El'brus, 2019. – 840 pp.: with illustrations.)

Tanzilya Khadzhieva

Moscow

Summary: The article is a review of the newly edited book on the lifeway of the famous Balkar scientist, writer and enlightener, politician, and the first Candidate in Pedagogical studies – A.Kh. Sottayev. For this book were collected different documentary data, memoirs of his contemporaries, images, and archive sources. The book seems to be interesting for one who deals with history, language, and culture of the Balkar people.

Keywords: A.Kh. Sottayev, the Balkar people, the Balkar language and literature, the Balkar folklore, Karachay-Balkar (Karachay-Malkar) linguistics research school.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРСОНАЛИИ

Вступительное слово.....	5
--------------------------	---

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>И. Л. Кызласова, К. В. Кичеева.</i> Глагольные средства выражения итеративности в хакасском языке.....	15
<i>Н.В. Мальшева, А.Е. Божедонова.</i> Система наименований мастей лошади в якутском языке.....	25
<i>Ф.Ш. Нуриева, М.М. Петрова, М.М. Сунгатуллина.</i> Графические и фонетические особенности передачи тюркского материала в грамматике И. Мегизера « <i>Institutiones linguae turcicae libri quatuor</i> » (1612)	38
<i>Мехмет Ольмез.</i> К вопросу об архаизмах тувинского языка	54
<i>А. Ч. Ооржак.</i> Названия сосудов (емкостей для хранения), изготовленных из очищенных внутренностей домашнего скота, в тувинском языке.....	60
<i>Н. Ч. Серээдар.</i> Именные модели элементарных простых предложений в тувинском языке.....	68
<i>Ф.Г. Хисамитдинова.</i> Об этимологическом словаре башкирского языка (ЭСБЯ)	83
<i>И.В. Шенцова.</i> Лексико-семантическая группа «музыкальные инструменты» в шорском языке	97

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>М.Г. Усманова.</i> Причастие прошедшего времени и способы его выражения в башкирском языке: новый взгляд на проблему.....	111
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>А.В. Образцов, А.С. Сулейманова.</i> Стратегия «счастья» Зюльфию Ливанели: нарратив и визуальность.....	125
<i>Ф.Ш. Сибгаатов.</i> Из тюрко-мусульманской литературы Урало-Поволжского региона начала XX века: сюжетно-композиционные особенности и концепция героя (на примере башкирской литературы).....	135

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Адилъхан Адильоглу.</i> Карачаево-балкарская песня-баллада «Бийнёгер» и киргизский эпос «Кожожаш» (сравнительный анализ).....	142
<i>Н.С. Майнагашева, В.В. Субракова, Ю.И. Чаптыкова, Л.В. Челтыгмашева, Н.С. Чистобаева.</i> Современный хакасский фольклор: особенности бытования.....	147

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Ф.Н. Дьячковский, Н.И. Попова.</i> О новых результатах деятельности якутских лингвистов	158
Протокол Годичного собрания Российского комитета тюркологов	164

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

<i>Т.М. Хаджиева.</i> Рецензия на книгу: «Адилгерий Соттаев. Жизнь и творчество: литературные произведения, статьи, письма А.Х. Соттаева. Документы, статьи, воспоминания, очерки о А.Х. Соттаеве» (сост., предисл. А.Т. Додуевой. – Нальчик: Эльбрус, 2019. – 840 с.: ил.).....	174
--	-----

CONTENTS

PERSONALIA

Introduction.....	5
-------------------	---

LANGUAGE STRUCTURE AND HISTORY

<i>I. L. Kyzlasova, K. V. Kicheyeva.</i> Verbal means of iterative expression in the Khakass language.....	15
<i>N.V. Malysheva, A.Ye. Bozhedonova.</i> The system of horse's colour naming in the Yakut language	25
<i>F.Sh. Nuriyeva, M.M. Petrova, M.M. Sungatullina.</i> On features of graphics and phonetics of the Turkic material in H. Megiser's grammar «Institutiones linguae turcicae libri quatuor» (1612)	38
<i>Mehmet Ölmez.</i> On the archaic lexical units of the Tuvan language	54
<i>A.Ch. Oorzhak.</i> Names of vessels manufactured from the domestic catalog	60
<i>N.Ch. Sereedar.</i> The nominative models of elementary simple sentences in the Tuvan language	68
<i>F.G. Khisamitdinova.</i> About the etymological dictionary of the Bashkir language	83
<i>Irina V. Shentsova.</i> The Shor namings of musical instruments as a lexical set	97

DISCUSSION

<i>Minsylu Usmanova.</i> Past participle of the Bashkir language and its means of expression: a new outlook on the problem.....	111
---	-----

LITERARY CRITICS

<i>A.V. Obraztsov, A. S. Suleymanova.</i> Strategy of "bliss" by Zülfü Livaneli: narrative and visuality	125
<i>Flur Sibagatov.</i> On Muslim Turkic literature of Ural-Volga region in the beginning of the 20 th century: aspects of plot and composition and the so-called concept of hero (through an example of the Bashkir literature)	135

FOLKLORE STUDIES

<i>Adilhan Adiloğlu.</i> Karachay-Balkar ballad song "Biynöger" and the Kyrgyz epic "Kozhozhash"	142
<i>Nina Maynagasheva, Viya Subrakova, Yuliya Chaptkova, Larisa Cheltygmasheva, Nadezhda Chistobayeva.</i> Modern Khakass folklore: features and aspects of existence	147

INFORMATION

- Fedor Diachkovskiy, Natalia Popova.* On last year's research results of Yakut linguists..... 158
Record of the Plenary Annual Meeting of the Committee of Russian Turcologists..... 164

REVIEWS

- Tanzilya Khadzhieva. A review of the book: "Adilgeriy Sottayev. Life and work: Literary pieces, articles, letters of A.Kh. Sottayev. Documents. Articles, memoirs, and essays on A.Kh. Sottayev." (Edition and foreword by A.T. Doduyeva. – Nal'chik: El'brus, 2019. – 840 pp.: with illustrations.)..... 174

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Общие положения

Журнал «Российская тюркология» выходит 4 раза в год и печатает материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований. Исключение может составить идентичная статья автора, опубликованная: а) в нецентральной научной печати (не Москва и Санкт-Петербург, а также не в журналах, аттестованных в системах Scopus, WoS и подобных – Новосибирск, Томск), б) за границей на иностранном языке. При этом автор обязан дать полную ссылку на эту первичную статью. Статьи в журнал «Российская тюркология» принимаются по рубрикам:

- Ö Структура и история языка
- Ö Дискуссии и обсуждения
- Ö Языковые связи
- Ö Ономастика
- Ö Культурология
- Ö Литературоведение
- Ö Фольклористика
- Ö Сообщения и обзоры
- Ö История науки, документы
- Ö Рецензии и аннотации

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- Ö актуальности
- Ö проблемности
- Ö научной новизны
- Ö доказательности
- Ö фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации. Все статьи проходят двойное слепое рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Журнал издается в двух версиях – бумажной и электронной. 120 печатных экземпляров предназначены для предоставления обязательных экземпляров в Книжную палату, библиотекам ряда родственных институтов и журналов, а также для бесплатной раздачи по одному экземпляру членам Российского комитета тюркологов, авторам напечатанных в данном номере материалов и членам редколлегии. Журнал индексируется в РИНЦ и на-

ходится там в открытом доступе, также, как он находится в открытом доступе на сайте Российского комитета тюркологов: <http://www.turcologica.org>.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по адресу: gosturcology@yandex.ru с безличным обращением «Уважаемая редакция».

Объем статьи – от 0,7 до 1 а.л. (28 тыс. – 40 тыс знаков с пробелами), включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «**Иванов И.И. Статья для РГ**»

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт)**, межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру. Дополнительные буквы к стандартным алфавитам русского и английского языков берутся из касс Юникода.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние – «ёлочки», внутренние – “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Букву «ё» использовать только в смысловоразличительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а фонт должен быть прислан вместе со статьей.

Все примеры на национальных языках должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру.

Фамилия автора набирается после заголовка по центру полужирным курсивом (инициалы стоят впереди).

На следующей строке после фамилии светлым курсивом указывается город.

К заголовку статьи, если требуется для отчетности, дается ссылка в конце страницы, где можно указать о финансовой поддержке исследования.

К фамилии автора дается еще одна ссылка в конце страницы со сведениями об авторе: ФИО – полностью, должность и место работы, ученая степень и звание, личный e-mail.

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**, а также, возможно, и нестандартный шрифт. *Ссылка* приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *постраничные сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по приведенным ниже образцам.

Итак, еще раз кратко о порядке расположения материала статьи:

Название на русском языке

ФИО автора; нижняя ссылка – сведения об авторе на русском языке: фамилия имя отчество – полностью, место работы и должность, ученое звание

Город

Резюме на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Текст статьи

Литература

Название на английском языке

Имя, фамилия автора, город на английском языке

Резюме на английском языке (Summary)

Ключевые слова на английском языке (Key words)

Сведения об авторе (авторах) на английском языке

Список литературы

Вводится заголовком *Литература* – полужирным курсивом. Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через **среднее тире** курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы автора (всех авторов), название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

ВНИМАНИЕ: С 2019 года вводятся дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям: литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия в квадратных скобках дается перевод этого названия на английский язык, названия конференции, - также необходимо перевести на английский, места и года издания. В настоящем номере журнала по таким принципам оформлена литература в статье И.А. Невской и Л.Н. Тыбыковой, см. с. 21–23. На пример:

ДТС = Надеяев. В.М., Насилов, Д.М., Тенишев, Э.Р., Щербак, А.М. (Редакторы). Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. {Old Turkic dictionary. Leningrad: Nauka, 1969.}

Каталог = Тыбыкова и др.: Тыбыкова, Л.Н., Невская, И.А., М. Эрдал. Каталог древнетюркских рунических памятников Республики Горный Алтай. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное изд-во, 2012. {A catalogue of Old Turkic runic written monuments of the Republic Mountainous Altai. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye knizhnoye izdatel'stvo.}

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Эмба*
Технический редактор: *С.И. Переверзева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*

ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 70×108¹/₁₆.
Усл.печ.л.14,0. Тираж 120 экз. Заказ № 1026

С готового оригинал-макета
Подписано в печать 30.11.2019